

Сергей Борисович Тамбиев

**Дневник участника
Российской Антарктической Экспедиции**

**Москва
2024 г.**

Сергей Борисович Тамбиев

Дневник участника Российской антарктической экспедиции

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70620607
SelfPub; 2024*

Аннотация

Книга знакомит читателей с повседневной жизнью и работой участников Российской антарктической экспедиции на борту научно-экспедиционного судна «Академик Фёдоров». Автор описывает высадки и работу на антарктических полярных станциях «Новолазаревской», «Молодёжной», «Прогресс» и «Мирный», раскрывает перед читателем страницы истории этих станций и освоения Антарктиды. Много внимания уделяется описанию природы Антарктиды и её уникальным обитателям. Книга иллюстрирована фотографиями.

Содержание

Пролог	4
1.Начало	9
2.Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт НЭС "Академик Федоров". Стоянка в Кейптауне	15
3.Выход в море. «Ревущие сороковые»	32
4.Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера	48
5.Снова в море. Идем на восток	89
6.Высадка на станции Молодёжная	100
7.Уход с Молодёжной	144
8.Станция Прогресс, Холмы Ларсена	157
9.Приём на борт сезонников со станции Дружная	198
10.Идём на Мирный?	219
11.Высадки на станцию Мирный и остров Хасуэлл	231
12.Прощай Мирный! Идём на запад.	275
13.Возвращение.	286
Эпилог	299

Сергей Тамбиев

Дневник участника

Российской антарктической

экспедиции

Пролог

Как-то, разбираясь в своём столе, я натолкнулся на прозрачную розовую пластиковую папку с застёжкой на «репейнике». В папке лежала изрядной толщины стопка листов бумаги формата А4, страниц эдак на 80 с напечатанным мелким шрифтом текстом. Кроме этого, здесь же находилась маленькая карманная книжечка в белом бумажном переплёте под названием «Школа выживания для полярников» с дарственной надписью автора и маленькая цветная картонная складка, открыв которую я обнаружил два билет на посещение океанариума в Кейптауне “Two Oceans Aquarium”, стоимостью 50 рандов каждый. И тут я всё вспомнил. Это же мой дневник, который я вел во время работы в 48 Российской антарктической экспедиции на научно-экспедиционном судне «Академик Фёдоров» в феврале-апреле 2003 года. Сра-

зу же нахлынули воспоминания более чем 20 летней давности: возвращение в Институт океанологии РАН, в лабораторию академика Александра Петровича Лисицына, после многих лет скитаний по миру и разного рода работам, встречи с постаревшими друзьями и бывшими коллегами, уговорами Александра Петровича разрешить мне пойти в рейс в Антарктиду, в группе от нашей лаборатории, которую возглавляла Инна Абрамовна Немировская, подготовка к этой экспедиции, ну и конечно же сама экспедиция.

А.П. не сразу согласился отпустить меня, на что у него были какие-то свои резоны. Помню, как мы с Инной Немировской сидели у него в кабинете на 6-м этаже, и я убеждал Александра Петровича отправить меня в этот рейс, где я несомненно с пользой применю свой богатый экспедиционный опыт, тем более, что один из предполагаемых участников уже отказался от этой экспедиции. Благодаря поддержке, которую мне оказала Инна Абрамовна, вставшая на мою сторону, мне, в итоге, удалось Лисицына уговорить. Ну и чтобы закрепить успех, я пообещал Александру Петровичу сделать документальный фильм об этой экспедиции и показать его на очередной Школе по морской геологии. И, кстати, обещание своё я, впоследствии, сдержал.

Сейчас, по прошествии стольких лет, уже не стыдно признаться, что основным мотивом для моего возвращения в

ИОРАН как раз и было желание принять участие в этой экспедиции в Антарктику, так как я чётко понимал, что судьба предоставила мне второй шанс попасть туда, о чём я мечтал, с ранней юности, начитавшись книг о прошлых и современных полярных исследованиях. Первый раз я чуть было не попал в Антарктиду в 1983 г. во время кругосветной экспедиции в 30 рейсе НИС «Дмитрий Менделеев». Мы направлялись из Тихого океана через пролив Дрейка в Атлантический океан и должны были пройти недалеко от советской антарктической станции Беллинсгаузен. Полярники связались с нами по радию и пригласили посетить станцию. К нашему всеобщему сожалению, капитан отказался от захода, так как нам на пути попадались льды и айсберги, судно было не ледового класса, да и погода не располагала к высадке. Так что мы прошли мимо Антарктического полуострова без захода на станцию, к глубокому сожалению всей экспедиции. И вот передо мной снова замаячила Антарктида и этот шанс я уже не мог упустить.

Перечитывая свои записи более чем 20-летней давности, я конечно отдаю себе отчёт, что сейчас уже многое изменилось на наших полярных станциях и в морских полярных экспедициях. И люди там работают уже другие и инфраструктура, конечно, улучшилась, и отношение к окружающей природе поменялось в лучшую сторону, и оборудование другое, современное. Ведь в те времена, когда я попал в Антаркти-

ду, страна только-только начала выкарабкиваться из тяжёлых 90-х годов и главной задачей тогда были даже не научные исследования в Антарктике и Арктике, а хотя бы просто сохранить наше присутствие в этих регионах. Поэтому и основной упор делался не на научных исследованиях, а на обеспечении выживания станций. При этом работы велись часто при отсутствии какой-либо поддержки высокопоставленных чиновников, часть которых искренне не понимала зачем нам тратиться на Антарктиду, когда и в своей стране дескать забот хватает. Сам слышал такие разговоры от людей, которым даже по долгу службы предписывалось поддерживать работы в полярных регионах. Наблюдалось и внешнее давление на страну, в целях выдавить нас из Антарктиды. И, тем не менее, несмотря на все сложности, России удалось отстоять своё присутствие в Антарктиде и за это современные учёные должны быть признательны своим предшественникам, которые смогли сохранить наши станции в тяжелейших условиях дефицита всего, низких зарплат, пренебрежительного к себе отношения и передать эстафету нынешнему поколению полярных исследователей.

Понимаю, что кому-то может что-то и не понравиться в моих дневниках, с чем-то можно и не согласиться, но я принял решение кардинально ничего не менять в тексте. Ведь то что было положено мной тогда на бумагу соответствовало истине или моему тогдашнему представлению о ней. Теперь

это уже история, а править историю – последнее дело.

1.Начало

Москва, 03 февраля 2003 г.

48 Российская Антарктическая Экспедиция или 48 РАЭ началась для меня с того, что в день отъезда, я перепутал Ленинградский вокзал с Белорусским – затмение на меня какое-то нашло. И каким же для меня благом оказалось то, что я имел получасовой запас времени, благодаря которому и успел получить оставленный днем на Белорусском вокзале багаж и дотащить его бегом в метро до Ленинградского вокзала, вызывая недоуменные взгляды припозднившихся пассажиров. К своему поезду №4 Москва – Ст. Петербург, я успел прибежать, обливаясь потом и дико озираясь по сторонам за 5 минут до планового отхода, хотя, как всегда в таких случаях, отход поезда был задержан на 15 минут. Так что, бог упас меня от позора, и я воссоединился со своей будущей командой, состоящей из Инны Абрамовны Немировской – нашего начальника, доктора геолого-минералогических наук, заведующей аналитической лаборатории Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН (ИОРАН), Саши Новигатского, аспиранта и по совместительству инженера лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН, Дениса Айбулатова, младшего научного сотрудника Географического факультета МГУ и по совместительству сын моего старого

друга, профессора Николая Александровича Айбулатова и меня – Сергея Борисовича Тамбиева, кандидата геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника лаборатории физико-геологических исследований ИОРАН.

На станции меня уже с волнением поджидали коллеги по экспедиции, а провожали нас в дальний поход сотрудник нашей лаборатории Володя Шевченко и девушка Саши Новигатского. Через пять минут поезд тронулся, и мы занялись благоустройством в купе. С трудом распихав свой объёмный багаж по местам, тут же «тягнули», как водится, под стук колес, благо у меня с собой во фляжке оставался не допитый дома коньяк. Посудачив немного о последних институтских делах и перипетиях отъезда, все дружно завалились спать.

Санкт Петербург, 04-06.02.03

Прибыв на следующее утро в Ст. Петербург, мы оставили весь свой багаж в камере хранения Московского вокзала, взяв с собой только самое необходимое, и отправились в Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Росгидромета (ААНИИ), на улицу Беринга, 38, чтобы начать процедуру оформления в экспедицию.

По прибытии в ААНИИ сразу же выяснилось, что не хватает каких-то бумаг на всю нашу группу. Не оказалось приказа об экспедиции, который был утерян где-то в недрах от-

дела кадров или планового отдела ИОРАН, не было каких-то документов на Дениса Айбулатова (хотя в списках экспедиции он числится), а у меня отсутствовала прививка от дифтерита, о которой нам забыли написать в официальной напоминаловке из ААНИИ. В результате, каждый ответственный (и безответственный) бюрократ угрожал отправить всех нас скопом или по отдельности обратно в Москву. Чтобы преодолеть все эти объективные и субъективные трудности и достойно закончить наше оформление, весь первый день пришлось провести в беготне по этажам ААНИИ, обменах факсами и телефонными звонками с ИОРАН, пройти инструктаж по технике безопасности, медкомиссию и тестирование на адаптируемость (оказывается такое есть не только у космонавтов), получить какие-то бумаги и книжки выполнения задания, подписать всякие юридические отмазки для ААНИИ (типа «в смерти моей прошу никого не винить»), подписать завещание на получение доверенным лицом накопленного в экспедиции состояния (из расчета 5 американских долларов в сутки) и личных шмоток, которые стоят и того дешевле и т.д. и т.п. В результате, к концу дня, когда все мы просто ошалели от усталости и были готовы махнуть рукой на экспедицию нам мягко сообщили, что бегай не бегай, а все равно все мы просто обречены пойти в этот рейс, т.к. билеты в Кейптаун уже на всех закуплены у голландской компании KML и обратного пути практически нет.

На этом, однако, наши злоключения в Питере не закончились – две ночи требовалось где-то переночевать. У Саши и Инны проблем не было. Саша отправился на постой к родственникам, которых, по его словам, у него в Питере уйма, а Инну тут же пригрели ее друзья по предыдущим экспедициям. Оставались не пристроенными только мы с Денисом (или Дэном, как его окрестил Саша). Днем, правда Инна устроила из ААНИИ звонок некоему Валентину Николаевичу, который распределял гостиничные места в академических и других околонаучных гостиницах. Валентин Николаевич направил нас на станцию Удельная в гостиницу «Наука», где вечером нас встретили совсем даже не дружелюбно, а в духе доброго застойного времени сакраментальными словами «Мест нет!» После некоторых переговоров и звонков начальству, а самое главное нашей ссылки на магическое имя Валентина Николаевича, нам с неохотой выделили однокомнатный номер «полулюкс», который в моем представлении таковым быть просто не мог, в силу множества причин. В качестве иллюстрации, могу только отметить, что на нашу робкую просьбу дать туалетной бумаги, нам было предложено возить бумагу с собой, а на данный момент в виде гуманитарной помощи была выдана бесплатно распространяющаяся рекламная газета «Центр плюс».

Промерзнув всю ночь в питерском «полулюксе», наутро 5 февраля мы опять поехали в ААНИИ, чтобы завершить

оставшиеся дела и привезти наши вещи с вокзала. Примерно к полудню я освободился, и мы договорились встретиться с Дэном в 2 часа на станции метро Невский проспект, чтобы произвести обзорную экскурсию по городу. Однако он не пришел, и я прождав его минут двадцать отправился бродить по городу один. В последствии Дэн меня уверял, что простоял на договорном месте около часа. Для меня же так и осталось загадкой что произошло – оба ждали друг друга в одном месте и друг друга не увидели. Чудеса. По совету моей жены Вали попытался посетить Спас на Крови, но оказалось по средам он не работает. Поехал в Петропавловскую крепость, куда мне не случилось попасть во время предыдущих посещений Питера – и опять облом, по средам и здесь большинство экспозиций и казематов не работает. Удалось осмотреть лишь саму крепость снаружи, да музей восковых фигур. Погода же в этот день была пронзительно холодной с ледящим ветром со стороны Невы, так что длительные прогулки большого удовольствия не доставляли. Хотел еще посмотреть музей ледяных фигур, расположившийся рядом с крепостью со стороны Невы, но там заломили аж 100 р. за вход и природное чувство справедливости не позволило мне заплатить такую цену за билет. После этого я направил свои стопы в сторону Кунсткамеры, которая на мое счастье оказалось открытой. Разглядывание вместе с толпой зевак заспиртованных уродов и кусков человеческой плоти с затейливой бахромой вокруг отрезанных конечностей, мне ника-

кого удовольствия не доставило, и я быстро перебрался в залы посвященные этнографии, где и рассматривал экспонаты до закрытия музея. В принципе, музей оказался неплохим и довольно информативным, однако выглядел очень уж устаревшим по сравнению с современными музеями запада и даже Москвы, где используются последние музейные технологии и достижения.

На подходе к гостинице у дверей столкнулся с Дэном, который обрел в Питере, доселе не знакомого ему родственника (кажется племянника, оказавшегося выше и старше его) и направлялся к нему в гости с ночевкой. Последний же день моего пребывания в гостинице, уже в другом номере, прошел под знаком борьбы с холодом. Ночью я горячо благодарил судьбу за то, что она послала Денису нежданную родню, а мне оба его одеяла, которые помогло мне продержаться до утра. После скудного завтрака в гостиничном буфете я все-таки решил перед отъездом в аэропорт посмотреть Спас на Крови, что с успехом и осуществил. Удовольствие от увиденного получил большое. Храм оказался невероятно красивым и необычным внутри. Роспись, мозаика, отделка камнем, все это производит неизгладимое впечатление. Таких православных храмов я до этого не встречал. Молодцы реставраторы, потрудились на славу, хотя им и потребовалось для этого более двадцати лет!

2.Перелет до Кейптауна. Прибытие на борт НЭС "Академик Федоров". Стоянка в Кейптауне

6 февраля, в 12 часов я уже был в ААНИИ, где встретился с нашей небольшой командой. К этому времени все вещи были погружены на машину и отправлены в аэропорт. Инна поехала в аэропорт со своими друзьями на их автомобиле, а мы втроем двинули своим ходом на метро и маршрутке, купив по дороге конверты для писем и перекусив в пиццерии. В аэропорт Пулково-2 мы прибыли, как и требовалось, в 2 часа по полудни и торчали там часа три-четыре, пока не началась посадка в самолет. Всего нас в первой партии летело 35 человек (вторая партия вылетала 8 февраля) и мы, я полагаю, помогли голландской авиакомпании KLM выполнить в этот день их план перевозки пассажиров.

Наш сотоварищи представляли собой довольно-таки разношерстную публику. Попробую распределить их по категориям:

Зимовщики, едущие на смену тем, кто свое отзимовал на разных станциях. Говорят, что после зимовки, попадая на

борт судна, они беспрерывно пьянствуют и не выходят из такого изумленного состояния до самого Питера;

Сезонники (в эту категорию входим и мы), это те, кто работает с борта судна с высадкой или без оной на лед и материк и те, кто как прибыл в Антарктику на борту «Федорова», так на нем и возвратится в Питер в этом же сезоне. Сезонники с неодобрением относятся к зимовщикам, считая их не вполне адекватными;

Команда «Фёдорова», или как они любят себя называть – экипаж. Считают себя элитой и с глубоким презрением смотрят как на зимовщиков, так и на сезонников.

Первые две категории составляют собственно РАЭ, а вторые (команда) как бы сами по себе, и я так и не понял, являются ли они сотрудниками Росгидромета или Морфлота или ААНИИ. (К концу рейса, правда, разобрался. Команда – сотрудники ААНИИ).

Загрузившись сначала в Боинг 737 до Амстердама, а в Амстердаме в знаменитый Jumbo Jet – Боинг 747, мы без особых приключений, с часовой посадкой в Йоханнесбурге добрались до Кейптауна. В полете никаких ЧП не происходило. Как всегда, почти все напились до разной степени тяжести. Кто-то по-пьяне пытался курить, но бортпроводники с такими нарушителями быстро разобрались. Из Амстердама до Кейптауна полет занял более 10 часов, кормили так се-

бе, и хотя в выпивке особо не ограничивали, лететь было довольно муторно.

Кейптаун нас встретил в виде местного агента, кажется из индусов, с табличкой в руке "Akademik Fedorov", а также дождем и влажной духотой, что мне даже немного напомнило тропики. Агент, естественно, не знал ни слова по-русски, а наш старший, Володя, который летел на зимовку в Мирный, не знал ни слова по-английски. Я предложил им свою помощь, которая обеими сторонами была с восторгом принята. Мы загрузились в автобус, и агент привёз нас сначала к портовым властям, где нам проштемпелевали наши паспорта моряка, а затем подвез к борту судна, на котором нам предстоит прожить как минимум 3-4 месяца.

Научно-экспедиционное судно (НЭС) «Академик Федоров» произвело на меня приятное впечатление. Огромное, по меркам научного флота, судно водоизмещением более 16000 т, выкрашенное в ярко оранжевый цвет, с внушительными мощными кранами и белыми надстройкам в 7 палуб. Наши старые добрые научные шеститысячники: «Дмитрий Менделеев», «Витязь», «Академик Мстислав Келдыш», казавшиеся мне до сегодняшнего дня крупными судами, не шли ни в какое сравнение с этим гигантом.

Нам с Сашей Новигатским выделили 206 каюту на двоих

на нижней палубе. Каюта, привела нас в полное уныние: унитаз разбит, света нет, грязь везде невероятная, ключа тоже нет – его по ошибке увезли на станцию. Впоследствии выяснилось, что в этой каюте жили геройские летчики-полярники, приведшие её в такой вид. Злые языки утверждают, что полярники считают ниже своего достоинства производить уборку в своих каютах, считая это делом подлым и не достойным героев. На «Федорове» же, в отличие от нашего академического флота, каютные-номерные барышни, в задачу которых входит проведение уборки в каютах членов экспедиции, убираются только в каютах команды (еще одна дискриминация), поэтому можно представить, в каком состоянии находятся каюты, где никто не убирался. Мы пожаловались начальнику отряда сезонников, Кузнецову Василию Леонтьевичу и нам, не без нервотрепки, выделили соседнюю 210 каюту, где, по крайней мере, унитаз не был разбит, хотя свет в туалете тоже отсутствовал, но его, по нашей просьбе, быстро наладили.

Обедом нас не накормили, сказав, что мы опоздали на 30 минут, а ближе к вечеру выдали белье. Правда, мы с Сашей Новигатским опять немного опоздали и получили втык от кастелянши Лены, за то, что отвлекли ее от заслуженного отдыха. Замечание было скорее для порядка, чем со злобой. Вечером мы встретились с засланным на борт судна еще в ноябре Сашей Плишкиным, коллегой из ИОРАН, который

сильно растолстел за время рейса и встретил нас без особого энтузиазма, никак не подготовившись к нашему приезду и не заказав ящик джина, о котором Инна Абрамовна попросила телеграммой из Москвы. Отсутствие ящика очень огорчило нашего начальника. Плишкин сказал, что очень много работает, 4 раза в сутки замеряет на пеленгаторной палубе спектр гранулометрического состава аэрозолей, даже здесь, на стоянке в Кейптауне.

08-15.02.03, Кейптаун. Утром следующего дня, под предводительством бывалого Саши Новигатского (для него это была уже вторая экспедиция в Антарктиду на «Фёдорове») мы

отправились на первое свидание с Кейптауном. Судно стояло у стенки на контейнерном терминале, что довольно далеко от города. Идти пешком пришлось около 40 минут. День был солнечный, безоблачный, но очень ветреный. Я, честно говоря, даже и не ожидал, что в Кейптауне может так дуть в ясную погоду. В Окленде (где я прожил почти 6 лет) такого, как правило, не водилось – там дует только во время циклонов, но тогда, и погода совсем дрянь. Саша привел нас в самое популярное у туристов место – Вотерфронт имени принца Альфреда и Виктории. Кто такая Виктория я, естественно, знал, а вот насчет Альфреда приходилось догадываться, пока я где-то не прочел, что он, оказывается, был вторым сыном Виктории и учредил этот Вотерфронт. Здесь всегда

многолюдно и масса завлекательных для приезжих мест: магазины с разнообразнейшими африканскими товарами, множество ресторанов, киосков. На дорожках и аллеях время от времени появляются какие-то группы африканских молодых людей или девушек носящих одинаковую форму и исполняющих ритмичные африканские песни с танцами. Я так и не понял, кого они представляют – то ли разные исполнительские группы, то ли разные колледжи. Таким способом они пытаются зарабатывать деньги, хотя туристы подают им немного. Масса довольно больших моллов: шоппинг центров, которые тоже очень напомнили мне Окленд. В первый же вечер Саша сильно обгорел и, почувствовав себя плохо, ушел на судно. Мы же с Денисом остались еще погулять. Купили вина и выпили его на верхнем этаже старой городской башне с часами, расположенной в центре Вотерфронта. Ступеньки на верх были, с точки зрения городских властей, ветхими и с нас внизу взяли подписку, что мы поднимаемся наверх на свой страх и риск и никого не будем винить если свалимся оттуда.

Вино в Кейптауне – это особая статья, на которой надо остановиться подробнее. Честно говоря, такого хорошего сухого красного вина, при этом дешевого, я не пил до этого даже во Франции. Я и представить себе не мог, что красное сухое вино, не крепленое, может быть 14 или даже 15°! Это говорит о благоприятном климате и о качестве винограда,

из которого это вино делается. Вкус даже у недорогого южноафриканского вина просто божественный, никакой кислоты вообще. Примерно за месяц до этого, будучи в Париже, я выпил много местного недорогого вина, которое мне показалось, по сравнению с молдавскими и болгарскими винами, великолепным, но даже французское вино уступает южноафриканскому, причем не только по вкусу, но и по букету запахов.

Вечером, когда уже стемнело, мы с Денисом возвращались одни, по пустынным улицам Кейптауна, не зная точного направления и, конечно же, заблудились. Определиться на местности мы пытались и по звездам, и по небоскребам вокруг нас, и по другим каким-то признакам, но все оказалось тщетным, хотя на следующий день мы поняли, что были очень близки к успеху. Ну а в тот вечер мы устав от всех этих бесплотных попыток просто взяли такси и доехали до порта. Таксист взял с нас сравнительно недорого, да еще и девочек предложил, от чего мы с благодарностью отказались.

Одним из положительных для нас моментов в Кейптауне я считаю наличие в нем *The Cape Town Station of the Mission to Seafarers* или Мисси для моряков, основанной, по-моему, тем же Альфредом, или кем-то еще из тогдашней британской королевской семьи. В Миссии было два или три микроавтобуса и всех желающих из порта постоянно подвозили, куда

они захотят, причем услуги автобусов бесплатны. Проблема была лишь в том, чтобы дождаться, когда автобус придет, или же встретить его, когда возвращаешься обратно в порт. Также в Миссии можно неплохо и не дорого поесть, попить пива и бесплатно поиграть в бильярд или настольный теннис. Отсюда же можно с удобством и позвонить.

Самая очевидная и запоминающаяся достопримечательность Кейптауна, это, конечно же Столовая гора, которая возвышается над всем городом, а город, собственно, вокруг нее и располагается. Свою Столовую гору жители Кейптауна очень любят. На ней произрастает эндемичная растительность, и живут эндемичные животные и насекомые. Какой-то француз в честь этой горы назвал одно из созвездий в южном полушарии, и кейптаунцы очень этим обстоятельством гордятся. В этот раз мы достигли подножия этой горы, где и распили предварительно закупленное красное сухое вино.

Из других достопримечательностей, мы посетили Замок Доброй Надежды, построенный голландцами, а затем отобранный у них англичанами. Место интересное и на самом деле это конечно никакой не замок, а самый настоящий форт с какими-то небольшими и интересными строениями внутри. Если мне не изменяет память, в главном здании жил губернатор. Фортификации впечатляют, и форт действительно внушает уважение.

Неплох оказался и парк в центре города с ручными белками, бегающими по парку. Судя по карте, есть еще и настоящий ботанический сад, но он находится с другой стороны Столовой горы и добираться до него довольно-таки далеко. Рядом с парком располагается национальный музей и Планетарий, куда мы сходили с Денисом. В общем, тоже очень интересно. В воскресенье, всей бригадой посетили африканский рынок полный африканских ручных поделок. Встречаются и очень неплохие. Купил здесь себе страусиное яйцо и фигурку бабуина, выточенную из местного зелёного камня, который, как утверждают продавцы, встречается только в Южной Африке. В принципе, здесь продают все тоже, что и в магазинах для туристов, но дешевле. Да и сам рынок очень колоритен. Торговцы часто в национальных одеждах и продают всякую всячину: резьбу по дереву и камню (часто из местного африканского малахита), красочные картины, батйки, предметы национальной одежды, ракушки, чучела экзотических животных и тому подобное. Спецификой этого рынка, с чем я до этого не сталкивался в других местах, где мне приходилось бывать, было наличие тщательно отпрепарированных окаменелостей доисторических существ, которые здесь продавались. Из нескольких десятков предлагаемых образцов, я смог опознать только трилобитов и каких-то тварей, похожих на рыб, остальные были мне не известны, хотя выглядели впечатляюще.

Из других достопримечательностей Кейптауна, с которыми нам удалось ознакомиться, я бы выделил аквариум на Вотерфронте. И, хотя, стоимость прохода туда сравнительно высока – 50 рандов, аквариум стоил каждого цента из этих денег и даже больше! Здесь собрано много уникальных рыб из разных морей и океанов, преимущественно из акваторий Атлантического и Индийского океанов. Экспозиции сделаны здорово, не хуже, чем я видел в США, Новой Зеландии или Сингапуре. Но больше всего мне понравились гигантские, высотой в 4-5 метров застекленные помещения, представляющие собой кусок прибрежного дна с огромными местными водорослями, камнями, гигантскими рыбами. Помещение перед этим кусочком подводного сада естественно не освещено, свет исходит только от этого аквариума. Здесь же располагаются ступеньки, на которых может присесть и отдохнуть зачарованный посетитель. Откуда-то сверху исходит тихая приятная музыка.

В один из дней, мы предприняли поездку на местной электричке без стёкол за город, в Саймонс Таун, расположенный в Фальшивой бухте с теплой индоокеанской водой. Поездка туда заняла у нас 30-40 минут. Мы проехали вокруг почти всего Кейптауна, потом через какие-то маленькие селения и вдоль моря. Не обошлось без небольшой несуразности, т.к. нам пришлось сделать, в принципе, ненужную пересад-

ку. Доброжелательная молодая африканка порекомендовала нам не тот поезд, и мы не доехали до Саймонс Тауна пару остановок, так, что пришлось на перроне минут пятнадцать ждать правильного поезда.

Саймонс Таун оказался военно-морской базой Южноафриканской республики. Мы прошли вдоль всего военно-морского порта с одним военным кораблем и одним кораблем поддержки. По дееспособности и количеству военных судов Южная Африка, как мне показалось, не многим превосходит Новую Зеландию. Путь на пляж нам сначала показал бравый морской офицер (он же объяснил нам и путь в ближайший винный магазин), а затем местная бабулька, которая довела нас до пляжа. Добирались мы туда минут 20-25 и наши дамы (Инна со своими новыми подружками) устали и приуныли, поэтому мы оставили их на пляже, а сами пошли искать приключений дальше. Не пройдя и пятидесяти метров от пляжа, мы обнаружили резервацию пингвинов, открытую для туристов, и вход в которую стоил 10 рандов. Купили билеты и прошли внутрь. Это оказалась довольно большая колония южноафриканских очковых пингвинов и пингвинов Адели. От души поснимав славных птичек мы решили пройти дальше и вскоре натолкнулись на совершенно потрясающий пляж с песком и огромными гранитными валунами (как я потом выяснил, пляж так и назывался: Boulders beach). На пляже, прямо среди людей, деловито бродили те

же самые пингвины, ничуть людей не боявшиеся и даже наоборот, норвящие тяпнуть за палец, если кто-то проявлял слишком большую фамильярность. Раскованность пингвинов была столь велика, что когда мы лежали после купания на песке, к нам подошел один из пингвинов и отложил яйцо почти мне под нос. Я был тронут таким доверием. Люди здесь тоже вели себя раскованно. Рядом с нами две голландские лесбиянки загорали в разных позах и ходили купаться совершенно нагими. Из Москвы я взял с собой маску с трубкой и ластами и от души понырял. Дно оказалось очень интересное с большим количеством рыбы, ракушек и прочей живности. Было много огромных, до 5 метров высотой бурых водорослей, которые мы и видели в Аквариуме. К сожалению, вода была не очень прозрачной, вероятно взмутилась после шторма – за пару дней до этого был очень сильный ветер. И, тем не менее, мне удалось достать со дна местную ракушку, размером больше чем с кулак, которую храню до сих пор дома. Примерно в 4 часа по полудни мы сели на обратную электричку и вернулись в Кейптаун.

В предпоследний день, случилось небольшое происшествие. Мы с Денисом возвращались из города в порт. Саша с нами в тот день на берег не сходил, по причине сильного обгорания и плохого самочувствия, а нам надо было зайти в интернет кафе, пообщаться с миром в последний раз перед отплытием, да и побродить по городу – ведь прощались мы

с цивилизацией на несколько месяцев. На обратной дороге, где-то на середине пути из-за поворота прямо на нас выскочили три мелких африканских тинэйджера и, приставив нож к животу Дениса, потребовали деньги и его шикарный фотоаппарат. Денис растерялся, моя же реакция была мгновенной. Я тут же схватил за шиворот второго из нападавших, который оказался рядом со мной и замахнувшись кулаком над его головой сказал старшему с ножом, что я его сейчас убью, если он не отпустит моего товарища. Пацаны, видимо, не ожидали такой реакции, а может, это был их первый налет, тем не менее мое агрессивное поведение их озадачило, они явно растерялись. В это мгновение рядом остановились небольшой грузовичок с двумя белыми парнями в кабине, и легковушка с мужиком в салоне. Все трое юных налётчиков решили дальше не испытывать судьбу и тут же удрали через дорогу и дальше через забор. Остановившиеся парни вышли из машин и спросили, в чем дело и не нужна ли их помощь. Мы объяснили, что на нас напали, но теперь все в порядке, и нападавшие мелкие обидчики рассеяны. Мы поблагодарили местных, и они уехали, а мы продолжили свой путь на судно. Денис, мне потом говорил, что он вообще ничего не успел понять, а только увидел большой кривой нож, похожий на садовый секатор, у своего живота и все. Я же страшно возмутился тому факту, что меня, 53-летнего российского мужика пытается ограбить какая-то местная, сопливая, черная шпана, старший из которых едва мне доходи-

ла до плеча. Кроме того, моей агрессивной реакции поспособствовали три бутылки чудесного красного вина, распитые нами незадолго до этого в городских сквериках. Однако, больше всего меня поразила реакция обычных кейптаунских мужиков. Увидев, что чёрная шпана напала на белых, они тут же бросились на подмогу, хотя мы для них были совершенно незнакомые люди. Наши российские мужчины, к сожалению, так себя обычно не ведут и стараются обойти или объехать такого рода инциденты по большой дуге: меня мол не трогают, и хорошо.

На следующий день был назначен отход на 14.00. На берег сошли человек 10-15 провожавших нас местных русских, которые водят взаимовыгодную дружбу с людьми из команды и раэшниками, регулярно посещающими Кейптаун. В 14.30 мы отшвартовались.

1. Столовая гора (слева) и гора Львиная голова (справа)

2. В городском парке Кейптауна

3. Среди пингвинов на пляже Боулдерс в городе Саймонс Таун

3.Выход в море. «Ревущие сороковые»

15-19.02.03.

Выйдя из порта, мы взяли курс на юг, пройдя вдоль всего Мыса Доброй Надежды. Сразу же по выходу за боновые ворота порта мы ощутили дыхание Атлантического океана, а когда миновали Мыс Доброй Надежды, то за нас взялся уже сам Южный океан, и эту хватку мы ощутили в полной мере. Пять дней в "ревущих сороковых" нас так здорово кидало, что, несмотря на солидные размеры нашего судна, ночью было трудно уснуть. Почти все мои коллеги заметно укачались, я же сильно не страдал и регулярно ходил на все приемы пищи (не все могли это делать). Болтанка продолжалась все пять дней, пока мы проходили сороковые широты. Несмотря на сильную болтанку и ветер мы начали свои традиционные попутные работы почти сразу же по выходу из порта. Эти работы включали в себя отбор проб поверхностной воды ведром на ходу судно с последующей ее фильтрацией для выделения взвешенного вещества и изучение гранулометрического состава аэрозолей с пеленгаторной палубы, где Александр Плишкин еще в самом начале экспедиции установил свой счетчик.

20.02.03, Четверг (51°24'S, 04°36'E)

"Ревущие Сороковые" мы наконец-то прошли. Они и впрямь оказались ревущими.

Волны вздымались до высоты не менее 5-7 метров, а порывы ветра на пеленгаторной палубе, по словам Плишкина, достигали 30 м/сек. Наш огромный «Федоров» качало как обычный научный шеститысячник, а по ночам несколько раз закладывало на борт так, что первую ночь я не мог спать и, временами, ожидал объявления шлюпочной тревоги. На следующий день опытный полярник Саша Новигатский сказал мне, что предельно допустимый угол наклона у «Федорова» составляет 57°, что меня несколько успокоило (предельно допустимый угол наклона у нашего НИС "Академик Мстислав Келдыш" составляет всего 43°). Сегодня вошли в "неистовые пятидесятые", как их называли когда-то британские моряки. Для нас пятидесятые широты оказались более дружелюбными, вопреки своему грозному названию. Появились первые айсберги. Зрелище довольно впечатляющее: огромные ледяные глыбы белого цвета, переходящего в голубой и цвет морской волны, часто весьма причудливой формы. Один айсберг предстал перед нами в виде древнего замка, другой был похож на носорога, некоторые выглядели как снежные пики или небольшие столовые горы в океане. Пока это единичные экземпляры. Правда, для меня это не первая

встреча с айсбергами. Впервые, я познакомился с ними еще в далёком 1983 году, в 30 рейсе нис "Дмитрий Менделеев", когда мы закончили работы к югу от Новой Зеландии и пошли к Антарктиде для выполнения разреза вдоль 67° Ю.Ш.

Днем к нам подошел Василий Леонтьевич Кузнецов (начальник всего сезонного отряда) и предложил составить план работ на станции Новолазаревская (первая из станций, на которую мы заходим через несколько дней). Нам с Сашей было предложено слетать на материк на озера для сбора материала, на что я с восторгом согласился, а Саша без оно-го, т.к. вкусил этой романтики в прошлой экспедиции и, насколько я понял, удовольствия это ему не доставило. После чая попытались было пробиться в зал настольного тенниса, поиграть, но обнаружили его набитым полуголыми и воняющими потом мужиками из РАЭ и экипажа, режущимися не на жизнь, а насмерть в теннис двое на двое и оружие нам: "Быстрее закрывайте дверь".

Вечером, по поводу первой встречи с айсбергами, да и всем прочим поводам, хорошо приняли на грудь вчетвером: Дэн, Саша, я и Роман Смирнов – молодой зоолог из питерского Зоологического института РАН и сосед Дэна по каюте. Он органично влился в нашу компанию. Дэн сначала пригласил нас на распитие пива, которое он заказал в Кейптауне и до этого не решался пить из-за боязни, как бы оно не всту-

пило в непредвиденную реакцию в желудке во время качки. Пиво у всех прижилось и Дэна понесло. Тут же мы выпили по второй, потом он предложил по третьей, народ отказался и было решено продолжить праздник с помощью Сашиного коньяка (он привез с собой 10-литровую канистру, купленную по случаю у коллеги в ИОРАН). Коньяк тоже хорошо прижился и веселье продолжалось бы и дальше, но пришлось проявить твёрдость, и под предлогом того, что нам с Сашей все-таки завтра предстоит работать, мы удалились в свою каюту.

21.02.03, Пятница (57°14'S, 07°34'E)

С утра в каюту прибежал озабоченный Дэн, который услышал про нашу высадку на станцию Новолазаревская, и загорелся желанием тоже попасть на озера на континенте. Мы вывесили в лаборатории расписание работ на станции, включая наш полет на озера для отбора проб льда, снега и воды. Инна вставила в расписание все работы по максимуму – посмотрим, что удастся сделать. Мы посоветовали Дэну отловить Кузнецова и сказать ему, что для успешного выполнения его программы ему просто необходимо полететь с нами на озера и отобрать там пробы. Сам Дэн совершенно не помнит, что было написано в его программе, составленной биологом ИОРАН И. Мельниковым, по-моему, он даже туда и не заглядывал. С первой попытки найти Леонтьевича ему не удалось, и огорченный Дэн завалился спать до обеда.

Во время отбора утренней 9 часовой пробы воды ведром, пошёл первый снег в виде крупных белых хлопьев. Очень скоро в углу, у двери лаборатории даже намело небольшой сугроб. После отбора поверхностной воды ведром приступили к своим делам. Саша – фильтровать, Абрамовна – мерить углеводороды, а я мыть полиэтиленовую посуду для будущих работ на Новолазаревской. Посуда оказалась на редкость грязной, т.к. в ней хранились пробы льда и снега с крыши ИОРАН, где стоит станция мониторинга атмосферных осадков. Поэтому я просто залил в нее подкисленной воды, а мыть буду завтра. Короче говоря, завтра у меня будут проблемы с отмыванием этой посуды. На полднике мы встретили понику Дениса, который сообщил, что ему в конце концов удалось отловить Леонтьевича, и тот ему сказал, что насчет полета на континент надо было договариваться вчера, а сейчас программа работ на станции Новолазаревская уже утверждена начальником экспедиции Алексеевым и вообще, у тебя мол программа морская, так что и сиди братец на борту, может быть высадишься на Прогрессе, там вроде бы тоже есть озеро. Мы пытались Дэна утешить, как могли. Может в дальнейшем сможем взять его с собой. Саша Новигатский, по-моему, не горит желанием высаживаться на континент. Ему хватило этого во время предыдущего рейса. Ну, а мы с Дениской на новеньких, и горим энтузиазмом.

После полдника, я сопровождал Плишкина на пеленгаторную палубу. Там он рассказал, что айсберги, которые мы встретили, выносились течением Западных ветров с шельфовых ледников Антарктического полуострова, где располагается наша станция Белингаузен, самая теплая и интересная в плане живности из всех наших станций и где зимуют "блатные" полярники. Теперь же эту зону мы прошли и до самой Антарктиды айсбергов скорее всего больше не будет попадаться. Море продолжает оставаться спокойным несмотря на то, что мы находимся в "неистовых пятидесятих" широтах. К прогулкам после еды здесь многие относятся серьезно и стараются больше ходить, кто по главной палубе туда-сюда, а кто энергично отмеряет круги на вертолетной палубе. Большинство же просто прогуливается и дышит воздухом. К последним отношусь и я.

После чая сыграли учебную пожарную тревогу для команды, по которой участники РАЭ должны оставаться в своих каютах. Еще через какое-то время объявили о вхождении в особую зону Антарктических вод, где в соответствии с международным правом по Антарктике запрещено выбрасывать что-либо за борт. На простом понятном нам языке это означало, что мы пересекли 60-ю параллель южной широты. После ужина смотрели с Ромой и Сашей французский документальный фильм Микрокосмос, который Саше подарила его девушка. Фильм о жизни насекомых, практически без

комментариев и снят совершенно потрясающе. Пожалуй, это лучшее, что я видел на эту тему! Пока все на сегодня, “night cap”, и в люлю.

22.02.03, Суббота (63°10,37'S, 10°01,17'E)

Утром меня разбудил луч солнца, который светил прямо в глаз. По левому борту, как раз напротив нашего иллюминатора, оказалась полоска чистого неба, толщиной всего в два пальца, если вытянуть руку. Правда после завтрака эта полоска быстро затянулась и небо вновь приобрело привычный свинцовый оттенок.

В лабораторию мы обычно приходим самые первые, народ подтягивается, как правило, позже. Вернувшись с палубы после отбора утренней пробы, обнаружили в лаборатории Леонтьевича, который сказал, чтобы мы с Сашей завтра были готовы к отправке на станцию. Предполагается, что нас туда забросят вечером, первым же вертолетом, пока судно еще будет биться во льдах на подходе. Это значит, что как минимум мы там проведем ночь, с тем чтобы с утра работать, а может быть и не одну ночь. Я спросил у Саши, какую одежду надо будет с собой взять, и он сказал, что теплого синего комбинезона, бахил и оранжевого комбинезона сверху (это тот, который не продувается) будет достаточно.

После обеда встретил на палубе какого-то мужика с фо-

тоаппаратом с телевиком. Спроси у него, попадалось ли что-нибудь интересное? Оказалось, что по правому борту только что прошел красивый айсберг, а кто-то уже видел китов. Думаю, надо будет кинокамеру и фотоаппарат держать в лаборатории, а то все самое интересное пройдет мимо камеры.

Денис не пришел и на обед. Мы с Сашей забеспокоились, его сосед Рома сказал, что Дэн хандрит. После обеда мы его навестили, он сидел у стола и раскладывал на своем ноутбуке электронный пасьянс. Со вчерашнего дня у него болит живот и в таких случаях он лечится голоданием, "спасибо, что пришли, но у меня все в порядке." Я чувствую, что он все еще разочарован, что не полетит на Новолазаревскую. Постараемся в следующий раз взять его с собой.

После чая обсуждали с Сашей в каюте, что будем делать на станции. В районе Новолазаревской пять озер, но нам нужно опробовать только то, которое они опробовали в прошлый раз. С остальными, по его словам не стоит возиться. Нужно будет взять с собой бур, канистры и 5-7 больших, 40 л бака для сбора кернов льда, снега, и подледной воды. Говорит нас ожидает тяжел труд, связанный с ручным бурением льда. Во всем, что касается работы со льдом и снегом я вынужден пока полагаться на Новигатского, т.к. собственного опыта не имею. Кроме нас, в высадке будут участвовать экологи из ААНИИ, изучающие загрязнение Антарктиды. Они собира-

ются работать на всех пяти озерах, а мы будем им, вероятно, помогать, после того, как сделаем свою работу.

Вечером готовили оборудование для завтрашней вылазки: мыли полиэтиленовые баки, 40л бидоны, чистили титановый бур и т.п. Поздно вечером в каюте собирали личные вещи к завтрашнему походу. Саша сказал, что если встанем в припае и будет возможность высадки на него, то он бы предпочел остаться, чтобы поставить седиментационные ловушки со льда. В этом случае я полечу на станцию с Денисом, если ему разрешат.

23.02.03, Воскресенье, День Советской/Российской Армии

Погода с утра потрясающая, праздничная. Светит солнце, на небе ни единого облачка. Не могу себе представить, что в Антарктике может быть такая погода. На море небольшой ветерок поднял мелкие барашки, но это совсем мелочь для «Федорова», он реагирует только на океанскую зыбь, которая по большому счету никогда не прекращается. Сегодня у отца день рождения, интересно, получил ли он мою поздравительную телеграмму? Дэн выздоровел, и с утра уже нацеливается на праздничный кофе с коньяком.

Как всегда, отобрали воду на фильтрацию, а потом наш главный судовой врач Горбунов призвал нас с Сашей Нго-

вигатским на проверку на адаптируемость. Такую проверку мы уже проходили в Питере, но Горбунов продолжает вести какую-то свою статистику. Сашу он проверил и сказал, что он лучше всех и может ужиться с любым человеком (а мне-то как повезло). Потом наступила моя очередь. Я тоже, по его словам, оказался не плох, хотя и уступал по показателям Саше. Затем мы затеяли интеллектуальную беседу о методе сравнения биоритмов, сопоставления кардиоактивности с пульсом и т.д. – честно говоря, я так всего и не понял. Перешли на иридодиагностику, которой увлекается доктор, и на самом интересном месте нас прервали очередной пациент и Новигатский, призвавший меня в каюту Инны Немировской для отмечания праздника, что мы и сделали с превеликим удовольствием. Сначала это были только мы с Новигатским и Инна со своей подругой и «сокаютницей» Ольгой Воскобойниковой, научным сотрудником Зоологического института РАН из Питера, а потом к нам присоединились Денис и Володя Раздольский – местный химик.

Вошли во льды. Кругом, насколько хватает глаз льдины и льдинки, мелкие и крупные айсберги. Море уже не синее, а в большей степени белое: 50-60% поверхности моря покрыто льдом. Начали ощущаться и удары льдин о корпус судна. Пошел с Ромой на пеленгаторную палубу для съемок и обнаружил раненную чайку. Спросил у Плишкина, не он ли так с ней обошелся? Говорит нет. Ночью включали прожектора,

и сбита с толку чайка налетела на трубу. Теперь бедолага ползает по палубе, раскинув крылья.

4. А.Плишкин измеряет гранулометрический состав аэрозолей на пеленгаторной палубе.

5. Автор отбирает поверхностную морскую воду ведром на ходу судна.

6. И. Немировская в гидрохимической лаборатории

7. Фильтрационная лаборатории

8. Каюта на НЭС «Академик Фёдоров»

9. Д. Айбулатов на фоне первых айсбергов

4.Первая встреча с Антарктидой. Станция Новолазаревская и Оазис Ширмахера

24.02.03, Понедельник, (70°46' ю.ш. и 11°50' в.д.)

Итак, сегодня должно было состояться то, ради чего я собственно и отправился в эту экспедицию – посещения таинственного материка. С утра мы долбились в припайный лед, но он оказался слишком толстым для "«Федорова»", более 2 м. С налета удалось проскочить лишь метров 150 – 200 и мы увязли в этом льду. После завтрака на вертолетную площадку выкатили наш вертолет – трудовую лошадку МИ-8 и в течении часа приделывали к нему винты и проводили предполетную подготовку. Потом летчики подняли его в воздух полетали вокруг и вновь посадили на палубу, а вскоре нам дали команду грузиться и занимать места. В основном летели полярники нашей 48 экспедиции на смену ребятам, которые отзимовали в 47 РАЭ. Кроме зимовщиков летели еще двое экологов из ААНИИ, в задачу которых входил отбор проб из окружающих озер для определения загрязнений, главный врач экспедиции Горбунов, и мы с Новигатским. Полет продолжался примерно минут 40 и все это время мы летели над

абсолютно белой и плоской как блин поверхностью. Как тут было не вспомнить белое безмолвие Джека Лондона!

И вот на горизонте появились желтовато бурые холмы Оазиса Ширмахера, на которых и располагается наша антарктическая станция Новолазаревская. Оазис Ширмахера находится на Берегу Принцессы Астрид на Земле Королевы Мод. Это место названо так в честь немецкого пилота Р. Ширмахера, участника немецкой экспедиции на переоборудованном грузовом судне «Швабенланд», который в 1939г. в процессе исследования Новой Швабии во время облёта местности обнаружил эти горы. Это оказалось одним из редких случаев, когда географическое открытие было сделано с воздуха. В то время гитлеровская Германия проявляла повышенный интерес к Восточной Антарктиде. Существовали планы обустройства в этом районе подводной базы для немецких субмарин. В последствии от этих планах отказались из-за удаленности Антарктиды от основных судоходных путей в Атлантике, но до сих пор существуют легенды о том, что база все-таки была построены в одной из гигантских подледных пещер, имеющихя в районе Оазиса Ширмахера, и что там, якобы, до сих пор прячутся немецкие подводные лодки. Однако, поиски пещер с немецкими подводными лодками до сих пор так ни к чему и не привели.

Справка: «Станция Новолазаревская расположена на

юго-восточной оконечности оазиса Ширмахера приблизительно в 80 км от побережья моря Лазарева. Шельфовый ледник со слегка волнистой поверхности покоится на ледяном куполе, простирающемся к северу от станции вблизи залива Ленинградский. С юга подходит склон ледяного щита. Оазис представляет собой скальное образование, протягивающееся тонкой полосой длиной около 17 км и шириной 3 км с запада северо-запада на восток юго-восток. Рельеф типично холмистый с максимальной высотой над уровнем моря 228 м. В оазисе насчитывается до 180 озер. Ледяной покров озер летом, как правило, не тает, однако некоторые озера летом вскрываются. Климат в оазисе обладает преимущественно континентальными характеристиками. Большая часть поверхности оазиса характеризуется отсутствием ледового покрытия не только летом, но и в зимнее время.

Станция была открыта 18 января 1961 г. Координаты станции: $70^{\circ}46'04''S$ и $11^{\circ}49'54''E$; располагается она на высоте 102 м над уровнем моря. В число первых строений входили помещение для обслуживания техники, кают-компания, жилой блок и электростанция, гляциологический, магнитный и актинометрический павильоны и вспомогательная площадка. А уже в 1976 г. на территории станции размещались около 15 служебных и жилых строений. В 15 км к югу от станции имеется взлетно-посадочная полоса для

самолетов на лыжах и на колесах. ВПП расположена на поверхности ледяного купола на высоте 500 м над уровнем моря, имеет длину 1200 м и ширину 60 м, посадочный курс 114°».

К сожалению, наш прилет омрачился несчастным случаем. Одного из механиков станции, поливавшего перед этим вертолетную площадку, чтобы снизить количество пыли, так шарахнуло тяжелой дверью ангара, которая пришла в движение от ветра, поднятого винтами вертолета, что парня пришлось эвакуировать на судно, где ему срочно сделали операцию, во время которой удалили часть порванного кишечника и желудка.

Мы выгрузили наши личные вещи и оборудование для сбора проб льда воды и снега. С собой мы взяли титановый бур, 4 полиэтиленовых бидона по 40 и 50 л для подледной воды и кернов льда и два 50 л бака для сбора снега. В соответствии с правилами на станциях мы доложили о своем прибытии начальнику станции, и он сказал, что нашим устройством он займется после обеда. Еще он сказал, что все озера, кроме озера Станционного вскрылись от льда, так что фронт наших работ существенно сократился до этого самого озера. Имеет смысл отбирать пробы одновременно льда, снега и подледной воды – просто вода нам мало интересна. У нас образовалось 3 часа свободного времени, которое мы

решили посвятить изучению станции и ее окрестностей.

Начать решили с ледника, который с одной стороны при-
мыкает к станции, возвышаясь над ней на несколько де-
сятков метров. Благодаря нашей подбитой металлическими
шипами обуви, мы залезли на ледник без проблем почти
за час, но, до самого верха ледника добраться не удалось,
т.к. он вздымается идущими друг за другом валами и снизу
его максимальную высоту было трудно определить. Посто-
яв на леднике и полюбовавшись открывающимися видами
на сам оазис и станцию Новолазаревская мы начали спуск
вниз, который как всегда оказался труднее восхождения. По
дороге вниз обнаружили жёлто-синий флаг из прекрасной
мягкой материи, типа бархата, оставленный каким-то обще-
ством украинских юристов (видно не плохо живут украин-
ские юристы, раз могут себе позволить такие поездки). У
нас сразу же возникла грандиозная идея – сделать себе из
этого флага коврик на пол в каюту. К сожалению, реализо-
вать идею оказалось значительно сложнее, чем ее придумать.
Флаг сильно вмерз в лед и промучившись с ним почти час,
пытаясь при помощи швейцарского перочинного ножа вы-
ковырять его изо льда, мы отказались от задуманного и по-
дались вниз к станции.

Во время этого похода мы взмокли как мыши, погода в
районе станции была великолепной. Температура около ну-

ля, безветренно, солнце и ни единого облачка. Мы же оделись, как для работы в зимнее время, поддели под комбинезоны теплое белье, а еще и шерстяные свитера. Выданные нам комбинезоны были очень теплыми, и, как говорили мне опытные полярники, летом в такую погоду их можно одевать прямо на голое тело, что мы потом и практиковали.

Питание на станции оказалось очень даже не плохим. В обед нас угостили вкусным гороховым супом и хорошо приготовленной печенкой с макаронами и подливой. На судне печень готовят гораздо хуже. Столовая оказалась и библиотекой, с книжным стеллажом у одной из стенок и кинозалом, где имелась видеотехника с подборкой различных видеофильмов. А в кают-компании мы обнаружили стол для пинг-понга, бильярдный стол и разнообразные игры типа шахмат, шашек, шиш-беша, и "блошки", которую я до этого не встречал и как в нее играть не знаю. Кроме того, полярники мне сказали, что у них есть и доступ к Интернету.

После обеда нам предоставили в одном из домиков (балков) большую и вполне приличную по экспедиционным меркам комнату на четверых совместно с экологами из ААНИИ. Перетащив свои вещи из кают-компании в свою комнату, мы переоделись и пошли на оз. Станционное, где нам до конца дня предстояло отбирать пробы. Озеро оказалось недалеко, всего 10-15 минут хода, и мы за два приема перебросили ту-

да все свое оборудование.

Только когда мы приступили к работе, я понял, почему Саша был грустен и не очень-то радовался предстоящей поездке на станцию. В отличие от меня он знал характер предстоящих работ. Бурить озерный лед ручным титановым буром оказалось очень нудным и тяжелым занятием. Сначала надо было научиться забуриваться в лед, что получилось у меня не сразу, а потом сама процедура бурения озерного пресного льда оказалась довольно тяжелым физическим испытанием. На наше счастье лед оказался не толстым, всего 22-25 см, но пробурить надо было 15 лунок, чтобы забить до упора оба 60л бидона. Наилучший результат достигается, когда буришь вдвоем. Становимся друг напротив друга и крутим бур в четыре руки. Нам с Сашей было удобно это делать еще и потому, что мы примерно одного роста и телосложения. Те, кто ростом пониже жаловались, что бур слишком высокий и им трудно с ним работать. После выбуривания кернов мы их описывали и делили на две, примерно равные половины, чтобы отобрать по отдельности в разные емкости верхнюю и нижнюю части колонки.

Закончили с пробами к ужину, при этом довольно сильно устали. Отобранные пробы льда и воды в баках и бидонах подтащили по льду к берегу, с тем, чтобы утром договориться с Володей, начальником станции в 47 РАЭ о выделении

транспорта. На себе тащить это на станцию было абсолютно невозможно.

После ужина, решили отобрать пробу воды из Верхнего озера. Дело в том, что наш руководитель Инна Немировская больше всего интересовалась именно этим озером, т.к. в прошлом году получила из него интересные результаты и хотела бы сравнить с пробами этого года. К сожалению, кроме воды из озера ничего отобрать не удалось: ни снега, ни льда – озеро полностью вскрылось к нашему приезду. Интересно, что в Атласе Антарктики, изданном в середине 70-х годов, все эти озера описываются как не вскрываемыми, а они, на самом деле сейчас постоянно вскрываются, что наблюдается, по крайней мере, два года подряд. Еще одно доказательство глобального потепления!? Наша задача по отбору пробы из озера Верхнего облегчалась тем, что это озеро водозаборное для станции, почти на 1/3 его ширины на нем построены мостки, по которым проходит водозаборная труба. По этим мосткам мы добрались подальше от берега и отобрали чистую пробу, предварительно разбив тонкий стеклообразный слой молодого льда.

Сделав дело, направились на прогулку вокруг станции по оазису Ширмахера. Меня заинтересовали породы, которыми представлены окружающие нас скалы. В основном это оказались разнообразными гнейсы, гранито-гнейсы, гранодиори-

ты и т.п. Попадались пегматитовые прожилки с крупно раскристаллизованным полевым шпатом и кварцем. Часто в породах попадаются гранаты, но конечно не ювелирные. Говорят, что наши геологи нашли здесь трубку взрыва с алмазами (кажется на станции Прогресс, хотя это и не точно). На свои вопросы, а есть ли золото, я получал туманные ответы типа "все тут есть". Как правило, жильное золото встречается в породах кислого ряда, которыми в основном и сложен Антарктический щит. Вот только найди его под много метровым и много километровым льдом не просто.

25.02.03, Вторник, Новолазаревская

Встали около 8.00 по местному времени, помылись и пошли на завтрак. Завтрак здесь начинается на полчаса позже, чем на судне, а нас же определили во вторую смену, т.е. в 8.20. После завтрака нам выделили гусеничный транспорт – ГТТ с лихим водителем Петро, для транспортировки наших бидонов и баков с водой и льдом. С Петром, приятным мужиком лет 55-60 мы познакомились еще накануне. Он будучи под сильным газом представился нам и стал выяснять приехали ли мы на зимовку или мы "сезон". ГТТ сначала не заводился т.к. там сломался какой-то подогреватель. Но потом его удалось запустить, и Петр предложил нам доехать с ним до бидонов, а обратно ехать самим. Эта перспектива нас несколько озадачила, но я подписался под этой авантюрой, вспомнив, как когда-то в молодости, еще в 1973 г., сразу же

после окончания университета, учился ездить на аналогичной технике на метеостанции в Сквородино, в Амурской области. К счастью, а может и к сожалению, до этого дело не дошло т.к. Петро всё же усомнился в моих возможностях механика-водителя и сам привез нас обратно к месту посадки на вертолет. Перетащив все свои вещи и отобранные пробы к кают-компани, мы решили напоследок еще раз прогуляться вокруг станции. Скорее всего мы уже никогда сюда больше не попадем. Поднялись к установленному на вечный прикол старому вездеходу, которого полярники, почему-то, называют "Пингвин". Провели небольшую фотосессию рядом с ним и внутри, а затем решили подняться на гребень, откуда должна была просматриваться заснеженная Антарктида за пределами оазиса Ширмахера. Гребень этот располагался за Станционным озером, где за день до этого мы отбирали пробы. Поднявшись на этот гребень я очень пожалел, что оставил свою камеру на станции. Перед нами предстала просто потрясающая по красоте картина. Коричнево-бурые, необычной формы скалы контрастировали с открывающимся видом на совершенно белый океан материкового льда и снега, который отходил эдакими застывшими волнами от скал оазиса, превращаясь через несколько десятков метров в абсолютно ровную без единого пятнышка и морщинки белую скатерть.

Во время наших геологических прогулок по оазису Шир-

махера я обратил внимание на выемки в гранитных скалах, которые напомнили мне следы волнового или ветрового воздействия на скалы. При ближайшем рассмотрении они и оказалось следами ветрового воздействия (волновое воздействие здесь ожидать не приходится). Такие ниши оставляют небольшие камешки, попадающие в маленькую неровность в породе и под действием ветра, вращаясь в этой нише, разрабатывают ее иногда до существенных размеров. В принципе, ничего особенного, каждый геолог встречался с этим явлением много раз в экспедициях и студентов геологов и географов с этим явлением знакомят ещё на первом курсе. Однако есть одно "но". Я такие выемки тоже наблюдал много раз в разных странах, в основном на пляже, но они были, как правило в мягких породах, не тверже песчаника и являлись, как правило, результатом волновой эрозии. Здесь же ярко выраженные следы ветровой эрозии наблюдались практически в самой твердой на земле породе – в гранитах. Некоторые такие ниши достигали более 15 см в диаметре и до десяти сантиметров в глубину! Это какой же силы должен быть ветер, чтобы подхватывать гранитные камешки и с их помощью вертеть дырки в гранитных скалах! Когда представляешь себе ветер, способный на такое, становится как-то не по себе.

Около 12 часов стационарного времени прилетел наш вертолет, и мы сначала дружно разгрузили его от продуктов для

зимовщиков и какого-то оборудования, а затем также дружно загрузили его своим инструментарием, бидонами с пробами и бочками из-под горючего. По дороге на судно залетели на Новолазаревский аэродром, представлявший собой кусок ровной белой Антарктиды ничем не отличавшийся от других районов, покрытых континентальным льдом и спрессованным снегом. Здесь добавили еще бочек и в вертолёте стало совсем тесно. Во время полета пролетели над индийской станцией, которая, как я уже упоминал располагается недалеко от нашей, и зимовщики ходят в гости друг к другу, обмениваясь картинками, плакатами и подарками. Индийская станция выглядела несколько новее нашей, да и мусора вокруг было существенно меньше.

К себе на пароход мы вернулись незадолго перед полдником, на который мы не пошли, а взяли причитающийся нам салат и все вместе отметили наше возвращение и приобщение к полярникам в каюте у Инны Немировской. Перед этим я еще успел отснять на видео представление, устроенное нам императорскими пингвинами. Это птица которая своими повадками и внешним видом похожа на человека больше, чем какое-либо другое животное, не считая, может быть обезьян, а по своей любознательности может сравниться только с человеком. При этом любознательность или любопытство пингвинов совершенно бескорыстное. Я имею ввиду, что оно не того толка, как у других животных или птиц, ко-

торое связано с возможностью найти что-нибудь съестное. Пингвины к нам приходили исключительно из чистого любопытства и ни на какую пищу, которые наши пытались им давать, они даже не реагировали. Они подходят или посмотреть, что здесь происходит и что это за странные существа к ним прибыли, а некоторые из пингвинов, даже пытаются с нами пообщаться или чего-то от нас настойчиво требуют, но, к сожалению, нам пока не дано их понять. В голову иногда даже приходят парадоксальные и крамольные для ученого мысли – а не были ли пингвины людьми в прошлой жизни?

26.02.03, Среда (69°57' ю.ш. и 11°38' в.д.).

С утра подошли к барьеру, но к своей площадке так и не смогли пробиться сквозь льды. Причалили к барьеру, зацепившись за уже вмороженные в лёд кнехты и забуриив дополнительно свои. Как выяснилось, этот кусок барьера принадлежит индусам – они устроили здесь свой склад ГСМ. Индийцы разрешили нам использовать свою территорию для разгрузки наших ГСМ с последующей их переброской на нашу станцию. Начали разгрузку, а вскоре подошел и первый вездеход с прицепом – Ишимбай. Весь день ждали, когда нам разрешат выйти на лед для отбора проб снега и льда, но этого так и не произошло. Пообещали выпустить завтра.

На следующий день с утра подойдет наша с Новигатским очередь чистки овощей. Вечером к нам в каюту пришел Петр

Богородский, физик из ААНИИ, сидящий за одним с нами столом и предложил свои и своего напарника услуги, сказав, что в восемь рук чистить овощи гораздо сподручней, чем в четыре. Сегодня они нам помогут, а когда настанет их очередь, то мы им поможем. Мы с предложением согласились и потом не пожалели – действительно веселее и очень быстро. Утром все почистили за 45 мину. Заодно и потрепались с Петей о жизни и науке. Он много рассказал об огромном озере, которое нашли сравнительно недавно в центральной части Антарктиды под станцией Восток. У Пети был грант РФФИ для изучения этого уникального объекта. Позже зашел Денис, и наш треп продолжился с новой силой во время которого Саша рассказал смешную историю как он по ошибке сходил на Беломорской биологической станции вместо туалета в колодец с питьевой водой.

27.02.03, Четверг (69°57' ю.ш. и 11°38' в.д.).

После завтрака и чистки лука и картошки нас пригласили на инструктаж перед выходом на барьерный лед, а также подписать бумагу о том, что с техникой безопасности работы на льду мы ознакомились. К сожалению, на этом все и закончилось. Уже через час или полтора мы отшвартовались от барьера и ушли опять долбиться в лед. Как нам сказали будем опять пробиваться к первоначальной точке разгрузки, т.к. место где мы были очень удалено от станции и полярникам трудно туда подходить с тяжелой техникой.

11.00. Сейчас судно делает циркуляцию и колет лед вокруг швартовки у барьера, где мы скачиваем топливо и передаем грузы для станции Новолазаревская. Дело в том, что за ночь нанесло припайного льда, поэтому, чтобы не оказаться в затруднительном положении, капитан решил почистить своё рабочее место. Теперь наш выход на барьер, запланированный после обеда, снова откладывается на неопределенное время.

14.30. Примерно в 12 пополудни начали пробиваться через сплошной припай к барьеру по прямой, туда, где стоят наши бочки. Расстояние до барьера я бы оценил около километра. Методика обычная – разгоняемся на участке чистой воды примерно в 100 м и врезаемся в лед. Толщина льда составляет примерно 1.5-2 м и после каждого такого "наезда" судно продвигается на 10-15 или даже меньше метров. После этого отъезжаем назад и опять врезаемся и т.д. Лед колетса и дробится. Я все это наблюдал и снимал с пеленгаторной палубы и слышал все сопровождающие этот процесс звуки. Сначала идет как бы шелест, когда судно проходит кашу из мелкого льда. Затем хруст усиливается и слышны удары от бьющихся о борт крупных глыб льда. Одновременно ощущаются толчки и как бы "виляние" судна под ногами, т.к. самые крупные льдины при ударах о борта незначительно изменяют траекторию движения. Затем под хруст и шипение судно носом въезжает на не поддавшийся лед впереди и останавли-

вается. После этого начинается очень характерный треск ломающегося льда. При этом можно видеть, как большие трещины расходятся от носовой части судна на десятки метров в стороны.

Побившись так во льдах около 1-1.5 часов и пройдя всего метров 50-70, «Федоров» отошёл от припая и встал на расстоянии примерно в 100 м, на отдых. На мой недоуменный вопрос, типа "что происходит", Леонтьевич мне ответил, что теперь будем ждать, когда силы природы завершат начатое. Оказывается, наша "долбёжка" была не бессмысленной тратой горючего и сил. Она привела к возникновению динамических напряжений во льду и возникновению внутренних волн, которые, объединенными усилиями и должны закончить начатое «Федоровым» дело, а именно привести к дальнейшему самопроизвольному раскалыванию льдов, что должно значительно облегчить работу судна. Мы же тем временем все вместе отобрали пробы поверхностной воды и плавающей на поверхности ледяной крошки, представленной внутриводными ледяными кристаллами и колотым льдом. Трудно сказать о научной ценности такого материала, но в данных обстоятельствах хочется хоть что-то набрать, если того, что хочется набрать, набрать невозможно.

19.00. Продолжаем стоять в припайном льду. Никто не понимает в чем дело, но нас никто и не спрашивает – мы

здесь люди второго сорта. После чая пришла Немировская – у неё опять что-то с компьютером, и она попросила меня его наладить. Делать больше нечего, все пробы для определения микроэлементов я отобрал, так что сижу и стучу по клавишам на Сашинем ноутбуке. Кстати, очень сожалею, что не купил в рейс себе ноутбук. Саша правда молодец – совсем меня не ущемляет, и я могу работать на его компе столько, сколько мне требуется.

20.30. Наконец-то поехали, что уже радует, хотя куда поехали, пока, не знаем. Примерно в 21.15 к нам заглянул старый Сашин знакомый ещё по предыдущей 46-й РАЭ, Николай Масолов из инженерной группы и пригласил нас в гости для налаживания знакомства. Там находилась также и его пассия в этой экспедиции – буфетчица Таня, единственная молодая женщина на судне (дам вообще то в экспедиции очень мало и им всем за 50 лет). Продегустировали водку, производство которой наладили в Кейптауне местные русские, поговорили о том о сем. Оказалось, что Коля для души интересуется собаками (в чем стал неплохо разбираться), а вот для дела камушками и особенно бриллиантами. Глубину его познаний в области драгоценных камней мне измерить не удалось, но как мне показалась, она уступала познаниям Николая-собачника (может просто от того, что я в собаках плохо разбираюсь?). К счастью, хотя это произошло по воле случая, мне удалось ускользнуть довольно рано, примерно в

11.30 вечера, а вот Саше не повезло. Он квасил с ребятами до двух часов и даже не помнил, как добрался до каюты.

01.03.03, Суббота (69°57'81 ю.ш., 11°36,55' в.д.) Ветер = 12 м/с, $t_{\text{возд}} = -6.5^{\circ}\text{C}$, $t_{\text{воды}} = 1.4^{\circ}\text{C}$. Вчера, с утра мы опять пришвартовались к барьеру Индийской разгрузочной площадки, но теперь правым бортом. Обычно здесь швартуется немецкое судно "Магдалена Ольдендорф", обеспечивающее работу индийской станции. Кто-то из экипажа мне рассказал, что наш «Фёдоров» несколько раз спасал «Магдалену» из ледового плена.

Этот день для нас начался необычно рано, в 6.00 утра, т.к. пришла наша с Новигатским очередь дежурить на камбузе, т.е. в столовой команды: помогать разносить еду, убирать со столов, мыть посуду и т.п. На Сашу было больно смотреть, так он бедный страдал, после вчерашних посиделок. Здесь же в столовой мы и узнали жуткую весть, что парень, которого придавило на Новолазаревской станции дверью ангара, сегодня рано утром скончался в лазарете, где он лежал после операции. Парня безумно жаль, и это нам всем напоминание, что смерть ходит с каждым из нас по жизни рука об руку.

Пока мы убирались после завтрака в столовой, прибежала Инна и сказала, что нас выпускают на лед и что она готова меня заменить. С этими словами она вырвала у Новигатского швабру и стала домывать коридор. Я побежал в каюту пере-

одеваться и когда вышел на главную палубу, вся наша команда на высадку уже была там. Из нашей группы высаживаться должны были трое: Плишкин, Денис и я. Кроме нас собирались высадиться также Петя Богородский со своим молодым напарником Андреем и Александр из Росгидромета, наш сосед по столу, который предложил нам свои услуги. В нашу задачу входил сбор снега и подснежного льда из чистой зоны, где не ходили вездеходы и люди, т.е. не было бы никаких антропогенных загрязнений. Лед и снег мы предполагали проанализировать на микроэлементы и углеводороды. В задачу Пети и его напарника входило наоборот, разлить на снегу керосин и наблюдать за динамикой его поведения, с целью изучения динамики распространения нефтепродуктов, разливаемых покорителями Антарктиды на снегу по время перекачки топлива. К нам подошел Василий Леонтьевич, выдал мне переносную рацию, как старшему и сказал, чтобы мы ждали команды "экологам" – это были наши позывные. Прождав почти до обеда, нам опять дали отбой и сказали, что выпустят на барьер после обеда, с тем и разошлись, договорившись, что все будут на "товсь". Едва успев отслужить в столовой, мне дали команду готовиться к выходу на лед. Я оповестил ребят и через 10-15 минут наша маленькая группа (Плишкин, Денис и я) уже стояла возле бака, ожидая дальнейших распоряжений. Петя Богородский отказался от выхода, так как это был единственный выход, после которого мы должны были уйти с этого места. Смысл его же экспери-

мента был не в разлитии керосина на льду, а в наблюдении за поведением пятна керосина в течение нескольких дней. Сашу из Роскомгидромета просто не нашли.

Я подошел к бригадиру на палубе, Владимиру Раздольскому, сообщил ему о нашей готовности к выходу на барьер он связался с мостиком и ему сказали "добро" при наличии связи. После проверки связи с мостиком (пришлось заменить рацию) нас загрузили в сетку, как груз и краном перенесли на лед. Сообщив свое направление движения на мостик, и попросив 2 часа на выполнение работ, мы двинулись в сторону от рабочей площадки примерно 120-140 градусов к курсу судна. Погода стояла изумительная -5°С, солнце, ни одного облачка на небе и безветренно – просто зимний курорт. Снег кругом был сверкающе белый и такой чистый, какого в центральной России или где-либо в Европе просто не сыскать. Снеговая поверхность, по которой мы шли, оказалась весьма прочной – держала нас хорошо. Ноги проваливались в снег только там, где гусеницы тягачей поломали поверхностный наст.

Наконец нашли девственно чистое место, примерно в 200-300 м от судна и с помощью веревки выделили площадку в 5 кв. м, куда я запретил кому-либо вступать. Глубина снега оказалась довольно значительной около 30 см. Дальше, думали, залегает лед, но оказалось, что это фирн: крупно-

кристаллический снег с тонкими максимум 1.5 – 2 см прослойками льда. Настоящего льда так и не нашли. Сначала Саша Плишкин отобрал снег из двух узких 25 x 100 см траншей. Снег был плотным и отбирать его пластмассовым ведром сверху, как это обычно делается, оказалось невозможным, поэтому мы использовали метод Саши Плишкина, вырезая припасенной им же пластиной из оргстекла снеговые кирпичи, складывая их в бак и раздавливая ведром. Что бы не привносить загрязнений от перчаток, Плюшкин героически отбирал снег голыми руками. После заполнения снегом обоих баков, пришла наша с Денисом очередь бурить фирн. Вдвоем, как с Новигатским на Станционном озере на станции Новолазаревская, бурить нам не удалось – Денис ростом ниже, и это затрудняло совместные действия, поэтому бурили по очереди. Удалось отобрать керны фирна длиной не более 70 см. Попытка бурить глубже привела к заклиниванию бура. На четвертой лунке мы получили приказ с мостика закругляться и возвращаться на борт. Поработать удалось всего 1 час 10 минут, вместо оговоренных двух часов. После нашего возвращения судно отшвартовалось и вновь пошло к припаю напротив российского места швартовки, где долбило лед до вечера, без видимого успеха. На следующий день коллега из Росгидромета объяснил мне такую склонность к бессмысленному долблению. Оказывается, при работе во льдах судовая команда получает какие-то надбавки к зарплате, что многое мне объяснило.

После возвращения на судно, я успел выполнить обязанности дежурного по кухне, после чего, взяв свои пайки, мы дружно направились в каюту нашей начальницы для обмытия первых проб с барьера. Из других, достойных упоминания занятий в этот день, следует отметить первое посещение судовой сауны, что доставило нам массу положительных эмоций. Кроме того, сменили постельное белье, что тоже неплохо и символизировало некий этап судовой жизни – прошло еще десять дней. После сауны я упал как убитый. Дежурство в столовой совпало с работами на барьере плюс сауна, что меня сморило окончательно. Я прилег с открытой книгой, почитать перед сном, и тут же заснул. Наутро Саша смеялся и говорил, что даже не понял, что произошло, так как я взял книгу, прилег и мгновенно захрапел. Он даже сначала решил, что это ему показалось, т.к. не думал, что человек может так быстро уснуть.

Сегодня с утра мы еще поработали с Новолазаревской: пару раз туда слетал вертолет. Потом с Вертолета сняли лопасти и убрали их в ангар. После этого мы тронулись в путь в сторону следующей станции, на этот раз Молодежной, которая в настоящий момент законсервирована и на ней никого нет.

Выйдя, наконец-то из льдов перед российской швартовоч-

ной стоянкой, к которой так и не удалось пробиться, мы вошли в чистую воду, а вокруг нас в непосредственной близости проплывали огромные величественные айсберги. Погода ухудшилась, появились волнение примерно балла в 4 и пронизывающий ветер (до 13 м/сек). Для «Федорова», это конечно ничто, а вот гулять по палубе в такой ветер даже и при ясной солнечной погоде, холодно.

Проходим сплошной торосистый лед, который выстраивается иногда в удивительной формы замки, скалы, горы, города и т.д. На льдинах иногда вспугиваем одиночных тюленей или даже целые их семьи. Иногда это удается заснять. Спящие до этого на льдинах тюлени обеспокоено поднимают головы и пытаются удрать в воду смешно при этом скользя на брюхе. Пингвинов встречается значительно меньше. Однако видно, что жизнь здесь кипит. Почти на каждой мало-мальски крупной льдине или льдинке можно увидеть свежие следы тюленей, или пингвинов, или поморников, на худой конец. Цвет льда тоже бывает разнообразный. Превалирует, конечно же, белый кругом, но там, где лед просвечивается или подсвечен особым образом солнцем, цвет его становится небесно-синим. В зависимости от совокупности нескольких факторов встречается лед цвета аквамарина, или более зеленоватый – берилловый. Благодаря наличию планктона во льду нижняя часть льдин приобретает окраску от желтоватой до ржаво-бурой. Иногда же вся льдина становится желтой –

цвета цитрина.

Вечером вышли из льдов в чистое море. После ужина решили посмотреть в нашей каюте записанный Денисом на Сашин компьютер новый фильм "Звездные войны" Фильм понравился, но очень длинный. После фильма сидели до часу ночи и спорили о философских фильмах и диктаторах. Началось все с того, что Рома упомянул Солярис Станислава Лема, сказав, что это глубокий философский знаковый фильм. Денис заявил, что ничего глубокого он в нем не видит. Ну и началось. Мы с Романом наседали на Дениса, а он наседали на нас. Вспомнили историю, досталось Ленину, Сталину и Наполеону со всеми нашими царями. Не забыли помянуть современную действительность. Денис оказался заядлым спорщиком и не сдавался ни в какую, хотя мы с Ромой поочередно прижимали его к стене. Саша, в силу своего не конфликтного характера держал нейтралитет. Конца этому было не видно, и я примерно в час ночи волевым усилием прекратил спор предложив всем идти спать. Как всегда, все остались при своем мнении, а я взял бинокль и вышел на пеленгаторную палубу полюбоваться ночным небом.

10. Перед вылетом на станцию Новолазаревская

11. На фоне ледника, оазис Ширмахера

12. Кают-компания на ст. Новолазаревская

13. Озеро Станционное. Пластиковые баки и бидоны, для отбора проб озерной воды и льда

14. А. Новигатский отбирает пробу озёрного льда с помощью титанового ручного бура

15. Только что выбуренный керн чистого озёрного льда

16. Отбор пробы подлёдной воды самодельным батометром из лунки

17. Старый вездеход «Пингвин», поставленный на вечный прикол в центре станции

18. Скальные породы со следами ветровой эрозии

21. Морозное выветривание. Порода растрескивается в результате многократной смены положительных дневных и отрицательных ночных температур

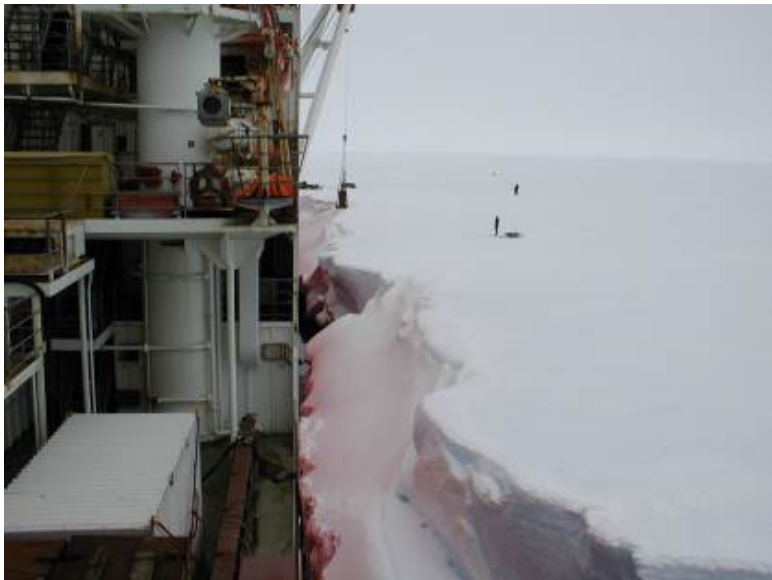
19. Озеро Станционное

20. Тотем на станции Новолазаревская

21. Скальная порода растрескалась в результате многократной смены положительных дневных и отрицательных ночных температур

22. Швартовка у барьера

22. Швартовка у барьера

23. Разгрузка ГСМ на барьере у индийской станции

24. НЭС «Академик Фёдоров» пробивается сквозь ледовое поле на подходе к барьеру

25. Выгрузка на лёд участников экспедиции

26. Вышли из сплошного ледового поля

5.Снова в море. Идем на восток

02.03.03, Воскресенье, (67°56,10 ю.ш., 15°22,53' в.д., 9.30)

С утра отобрали поверхностную воду на фильтрацию, для Немировской и меня. Погода тихая, немного пасмурной, но потом разошлась и с обеда небо было совершенно чистое, с редкими облаками у горизонта. После обеда я пошел к Плишкину на пеленгаторную палубу, где он как всегда замерял аэрозоли с помощью счетчика аэрозольных частиц. Рядом сидел, кто-то из ААНИИ и мерил солнечную радиацию. Я заснял их работу на фото и видеокамеру. До станции Молодежная остается еще более 600 миль, что по расчётам займет у нас 3-4 дня, так что есть время расслабиться. На горизонте проплывали одиночные айсберги, а пока сидели и болтали, заметили вдалеке парочку китов, плывущих от нас куда-то вдаль по своим китовым делам. Знающие люди объяснили, что в этих местах киты пуганные и к себе близко стараются не подпускать, т.к. норвежцы и японцы все еще бьют их в этих широтах, наплевав на все международные соглашения. В северном полушарии, где китобоев легче засечь, они еще эти соглашения выполняют, а здесь поймать их труднее, и они творят, что хотят. В разговоре коснулись обилия мусо-

ра на наших антарктических станциях: разлитые нефтепродукты, кладбища ржавой техники и т.п. Саша Плишкин видел, как от этого страдает антарктическая фауна. Когда, к примеру, в Мирном, семья пингвинов попадает в какую-нибудь яму, с разлитым дизтопливом или мазутом, то вылезают они из нее, конечно, все в мазуте. Отмыть их естественно некому, а перо после этого греет плохо, и такие пингвины зиму не переживают. Это все сильно отличается от ситуации на иностранных станциях, вокруг которых, как правило, значительно чище.

03.03.03, Понедельник (67°28,64' ю.ш., 30°58,12' в.д.)

Судно: 84°, V= 14.2 кн, Tвоздуха = -2°С, Tводы = 0.1°С, Ветер = 153°, V= 9м/сек. Продолжаем идти к Молодежной. С утра было пасмурно. Где-то после 9 часов начало разясняться, появилось солнце, облака ушли. Море чистое. Во время прогулки по палубе на горизонте заметил лишь один айсберг, к югу от нашего судна.

Посетила мысль, что море здесь никогда не бывает таким синим как в тропиках. Обычно, оно свинцово-серое, иногда с чуть голубоватым оттенком – это когда нет льдов. А если льды кругом, то свободная от льда вода просто черная. Это происходит из-за того, что солнечные лучи не могут проникнуть в воду сквозь окружающие льды, поэтому вода в полыньях и кажется черной.

У Саши Новигатского продолжается жуткая зубная боль, которая началась ещё во время перехода из Кейптауна. В Обед пришла Ольга и предложила прикладывать медные пятаки. Это меня взбесило, и я в резкой форме сказал, что надо не боль успокаивать, а кардинально лечить зуб. И начать, по крайней мере, с рентгеновского снимка. Если невыносимая боль преследует человека уже в течении месяца, то к этому надо отнестись серьезно. Саша по своему характеру и молодости ничего не может требовать, а местным эскулапам на него с его зубной болью просто начихать. Моя гневная тирада возымела действие и Саша, наконец попросил сделать ему рентгеновский снимок и ему благосклонно было назначено на завтра. Но тут вмешалась Немировская и снимок сделали сегодня в 5 часов. Судовой врач, Петрович, сказал, Саше, что у него жуткий стоматит и еще что-то, но зуб вроде бы в удовлетворительном состоянии. Думаю, что им просто не хочется связываться с зубом. Удивляет, что судовые врачи, а их здесь несколько, сами даже не подумали предложить рентгеновское обследование. Впоследствии оказалось, что причиной страданий Александра было воспаление тройничного нерва.

В обед объявили, что до станции Молодежная осталось где-то 350 миль и завтра мы туда должны прибыть. Инна сказала, что наша программа посещения утверждена, так

что послезавтра, когда полярники расконсервируют станцию, мы сможем полететь туда для сбора проб из окружающих озер. Остается открытым вопрос полета на станцию Саша Новигатского.

Записывая координаты, я заметил, что сегодня у нас, в некоторой степени, уникальный день трех троек: 03.03.03. Я поднял эту тему в нашей группе и было решено такое событие отметить в ужин. Сначала начали гулять в нашей каюте, чтобы не собирать лишний народ из каюты Инны. Потом принимавший участие в торжестве Коля-Питерский пригласил нас к себе, куда мы и переместились. Через некоторое время к нам присоединилась девушка Коли, а позже полярник Сергей Замай, его напарник по каюте, которого Николаю подселили сразу после Новолазаревской. Я сбежал примерно в половине двенадцатого, иначе завтра будет тяжело вставать, а тот же Николай и некоторые другие персонажи будут спать до обеда, чего мы себе позволить не можем. Между прочим, Николай сказал, что если Саша не сможет лететь, то он его заменит. Это уже обнадеживает.

04.03.03, Вторник (67°09,44' ю.ш., 43°39,68' в.д.)

Судно: 89°, V= 11.2 kn (5.8 м/сек), T воздуха = -1°C, T воды = 0.2°C, Ветер = 84°, V= 9м/сек. Продолжаем идти к Молодежной. Погода отвратительная, низкая облачность, силь-

ный ветер, штормит. Постепенно шторм вместе с качкой усилились и по спикеру объявили запрет на выход на открытые палубы. Время от времени волна с силой бьет в иллюминатор, накрывая его полностью, и тогда возникает иллюзия того, что мы находимся под водой. В обед шторм ослабел и после обеда мы смогли даже выйти на главную палубу и отобрать ведром воду. Делали это мы с Денисом и Инной. Из-за холода и ветра Сашу решили на открытую палубу не брать. По мере продвижения шторм постепенно стих, и погода улучшилась. Вдали, над континентом выглянуло солнце.

15.00. Вошли во льды перед континентом, земля уже совсем близко, ветер утих и качать почти перестало. В 16 часов всех, кто выходит на берег пригласили по спикеру на инструктаж.

16.30. **Море Космонавтов, Земля Эндерби.** Встали на рейд в припае, недалеко от станции **Молодежная**. Перед этим судно кололо припайный лед вокруг стоянки.

Справка: «*Станция Молодежная (открыта в Феврале 1962 г.) расположена на юго-восточном побережье залива Алашеева с координатами 67°40'S и 45°50'E на высоте примерно 42 м над уровнем моря. Поселок расположен в маленьком прибрежном оазисе Тала Хиллс в 0.5-0.6 км от берега.*

Район станции представляет собой холмистую местность со скалистыми хребтами, разделенными покрытыми снегом депрессиями и озерами. Примыкающее к станции Море космонавтов большую часть года покрыто льдом. Имеется много айсбергов. К концу зимы ширина припайного льда достигает почти 100 км. Подъем к ледяному куполу Антарктиды начинается в 1.5-2 км от берега. Выход ледника Хейса находится в 15 км к востоку от станции, а выход ледника Кэмпбела располагается примерно на таком же расстоянии к югу».

Вечером смотрели вторую серию нового фильма Лукаса звездные войны. Денис списал его у одного из зимовщиков, который убыл на Новолазаревскую. Интересно, что хотя Денискин компьютер круче, чем Сашин в плане оперативной памяти в два раза у Дениса эти фильмы идут очень плохо, а на Сашином компе, нормально, хотя постоянно приходится переустанавливать драйвера аудиокарты. Промаявшись примерно около часа с компьютером Дениса, было принято решение переставить его жесткий диск на Сашин ноутбук, благо у меня был с собой весь необходимый инструмент. В качестве основания для такого шага была принята рабочая гипотеза, что Сашина видеокарта лучше, чем у Дениса. Что было и сделано и после мучительного еще примерно двадцатиминутного привыкания Денискиного жесткого диска к Сашинной материнке и очередной переустановки драйвера аудио-

платы, мы всё-таки добились своего и фильм пошел нормально и со звуком. Это была победа коллективного разума над капризной и несознательной иностранной техникой.

05.03.03, Среда, 8.30, у станции Молодежная (67°38,37' ю.ш., 45°53,52' в.д.)

Судно: 0, Т воздуха = -5°C , Т воды = $-1,8^{\circ}\text{C}$, Ветер = 155° , $V = 9.5$ м/сек.

С утра погода была пасмурная, к 10:30 разъяснилось, солнышко, небольшие облака, но ветрено.

Сегодня утром уже находились в чистой воде в виду станции Молодежная на расстоянии, примерно в 1 милю. Весь припай унесло в море. Удивительно, как быстро это произошло. Еще вчера мы пробивались через него, и все было белым-бело, насколько хватало глаз. Кое-где просматривались лишь небольшие пространства свободные ото льда, а сегодня вокруг одна вода и никакого льда, лишь огромные айсберги выстроились караваном позади нас и заснеженный континент с выходами горных пород на небольшом удалении от судна.

С утра, сразу же после обеда прибежала Инна и сказала, что нужно срочно отобрать пробу поверхностной воды, пока еще двигаемся. В 8:10 Денис, и я были уже в лаборатории. Сашу мы на открытую палубу теперь стараемся не брать,

пусть поправляется. Сегодня он сказал, что ему становится лучше. Дай бог, как говорится, но я пока не очень в этом убежден. Ведро я бросал на этот раз лихо, но это потому, что мы практически стояли. Сильный ветер правда сносил ведро вдоль борта, но по сравнению с отбором проб на ходу судна, отбирать воду на стоянке для профессионала просто удовольствие. Руки правда замерзли до боли и полного онемения, т.к. температура воды отрицательная, около минус двух градусов. Попросил Дениса сфотографировать меня за этим занятием, чтобы показать дома, чем приходится заниматься ради того, чтобы попасть в Антарктиду и реализовать свою давнюю мечту – вступить на заснеженный континент.

Начали готовить вертолет. С первой партией на станцию мы не полетим. Станцию будут расконсервировать полярники. Запускать электростанцию, технику для передвижения и т.д. Мы должны будем лететь завтра. Работать будем два световых дня, возвращаясь каждый вечер на борт судна. Это так запланировано. Как получится на самом деле, посмотрим. Один из уроков, полученных мною в Антарктике, это постоянная смена планов в зависимости от погоды и еще в большей степени от судового руководства, у которого воистину семь пятниц на неделе.

Вертолет с полярниками на Молодежку улетел примерно в 10-10:30. Я заснял на видео весь этот полет, включая посадку

ку на станции, благо мы стоим достаточно близко. Перед отлетом, ко мне подошел мой новый знакомый полярник Юра, которому я для Молодежки подарил все привезенные мною книги и старые выпуски журналов «Вокруг света» и «Национальная география», и сказал, что не смог найти для меня приличного плана станции, о чем я его просил незадолго до того. Договорились попробовать найти его завтра на станции. Он должен висеть в домике начальника станции. Не уверен, что поступаю хорошо, но учитывая, что станция Молодежная идет под снос, думаю ничего страшного в этом не будет, по крайней мере план попадет в приличные руки.

После обеда с пеленгаторной палубы рассматривал берег. Сначала мое внимание привлекли две красновато-розовые полосы, пересекающие скальный массив ниже и правее от крайнего левого большого станционного балка. При изучении в бинокль это оказались мощные тектонические трещины, заполненные красноватым материалом – брекчией или глиной трения, а может быть это дайковые жилы или пегматиты. Отсюда не разглядишь. Другим интересным феноменом является красная скала слева от станции, над мысом. Все породы кругом серые, серовато-бурые, зеленовато-бурые, а эта скала красная, а точнее серовато-красного цвета. Интересно, что придает скале такой красный оттенок? Может она из красного гранита рапакиви? Прилетел вертолет. Наш начальник экспедиции Алексеев вылез из него с большим, на

пару тройку килограммов, куском бесцветного кварца. Такой кварц встречается в пегматитах. Это утвердило меня в мысли, что завтра на станцию надо лететь обязательно с молотком, чтобы откалывать образцы твёрдой породы.

Опять сменили позицию и отошли от станции – умом все это не понять. Наши биологи бросили сетку на глубину 2 м и с этой глубины набрали огромное количество материала – нижняя часть сети была аж бурая от планктона. Мы с Абрамовной подсуетились и попросили свою долю планктона. Не смотря на то, что Денису явно не хотелось бросать сеть еще раз, все-таки его уговорили, и он отловил нам увесистую планктонную пробу. На этот раз в вытаскивании сети я принял самое непосредственное участие. Тащили втроем и с трудом вытащили, т.к. сеть течением затягивало под корму судна. Планктон мы с Инной поделили и взвесили. Она будет определять на борту свои углеводороды и липиды, а в Москве мы сделаем микроэлементы и органический углерод. После ужина, когда стемнело, Саша Плишкин с биологами бросил черпак и отобрал донный осадок.

Днем вертолет постоянно работал, перебрасывая горючее и оборудование с судна на станцию. Перебрасываемое оборудование размещалось как в салоне вертолѐта, так и подвешивалось под его фюзеляж в специальных сетках. Во время одного из таких полетов около полутора десятков бочек с го-

рючим оборвались и упали в море. После полдника мы их видели – они не спеша, вытянутым строем, хотя и помятые от удар, с достоинством проплывали по левому борту в сторону берега – зеленые бочки ВР – Бритиш Петролеум. Стоимость одной бочки – 300 долларов, таким образом за бортом сейчас плавают более 4000 долларов. Наверное, завтра будут ловить.

Интересная особенность данного судна заключается в том, что здесь науке не дают подходить близко к лебедкам. На лебедках работает только инженерная группа и на спуск даже простейшего черпака на 100-200 метров к лебедке выходит второй человек на пароходе – помощник капитана по науке.

Вечером нам объявили, что мы должны быть готовы к высадке на станцию завтра в 8:30. Все что нужно для работы и пребывания на станции мы подготовили сразу после чая, включая вожделенный молоток, который я выпросил у главного океанолога Кирюши.

6.Высадка на станции Молодёжная

06.03.03, Четверг, станция Молодежная. День второй.

С вечера отошли от станции, сейчас подходим к ней опять. Погода испортилась. Пасмурно, поднялась волна, стало немного качать. В 8:30 мы должны быть уже у вертолета, готовые к отлету на станцию. Расписались в списке пассажиров вертолета.

Примерно в 8:40 началась погрузка. С удивлением обнаружили нашу знакомую даму из ААНИИ Людмилу Мочнову, которая работает в группе оптиков у Володи Матюшенко. По ее словам она подошла к Алексееву и напросилась в этот полет на станцию. Теперь, по её словам, мы должны ее опекать и взять в свою группу. Нам пришлось тактично отказаться, объяснив, что работа у нас будет тяжелая и нам будет не до неё. На том пока и порешили. К нам с Денисом, вместо Саши Новигатского, подключили Николая Мосолова, что, как потом выяснилось, здорово помогло. Вместе с нами в этот раз полетело руководство в лице начальника экспедиции Алексеева и начальника сезонного отряда Кузнецова (Леонтьевича). После того, как все расселись, кто-то пошутил: «Кто последний в списке пусть высаживается, а то нас 13 человек на

борту». Запустили двигатель, винт закрутился, постепенно набирая обороты, и минут через пять-семь мы наконец взлетели, как-то неохотно и вроде бы даже с трудом оторвавшись от палубы, вероятно сказывался тринадцатый в списке. Перед полетом мне подсказали, что один из иллюминаторов открывается и через него можно снимать. Коля помог открыть иллюминатор, и я заснял на видео пленку весь наш перелет.

Посадка прошла без приключений. По моим наблюдениям, наши вертолетчики, во главе со своим командиром Игорем – Малышом (Малышом его прозвали за рост под два метра) работают грамотно и высоко профессионально – взлеты и посадки на борт судна делают ювелирно. Думаю, что плохих вертолетчиков сюда бы просто не взяли.

Высидевшись из вертолета на снег, мы сразу же ощутили другую Антарктиду – холодную, с пронизывающим леденящим ветром и не очень-то дружелюбную. Кое-как добравшись со своими баками, которые так и норовили разлететься от сильного ветра во все стороны, до кают-компания, мы с облегчением вздохнули. Внутри было тепло и светло. Вчерашний десант полярников сделал свое дело – ребята вдохнули жизнь в заброшенную станцию. Технику им тоже удалось запустить: за окном мы видели работающий бульдозер, который расчищал площадку, а вдали пару раз лихо пронёсся ГТТ. Коля с Денисом сразу же кинулись играть в бильярд,

а начальство удалилось в другую комнату на совещание. Через несколько минут вышел Леонтьевич и сказал нам собираться, и пока суть да дело, начинать работу на озере. Мила опять начала проситься с нами на озеро, но здесь нам уже пришлось давать ей решительный отпор, т.к. погода на улице была довольно плохая и мы сами шли, по правде говоря, без особого удовольствия.

Выйдя на улицу, мы кое-как с нашими пластмассовыми баками, 40 л бидонами, титановым буром и другим оборудованием добрались до озера Лагерное, благо оно оказалось не далеко, в десяти минутах хода от кают-компания. На середине озера ветер задувал еще круче, и у меня даже возникли сомнения в возможности проведения работ, но Николай сказал, что когда они здесь работали в позапрошлом году, погода была даже хуже, что нас подбодрило и в 9:30 мы приступили к работе. Пока мы с Николаем налаживали бур, я отправил Дениса к кромке озера сгребать снег в баки, т.к. на середине озера снег отсутствовал. Верхний слой льда оказался с вертикальной структурой и кавернозный, так что бурить его было нелегким занятием. Примерно через 30 см бурения под пронизывающим ветром керн откололся и внизу показался более плотный лед. Этот керн мы посчитали за верхний слой льда и бросили его в бак для кровли. Бурение продолжалось. На глубине 40-50 см показалась вода и я, по опыту бурения озерного льда на станции Новолазаревская,

уже решил, что мы пробурили толщу льда, но не тут-то было. Вода продолжала поступать, а лед не кончался. Лед был хотя и более плотный, чем на поверхности, однако имел ту же необычную вертикальную структуру и был явно неоднородным, а с пустотами. Бурили все по очереди – помогало согреться под пронизывающим ветром, хотя температура была не очень низкой, выше -10°C , но сильный ветер превращал нашу эпопею в серьёзное испытание: нас просто сдувало со льда, а по небу низко ползли почти черные зловещие тучи. Бурить вдвоем, как мы делали это с Сашей, у нас не получалось. То ли лед был сложнее, то ли агрессивная манера бурения Николая затрудняла совместную работу, трудно сказать. В итоге, промучившись около 2 часов, мы пробурили рекордную скважину глубиной 255 см и отобрали около 10 кернов. После этого я принял решение дальше не бурить. Бак для керна был полностью заполнен, а кроме того, скважина стала отклоняться от вертикали и бур стал часто застревать. Появилась реальная угроза его заклинивания и даже утери. До нас, несколько лет назад ребята из ААНИИ пробурили здесь скважину, глубиной 230 см и тоже не пробили всю толщу льда. А в позапрошлом году наши парни в 46 РАЭ пробурили 180 см и дошли до воды. Коля в той экспедиции участвовал и говорит, что тогда лед был другой, однородный. После завершения работ с глубокой скважиной, мы пробурили еще несколько мелких (до 30 см) скважин, чтобы заполнить баки поверхностным льдом. Во время отдыха от бурения я

поднялся на прилегающую к озеру скалу и обнаружил там большое петрографическое разнообразие: жильные граниты рапакиви, разнообразные гнейсы, слюдяные сланцы, пегматиты, диориты, в общем большинство из того, что встречается среди кислых интрузивных пород. Как всегда, не удержался и набил карманы образцами разных камней.

По окончании работ мы подтянули все баки со льдом, снегом и водой к месту, куда может подъехать ГТТ – рядом с бывшей водозаборной станцией. На станции я спросил Киселева, когда он выделит нам ГТТ, он сказал, что только завтра. Пока мы работали на озере, Киселев подыскал для Милы соответствующую экологическую нишу на станции. Её поставили на камбуз мыть посуду, чему она, как человек с тонким восприятием окружающего мира, была очень недовольна и на следующий день высказала это руководству на борту «Федорова». Покормили нас не плохо. Каждому было дадено по большому куску рыбы с помидорами из банки, горошком и макаронами. Не ресторан, конечно, но чувство голода было заглушено капитально. После обеда Денис с Николаем опять сыграли в бильярд причем оба мазали мастерски. Потом Киселев, проходя мимо нас, сказал, что у нас есть время до 18:30, и мы все дружно засобирались на прогулку – Мила, Саша из Росгидромета, Денис и я. Николай просил его исключить из этого мероприятия, он здесь уже не в первый раз.

Из нескольких возможных вариантов, выбрали подъем к православному кресту, возвышавшемуся над станцией. Преодолев сначала ледяной склон, а затем скалистую осыпь добрались до креста. Оказалось, крест был поставлен в 1996 г. официозом в честь российских полярников при поддержке компании Юкос, которая, вероятно, мечтает добраться до антарктической нефти и газа и загадить все вокруг так же, как они делают это в России. Освящен, крест православной церковью и лично Патриархом Алексием II. Сверху от креста открылся прекрасный вид на всю станцию и аэродром, расположенный с другой стороны от высотки с крестом. Молодежная станция оказалась очень большой, гораздо больше Новолазаревской. От полярников я узнал, что это была наша самая крупная станция. До сих пор мне осталось непонятным, почему руководство решило срезать именно станцию Молодежная. Может быть, из-за больших размеров ее сложнее и дороже обслуживать, чем другие станции?

Визуальное изучение с холма аэродрома выявило на нем четыре брошенных и вмерзших в лед самолета: ЛИ-2 и ИЛ-14. Решили их обследовать. Ближе всех оказался ИЛ-14. Я помню этот самолёт по работе в Сибири – когда-то он был надежной трудовой лошадкой отдаленных регионов. С ЛИ-2, героем освоения северных регионов нашей необъятной родины в 50-х и 60-х гг. я успел повстречаться только в 1968 году на Камчатке. Впоследствии, он был вытес-

нен ИЛ-14, который в свою очередь уступил место АН'ам и ЯК'ам.

Вблизи самолет представлял собой унылое зрелище. Все что можно было снять, было снято, а внутри он был заполнен многолетним льдом с проталинами, что являло сюрреалистическую картину. Полазали по салону и пофотографировались, а Денис даже умудрился залезть в кабину пилота и сфотографироваться за штурвалом этого когда-то столь популярного лайнера. Теперь же этот самолет был больше похож на призрак, или атрибут одного из американских фантастических фильмов о неприглядном будущем, ожидающем землян после космических катаклизмов или термоядерной войны. Нам всем осталось непонятным, почему же эти самолеты, стоившие казне миллионы рублей, были здесь так бездарно брошены, ведь они же были на ходу и могли улететь сами. Примерно в половине шестого мы были в кают-компании, по дороге изучив горные породы холма, на котором стоит крест. Это были все те же разнообразные породы гранитного ряда, а также гнейсы с включениями отдельных кристаллов и небольших скоплений гранатов. Однако гранат содержащих пород здесь было значительно меньше, чем на Новолазаревской. В петрографическом отношении породы на Молодежке мне показались более разнообразными и интересными, чем в оазисе Ширмахера, хотя общий ландшафт последнего, значительно красивее, чем окружение станции

Молодежная.

Вертолет прилетел в 18:30 и уже через десять минут мы были дома, т.е. на борту «Академика Федорова», который на ближайшие 3-4 месяца стал нашим домом. Как водится, тяпнули в каюте коньячку и обсудили с Сашей проделанную нами работу, наметив программу на завтра. Пока нас не было Инна вместе с биологами отобрала очередную порцию планктона для наших исследований. После пришло известие, что у Саши Плишкина оборвался черпак, причем произошло это после того как он поругался с Ольгой Воскобойниковой и сказал, что ничего ей не даст из этого черпака, а Ольга с Инной перед этим ходили к капитану выпрашивая у него разрешение на отбор проб донных осадков. При спуске за борт оборвалась оснастка на черпаке, которую несколько раз советовали заменить, т.к. она порядком проржавела. Плишкин в трансе, и я заходил к нему в каюту как-то его подбодрить, т.к. он, в принципе больше ни с кем из нашей группы не общается – живет затворником.

Примерно в половине десятого зашел Дениска, весь усталый, говорит, болят руки и ноги, собирается идти спать. Пере этим, он зашел в лабораторию к Новигатскому, куда тот прячется по вечерам учить английский язык для сдачи кандидатского минимума, и целый час доставал его разговорами. Видно с Ромой наговориться не получается.

07.03.03, Пятница, станция Молодежная. День Третий. Высадка отменена.

Т воздуха – 4°С, Т воды – 1°С, ветер 130°, 8 м/сек. 9.00. Проснулся сегодня, не совсем отдохнувшим, хотя накануне лег спать рано, еще не было и десяти – видно, все-таки устал вчера. Разбудил меня опять солнечный лучик, который робко пробился к нам в иллюминатор сквозь облака. Вскоре, правда, солнце исчезло, и небо опять затянуло облаками. С утра нам сказали, что мы полетим сегодня на станцию, и после завтрака я ушел в каюту переодеваться и готовиться к высадке. Поднявшись со своей тяжелой сумкой в лабораторию за оборудованием и молотком, увидел там Сашу, Леонтьевича и Дениса с грустными глазами и сразу все понял – высадку отменили. Леонтьевич сказал, что когда подошел к Алексеву, тот перечеркнул его план, заявив, что высадка научного состава отменяется, т.к. погода портится, подходит циклон, и они хотят сегодня успеть перебросить на станцию максимальное количество грузов. В этот момент подошел Коля, и узнав, что высадки не будет очень долго ругался на Алексева и заявил, что тот теперь ему должен, т.к. Коле из-за него пришлось рано вставать (а он этого очень не любит) и вообще поменять все планы, непонятно, правда, какие. На мой вопрос, а что же будет с нашими баками со снегом и льдом, которые мы оставили на озере, чтобы сегодня подобрать их с помощью ГТТ, Леонтьевич только плечами пожал. Совер-

шенно очевидно, что без нас Киселев их грузить и отправлять на судно не будет. Постояли еще немного, поругали бесполовое руководство и разошлись, кто досыпать, а кто по своим личным делам.

В обед к столу подлетела Инна и сказала, что разговаривала с Алексеевым насчет нашей высадки, и он ей сказал, что если мы собирались работать два дня, то почему мы там не остались ночевать, как Богородский со своей командой. Инна очень эмоционально стала нам объяснять, что мы сами виноваты и что она теперь переживает за наши баки с образцами, оставшиеся на берегу озера. Обвинения в наш адрес я счел несправедливыми. Перед отлетом нам было сказано, что во-первых, для ночевки на станции условий нет, станция только что расконсервирована и там нет ни белья, ни достаточно помещений и ночевать там без особой к тому нужды не рекомендуется; во-вторых, Леонтьевич без всякого выражения неудовольствия спокойно записал нас на два дня работ с возвращением по окончании каждого дня на борт. Если бы нам было сказано, что это невозможно, то мы бы или постарались выполнить все работы за один день или бы, на худой конец, остались на станции ночевать, хотя необходимости в этом и не было. У Богородского идет эксперимент, и он берет пробы через определенные часы, включая утренние, вечерние и ночные, поэтому он должен там оставаться на весь период проведения эксперимента. И в-третьих, в от-

ношении баков нам сразу было сказано Киселевым, что ГТТ их заберет только на следующий день. В этот день никакого разговора быть не может, т.к. ГТТ занят на других работах.

После ужина ко мне в каюту зашла Инна, сказав, что она поняла, что была не права и что нашей вины нет. Мы дружно поругали подлое руководство экспедиции, которое старается всячески нам навредить. Кроме того, источником плохого настроения Инны было отсутствие поздравительных телеграмм к Женскому дню и полученная из ИОРАН телеграмма о том, что ей не дали грант на ее книгу. После ухода Инны пришел Денис, и мы втроем обсудили сценарий мультика, который взялся изготовить Денис в программе Флэш для Инны и других женщин на восьмое марта. По-моему, получается прикольно.

**8-10 Марта 2003 г., Суббота, станция Молодежная.
День Четвертый.**

8 Марта.9:00. Погода плохая, пасмурно. Юго-восточный ветер 16 м/сек. Вчерашний прогноз ухудшения погоды сбылся, и вертолет пока не летает. С утра поздравили женщин с их праздником. Судовые мужики распечатали им на цветном принтере поздравления и подарили каждой набор стаканов – наверное, чтобы из этих стаканов, с этими же судовым мужиками дамы выпивали. Ждем вечера чтобы начать праздновать. Интересно, успел ли Денис закончить мультик? На

завтраке их с Ромой не было видно. В столовой сегодня дежурил недовольный Николай. Такому крутому парню дежурить на камбузе, конечно же, «западло». В салоне он не появляется, белый халат не одевает, наружу из раздаточной не выходит, как будто он и не причем вовсе.

Вечером взяли свои пайки и пошли праздновать к Инне в каюту. Инна нам заявила, что она отказалась от всех, поступивших к ней, интересных предложений в пользу празднования со своими мальчиками. Денис оказался на высоте и сделал оба мультика: для Инны и для Ольги. Сюжет мультика для Инны: «Федоров» плывет по морю, натывается на айсберг, Инна перелетает с борта ««Федорова»» на этот айсберг кверху тормашками и начинает быстро-быстро вычерпывать ведром с этого айсберга нефтяное пятно. После этого в кадр всплывает льдина на которой два пингвина держат плакат «Поздравляем Инну с 8 Марта». Сюжет Олиного мультика еще проще. Она бросает сеть с борта «Федорова» и вылавливает большую рыбину, которая, измененным до противности голосом Саши Новигатского говорит «Поздравляю с праздником 8 Марта, Оля». Оба мультика, несмотря на их примитивность, имели бешеный успех у обеих дам. После этого празднование продолжалось с нарастающим размахом и все было бы хорошо, не вмешайся в плавное течение событий судовой радист, который, покачиваясь, пришел в каюту и пригласил Инну на празднование к нему. Абрамовна

стала отказываться и говорить, что не может бросить своих, т.к. мы уже начали праздновать здесь. Тогда радист сказал, что приглашает нас всех пятерых к себе. Против такого аргумента достойных возражений у нас не нашлось, и мы всей толпой перебазировались к радисту на две палубы выше. С этого все и началось. У радиста, кроме присутствующих в каюте двух его друзей, второго радиста и радионавигатора, оказалось много джина и коньяка. Увидев это, Денис начал частить и события вышли из-под контроля. Когда мы уже почти прикончили запасы радиста, в двери, как по волшебству, появился Коля и пригласил всю веселую компанию к себе. «Компания» плавно перекатилась на три палубы ниже и с этого момента я уже смутно помню, как развивались дальнейшие события. Помню, как очутились у Коли в каюте. Кто из наших дошел, помню плохо, но кажется, кроме Оли, какое-то время были все. А потом все, провал, с отрывочными и тяжелым воспоминанием видения своего туалета ночью.

На утро, *9 марта*, сквозь сон слышал приглашение на завтрак, но даже сама мысль о том, чтобы встать и пойти на завтрак показалась мне тошнотворной. И можно представить мои чувства, когда около 9 часов утра в каюту врывается Инна и сообщает: «Сережа, дали добро на ваш полет на станцию, поднимайся, вертолет сейчас уходит». Могу сказать совершенно точно, что это было худшее, что до сих пор со мной здесь случилось. Это было просто из ряда вон. Я ду-

мал, что умру. Но вот что значит выучка, вбитая в меня за годы экспедиций моими суровыми учителями: как бы ты ни напился с вечера, но если на следующий день есть работа, ты должен встать и сделать ее. Я почти ничего не соображал в этот момент. Во мне чуть теплилась только рефлекторная деятельность (спинной мозг, как видно, еще работал и принял на себя функции головного мозга). Эти рефлексы вынудили меня подняться, и молча начать сборы – говорить сил не было. К счастью, рефлексов хватило еще и на то, чтобы забрать свою сумку со сменой белья, обуви и дополнительными чистыми вещами. Увидев меня на палубе, Инна тихо ойкнула и побежала в каюту за банкой пива. очевидцы уверяют, что цвет моего лица был, в тот момент, землисто-зеленый. Перед посадкой в вертолет единственно, что я смог сказать это: «Как можно так издеваться над живыми людьми». Почти в таком же состоянии под руки ввели в вертолет и Дениса Айбулатова. Николая поднять не смогли, он заперся в каюте и до него не достучались. Как долетели, помню плохо, как высаживались тоже. Войдя в столовую, помню, спросил у Киселева, а есть ли у них здесь комната отдыха. Он посмотрел, на меня как на идиота, и ничего не ответил. Саша Коцуруба, находившийся на станции со времени нашего первого посещения 6 марта вместе Петром Богородским и Андреем объяснил, что не то, что комнаты отдыха, а просто угла своего нет. Станция законсервирована и обогреваются только столовая с кают-компанией и еще какой-то домик, где ночуют

те, кто готовит станцию для зимовки в следующем году. Они же сами ночуют в столовой, сдвигая перед сном столы и стулья. Кстати говоря, все эти дни они дежурили по кухне.

Кроме нас с Денисом на станцию прилетели еще двое. Наиль Мухамадиев – специалист по выживанию, боевым искусствам, безграничному трепу и эколог по совместительству, такой же, как и мы сезонник. В помощь ему был придан Юра Мизин, эколог, который собирается зимовать на Мирном. Улетая, вертолетчики сообщили, что прилетят обратно в 5 вечера, и чтобы мы были готовы к этому сроку. Учитывая наше плачевное физическое состояние и полный упадок сил, я принял решение идти на озеро сразу. Объем работ был не совсем ясен (глубина льда и как он будет буриться), путь был не близкий, а времени до возвращения вертолета оставалось не так много. Взвалив на себя бак, бидон, бур и батометр с ведром мы побрели на озеро Глубокое, куда и добрались за полчаса, встречая по дороге одиночных пингвинов Адели и небольшие их колонии, до 20-30 особей. Прошли по льду примерно на середину озера и после короткой передышки, в 10:30 начали бурить первую дыру. Бурили с Дэном по очереди. Тот же, кто в данный момент не бурил, в полубессознательном состоянии раскинувшись лежал на льду.

Пока бурили, к нам два раза подходил маленький любопытствующий пингвин Адели – наверное разведчик. Назва-

ние этим пингвинам дал в XIX веке французский исследователь Антарктики Дюмон д'Юрвиль, в честь своей жены (интересно, как она к этому отнеслась?) Её именем он назвал и район западной Антарктиды, где высадился – Земля Адели. В честь этого исследователя названа французская научная станция, где сейчас, между прочим, располагается Южный магнитный полюс Земли. Пингины Адели раза в два меньше императорских пингинов, хотя отдельные индивидуумы вырастают почти до 70 см. Наш пингвин решил вероятно обозреть свои окрестности и посмотреть, что на его территории делают странные чужаки. Первый раз, он подошел к нам спереди примерно метров на двадцать, постоял, поизучал нас в течении пяти минута, а потом неторопливо направился в перевалку к своему небольшому, в 5-7 особей, семейству, которое расположилось среди камней, метрах в ста от нас на берегу озера. Мы их как-то сразу и не заметили. Второй раз он подошел к нам опять метров на 15-20, но на этот раз сзади, опять постоял немного и дальше пошел к своим. В это день пингины оказались не единственными визитерами. Я бурил лунку, как вдруг Денис закричал: «Сергей Борисович, смотрите, вверху!», я поднял голову и увидел буквально в метре над собой здорового поморника, зависшего над моей головой и еще одного над ним. Я замал руками, и они, поднявшись чуть выше, сделали несколько кругов и улетели. Потом они прилетали еще пару раз, и на этот раз зависали над Денисом, когда мы двинулись на

станцию обедать. Что это было, атака или попытка поближе познакомиться с интродуцерами на своей территории, мы так и не поняли, однако заметили другой интересный факт. Как только над озером появлялись поморники, наше маленькое семейство пингвинов Адели тут же сбивалось в плотную кучку. Когда же поморники улетали, пингвины опять разбредались. Из этого мы заключили, что пингвины с поморниками не очень-то дружат и последние представляют для них угрозу, несмотря на заверения нашего эколога Юры Мизина, что поморники не хищники, а падальщики.

Когда мы пришли к обеду на станцию, около часа дня, все наши уже находились там и слушали переговоры начальника станции Киселева с капитаном «Федорова», который его и нас «порадовал» новостью, что в связи с ухудшением погоды, вертолет за нами в 5 часов не прилетит и нам придется ночевать на станции. Сия новость никакого удовольствия ни нам, ни Киселеву не доставила: нам предстояло ночевать в отсутствии удобств, в столовой, без белья, на раскладушках, а Киселеву лишние заботы свалились на голову – кормить четыре лишних рта и добывать еще четыре спальных места. Но делать нечего, мы пошли по складам станции и в закромах нашли четыре раскладушки и четыре матраса с подушками и одеялами.

После обеда нам выделили ГТТ с механиком, чтобы от-

везти на посадочную площадку вертолета материал, набранный еще 6 марта с Колей на озере Лагерном. Баки и бидоны стояли там же, где мы их и оставили, но вода совершенно заледенела и бидон раздулся от льда. Вернувшись в кают-компанию, мы попросили Петю с его командой помочь нам добурить лед, на что они милостиво согласились, т.к. к тому времени заняться им было нечем. Ребята отбирают пробы льда и снега, на которые они вылили солярку, через каждые шесть часов, т.е. в 6 и 12 утром и вечером, всего 4 раза в сутки. Все вместе мы пошли на озеро, по дороге снимав пингвинов, и за пару часов, они втроем, не торопясь, прокрутили нам еще 3 лунки во льду. Я в это время занимался отбором подледной воды, а Денис макал в лунку свою сеть, в надежде отловить какое-нибудь мелкое животное в этом пресном озере. Вскоре к нам присоединился Юра Мизин, который без всяких просьб с нашей стороны вызвался нам помочь, как и подобает настоящему полярнику. Мы хотели оставить бак и бидон на озере, чтобы заехать за ними. Но Юра предложил дотащить все это до станции на руках, народа хватает, а груза всего один бак и бидон, хотя они весят по 45-50 кг каждый. Посоветовавшись, мы так и сделали, правда это оказалось значительно труднее, чем мы в начале предполагали. Тащить все это пришлось вверх по скалам и ледникам несколько сотен метров. В столовой, в это время уже сидел грустный специалист по выживанию Наиль, который никак не рассчитывал на ночевку на станции, да еще в

столовой и без постельного белья. Когда мы пришли он начал на чем свет крыть судовое руководство, грозя им всяческими карами на берегу через свободную прессу. Это нашло живой отклик и в наших сердцах. Потом Наиль стал сетовать на то, что не сможет выполнить данного жене обещания выпить за ее здоровье, т.к. сегодня у нее случился день рождения. Выслушав его сетования, я сжалился над человеком и сказал, что у меня есть коньяк, и мы можем выпить за ее здоровье, что мы и сделали. Это сильно улучшило настроение Наиля, и он растрогавшись пообещал подарить мне на борту свою книгу «Школа выживания для полярников» (обещание свое он впоследствии сдержал). Делать на станции нам было абсолютно нечего, читать тоже, и мы занялись ленивым трепом. Одну из тем нашего обсуждения я бы хотел упомянуть особо. Разговор, каким-то образом, коснулся темы слухов и их раздувания на судне, и я, как человек опытный, сказал, что это происходит всегда и на всех судах, причиной чему является отсутствие информации. На это с негодованием обрушился Наиль заявив, что такого быть не должно. Что нам скрывать? Мы что, военное судно или выполняем какую-то секретную миссию? По его словам, радист сказал ему, что капитан приказал не отправлять радиограмм и электронных писем с упоминанием, где мы находимся и что в экспедиции погибло уже 3 человека, один из которых лежит у нас в холодильнике. С последним указанием еще можно согласиться. Чтобы зря не нервировать родных и близких на берегу,

не зачем сообщать такие страсти. А вот почему нельзя сообщать, что мы в данный момент находимся, к примеру, у станции Новолазаревская или Молодежная, никто не понимает. Говорят, что капитан дурит ААНИИ и сообщает туда неверную информацию о нашем истинном местонахождении. Другим возмутительным фактом является то, что у нас сейчас в холодильнике лежит человек, который погиб при нас на Новолазаревской от несчастного случая. Все об этом знают, такую информацию скрыть невозможно. Однако, никакого официального сообщения от руководства экспедиции об этом прискорбном факте не последовало. Погибшего парня просто втихую засунули в холодильник и все. Ни фотографии с некрологом не вывесили, ни возраста и даже имени его мы не знаем. Такого на наших академических НИС никогда не было – всегда устраивалась панихида и вывешивался некролог. Что это, абсолютно дикая, махровая черствость или что? А ведь человек был наш товарищ и приплыл из Питера на этом самом пароходе, чтобы работать на станции. И погиб он не по глупости или оттого, что напился, а на своем рабочем месте, выполняя служебный долг, готовя посадочное место для вертолета. Трудно не согласиться с Наилем. Если завтра, не дай бог, с кем-то из нас случится что-то подобное, его значит тоже втихаря в холодильник, или еще лучше, за борт? При этом, как нам сообщила Инна, близкая к высшим судовым и экспедиционным кругам, эти круги не довольны тем, что мать погибшего не согласилась с их ре-

шением захоронить его в Антарктиде или в море, а требует привезти тело домой в Питер. Это создаст для судна некое неудобство в Кейптауне, т.к. с покойником на борту нас не поставят на причал, и придется стоять на рейде.

После ужина посидели еще немного, а потом сдвинули столы и расположились спать. Кто пошустрее, у стены с радиаторами, а остальные в середине зала. Как всегда, в такой толпе найдется кто-то, кто сильно храпит во сне. В нашем коллективе на этот раз их оказалось двое: Наиль и Денис.

Утром 10 Марта, по совету капитана, нас четверых вновь прибывших, пристроили на общественно-полезные работы. К нам подошел Киселев и сказал, что двое требуются на кухню, а для двоих других есть работа на свежем воздухе с лопатой в руках. Наиль высказал пожелание покидать снег со своим напарником Мизиным, который, как потом выяснилось, ничего не слышал о таком решении, принятом за него. Мы не сопротивлялись, они оба здоровые, так что пусть кидают снег. Нам же и на кухне в тепле не плохо.

Работы на кухне оказалось не много и сделали мы ее минут за 30-40, так, что у нас образовалось много свободного времени для ознакомления со станцией. На старом аэродроме за крестом мы уже были в прошлый раз, поэтому на этот раз нам посоветовали сходить на Гранат – это дальняя

горная гряда за последним озером на котором мы бурили свои скважины. Там же, за триангуляционным пунктом расположено и местное старое кладбище полярников, погибших в Антарктиде. Кладбище это перестали использовать с конца 80х начала 90х гг. и умерших на белом континенте теперь хоронят на острове Буромского, на станции Мирный. Рядом с кладбищем начинаются выходы гранатитовых пород. Пошли мы туда дальней дорогой, вдоль берега. Вышли к ближайшему заливчику, где волны с силой бились о береговой лед и о кое-где выглядывающие из-под льда каменные останцы. Все камни были покрыты коркой тонкого сероватого льда. Пока шли к Гранату по дороге нам попало множество отдельно бродящих пингвинов Адели и их небольшие колонии. Подпускали они к себе довольно близко, начиная проявлять признаки беспокойства, когда мы к ним подходили метра на 3-4. Вид у них сейчас конечно не очень. Они линяют, готовясь к зимовке, и поэтому многие из них выглядят просто облезлыми. Пингвинята, бывшие пушки, как их тут называют, тоже меняют свой пух на взрослое оперение. Там, где располагаются колонии весь снег и лед вокруг старательно обкаканы пингвинами. Вскоре лед кончился и начались скалы. Породы здесь оказались, тоже, в основном, гранитного ряда: слои средне-кристаллических гранитов, гранодиоритов и гнейсов серого и буровато серого цвета, рассеченные жилами красных, крупнокристаллических гранитов рапакиви и пегматитов. Встречались жилы и линзы кварца, в том

числе прозрачного, молочного, дымчатого и розоватого. Попадались отдельные жилы, выполненные полевыми шпатами и крупными блоками биотита или пироксенов с роговой обманкой. Встречались гнейсы с вкраплениями гранатов. Иногда в кусках породы попадался зеленый минерал, похожий на эпидот. В одном случае я встретил даже что-то похожее на серпентинит или змеевик. Иногда на скалах, прямо рядом со снегом встречались россыпи небольших пятен чёрного и красного цветов. При ближайшем рассмотрении ими оказались мхи или лишайники, что указывает на наличие примитивной растительной жизни в Антарктиде, несмотря на дикие морозы зимой.

Как и на Новолазаревской, столкнулись со следами ветровой эрозии, которая здесь заявляла о себе с ещё большей силой. Среди наших станций на побережье район станции Молодежная славится самыми сильными ветрами. Скорость ветра здесь достигает зимой 60 метров в секунду! Диориты, граниты, гнейсы и другие твердые породы высверливаются и обтачиваются ветром до такой степени, что, иногда встречая огромный камень, похожий из-за дырок на сыр, веришь в то, что это не кусок дерева, изъеденный термитами или осами только потому, что здесь нет ни дерева, ни термитов, ни ос, а одни камни. Слои слагающих скалы пород отпрепарированы так, что похожи, иногда, на неровно сложенные доски, где выступающие «доски» – это слои с большей твердостью,

а утопленные с меньшей. Там же, где на поверхность выходят однородные гранитные породы они вылизаны ветром до состояния округлых шарообразных поверхностей. Жилы во вмещающих породах тоже, как правило, препарированы. Если наполнение жилы тверже окружающей породы, то она выпирает из нее, а если мягче, то углубляется, образуя канаву. Здесь же я впервые увидел прекрасные образчики дресвы: россыпь осколков сильно выветрелой породы, имеющих вытянутую иглообразную форму – действительно похоже на вытянутые полусгнившие куски трухлявого дерева, валяющегося, где-нибудь в лесу средней полосы.

Потратив более двух с половиной часов на изучение всех этих чудес мы вернулись на станцию, где нам предстояло помочь повару Жене приготовить обед и накрыть столы. Здесь мы услышали от Наиля радостное известие, поступившее от руководства экспедиции, что всех, кто не нужен для консервации станции отправить на борт «Федорова». Вертушка должна прилететь за нами в пять часов вечера. Остальных же заберут завтра, после чего мы продолжим наше движение на восток, в сторону Мирного. Наиль было кинулся к самому первому рейсу, подняв среди нас легкую панику, но его быстро успокоил Киселев, попросив ждать его команды. Ближайшие рейсы будут с подвешенным грузом и без посадок, а мы свободны до 5 часов.

Закончив с послеобеденной уборкой в столовой и мытьем посуды, решили все же сходить на местное кладбище. Но не были уверены, где оно. Наилю делать было нечего, и он вызвался сходить туда с нами. Мы переоделись и двинулись в дорогу. Сразу от станции Наиль взял бодрый темп и шёл впереди. Но как только мы вышли на ледник, он притормозил и дал нам с Денисом вырваться вперед. После этого я поверил, что он действительно специалист по выживанию. Чтобы не попасть в трещину во льду, лучше всего пустить вперед пару лохов, а самому идти за ними вслед. Когда мы были еще метрах в 200 от столовой, прилетел вертолет и мы, было, ринулись обратно, но вертолет сбросил груз, взял другой контейнер и улетел на «Федоров». Мы после этого решили больше не дергаться и идти спокойно по намеченному маршруту. Наиль же подумал и решил вернуться на базу, а вдруг вертолет все-таки прилетит раньше, а он на Гранате. На наше счастье нам встретился Юра Мизин, возвращавшийся из рекогносцировочного маршрута, в который он направился сразу после обеда для проверки слуха, что кто-то из полярников видел на берегу императорского пингвина, или «императора», как здесь принято их называть. По словам Юры, увидеть императорских пингвинов на континенте антарктическим летом, очень необычно, т.к. в это время года они откочевывают в открытое море, где и дрейфуют вместе с отколовшимся припайным льдом. С Мизиным мы и пошли на Гранат. Дошли до кладбища минут за 30, а большой, око-

ло 10 метров высотой крест, сваренный из стальных труб и стоящий на возвышении, мы увидели издалека. Поднявшись к кресту, мы обнаружили у его подножия пятнадцать, а может и двадцать могил. Могилы представляли собой саркофаги, сваренные из толстых 3-5 мм стальных листов, установленные на сложенных из каменных глыб основаниях. Умерший укладывался в такой саркофаг, который заваливался по периметру камнями и оставлялся навечно на ледяном континенте. Копать могилы в гранитных скалах практически невозможно, поэтому выходят из положения таким образом. В условиях низких температур и влажности тело мумифицируется и останется в таком состоянии на сотни и тысячи лет, если, конечно, климат в Антарктиде не изменится. Над некоторыми саркофагами стояли гранитные или мраморные плиты пересланные или привезенные родственниками и друзьями погибших. По возрасту это были в основном молодые люди 30-35 лет, однако встречались и те, кому было больше 50. Хоронить здесь начали с начала строительства станции в 60 гг. Кроме саркофагов с телами, под крестом стояло два камня на постаменте: большая глыба молочно-белого кварца и примерно такая же глыба гранита. На каждом из камней установлены дощечки с несколькими именами, а под самими же глыбами никого нет. Как нам объяснил Юра, один из камней установлен в память экипажу пропавшего вертолета, которого так никогда и не нашли. А второй, в память о четырех полярниках которые возвращались на ГТТ в пургу на

станцию, сбились с пути и упали с обрыва барьера в океан. Их тоже не смогли поднять со дна. Отдав дань памяти погибшим полярникам, мы допили свой коньяк за упокой их душ и отправились в обратный путь.

Как и везде в мире, здесь в Антарктиде, жизнь и смерть тесно соседствуют. Только мы перешли на другую сторону кладбища, как обнаружили парочку линяющих пингвинчиков, которые за могилами прятались от пронизывающего их не защищенные пером тела ветра. Они не сильно нас испугались, а когда мы отошли подальше затеяли небольшую драку за более выгодное укрытие от ветра. В нескольких десятках метров от кладбища начиналась гранитовая жила, буквально набитая гранатами. Гранаты были небольшие, тёмно-вишнёвого цвета. Думаю, это были алмадины, хотя и не уверен. Ювелирного качества гранатов среди них конечно же не было, но мы набрали много симпатичных образцов с обильными прослойками этого минерала.

Возвращаться решили другим путем, вдоль берега, в надежде увидеть Императорского пингвина. По дороге встречали разрозненные стайки аделек. Кроме того, попадалось очень много металлического мусора и брошенного оборудования. Это были железные бочки разного размера, какие-то огромные емкости, большое количество тросов, крепеж, какие-то брошенные трубы и трубопроводы, линии электропе-

редач, выходящие неизвестно откуда и идущие неизвестно куда. Металлические опоры, высокие радиоантенны, для измерения каких-то геофизических полей и многое другое, чего мы даже и определить не смогли. Изредка, к металлическому мусору примешивался мусор деревянный в виде бревен и досок, а также пластиковый, в виде теплоизоляции. Но этот материал в условиях Антарктиды быстро разрушается и уносится ветром. Некоторые участки станции Молодежная, которая раскинулась на огромной для полярной антарктической станции территории в несколько гектаров, напомнили нам Зону из повести братьев Стругацких «Сталкер», а каменные участки, которые мы посетили, сильно смахивали на поверхность Марса, какой она нам представляется. Коль скоро я коснулся размеров Молодежки, то следует отметить, что это была самая крупная из наших станций на Антарктическом континенте. В лучшие годы население станции доходило до тысячи человек. Летом вечерами люди ходили в гости друг к другу, дружили домами (бараками) и давали названия улицам, где стояли их дома в честь мест, откуда полярники были родом, или в честь каких-то исторических личностей. Сейчас эта станция выглядит брошенным забытым посёлком, с холодными мертвыми домиками, с которых постепенно слезает, когда-то яркая краска. Теперь пальму первенства на этом ледяном континенте держит американская станция Мак Мердо, где зимует до тысячи человек, а в сезон население ее достигает, как утверждают знающие люди, да-

же трех и более тысяч человек. Эдакий маленький антарктический городок, по сути дела. Рассказывают, что в 60-х годах американцы смонтировали здесь небольшую атомную электростанцию для обеспечения своих полярников светом и теплом. Что с этой электростанцией произошло и функционирует ли она сейчас, мне не известно, и никто не смог с уверенностью сказать, кого бы я об этом ни спрашивал. Другой интересной особенностью американских станций является то, что на ней, кроме гражданского персонала, проходят службу военные, коих здесь большинство. При этом, в отличие от наших традиций, на станциях работают и служат на равных как мужчины, так и женщины, и никакой дискриминации не наблюдается. Обычный срок зимовки у них – полгода.

Наконец, пройдя каменные гряды и свалки мусора, мы воочию увидели императорского пингвина, стоявшего в гордом одиночестве на белом льду, в некотором удалении от нас. Император был раза в полтора – два больше пингвинов Адели и намного их красивее, и величественнее, вполне оправдывая свое название. К нашему удовольствию он спокойно стоял на месте и судя по всему не собирался никуда уходить, поэтому мне удалось достаточно подробно рассмотреть его в бинокль. Это был, по-видимому, взрослый пингвин, красавец со спинкой и крыльями темно-серого, стального цвета, бледно-желтым животом и довольно яркой жел-

той грудкой. Клюв у него тоже был ярко желтым с оранжевой продольной полосой. Императорские пингвины, это большие птицы, по любым нашим человеческим меркам. Ростом они бывают более 1 метра, а вес их, по литературным данным, достигает 80 кг. Птица эта обладает и недюжинной физической силой. В литературе описан случай, когда со взрослым императорским пингвином не смогли справиться 5 матросов. Ударом крыла, как говорят, крупная птица может и руку человеку сломать. По словам Юры, чтобы подобраться к пингвину как можно ближе, надо двигаться очень медленно, тогда пингвин не воспринимает человека, как движущийся живой объект. Мы направили к пингвину Дениса, т.к. у меня кончилась к тому времени пленка в фотоаппарате. Денис, выполнив все, чему его учил Юра подошел к пингвину почти на 2 метра и снял его раз пять. Император молча все это Денису позволил, потом ему, вероятно, надоело позировать, он повернулся к нашему фотографу задом, выпустил в его направлении зловонную зеленовато-черную струю и не торопясь направился в сторону моря, давая всем своим видом понять, что аудиенция окончена.

Вскоре добрались до кают-компании, а через некоторое время и вертушка за нами прилетела. Через десять минут мы были на борту «Федорова», где нас сочувственно встретили Инна с Сашей и Коля Масолов, который тихо радовался, что его не нашли вчера утром.

Ощущение от станции Молодежной осталось двоякое. С одной стороны, когда ходишь вокруг станции, получаешь удовольствие от общения с местной живностью и созерцанием геологического разнообразия, чувствуешь себя одновременно словно в зоопарке и петрографическом заповеднике. А с другой стороны, мертвая, брошенная станция, груды искореженного металла и других следов когда-то бурной человеческой деятельности в купе с постоянно дующим сильным леденящим ветром, темным беспросветным небом и свинцовым морем, действуют угнетающе.

Закончилась наша эпопея в судовой сауне с пивом, которое мы с Денисом так и не выпили на станции и которое нам с Новигатским оказалось очень кстати после сауны.

27. Станция Молодёжная

28. Столовая на станции Молодёжная

29. На фоне небольшой колонии пингвинов Адели и главного здания станции Молодёжная

30. Бурение озёрного льда. Вдали пингвин Адели, наблюдает за нашей работой

31. Православный крест, установленный в 1996 г. на гранитной скале на станции Молодёжная

32. Вмёрзший в лёд самолёт Ил-14

33. Чёрные и красные мхи и лишайники на скалах

34. Любопытствующий пингвин Адели

A)

Б)

35. А, Б, В – примеры ветровой эрозии в разных породах

36. Группа пингвинов Адели на берегу среди скал

37. Группа исследователей на отдыхе в каюте НЭС «Академик Фёдоров» после трудового дня. Слева направо: А.Новигатский, С.Тамбиев, Д.Айбулатов и О.Воскобойникова

7. Уход с Молодёжной

11 Марта 2003 г., Вторник, уход со станции Молодёжная.

Сегодня примерно в 13.30 мы начали свое движение в открытое море в сторону станции Прогресс. Как только вышли из бухты, опять началась качка. Сначала штормило, а к вечеру добавилась сильная зыбь. С утра были в лаборатории. Саша Новигатский готовится к фильтрации воды, которую мы набрали за два посещения Молодежки. Оба полиэтиленовых 40 л бидона, в которые отбиралась вода, прохудились. Один, вероятно пробили при транспортировке, а другой лопнул сам, т.к. вода в нём намертво замерзла за 5 дней стояния на морозе, прошедших с нашей первой высадки 6 марта. С помощью паяльника, взятого у Смурова – эколога из ААНИИ, я быстро запаял дыру на первом бидоне, а второй придется ремонтировать завтра, т.к. в нем еще полно льда. Возни, наверное, будет много, т.к. трещина образовалась большая, сантиметров 12 в длину. Больше ничего выдающегося сегодня не произошло. Да, чуть не забыл. Володя Раздольский нам сообщил, что завтра мы выходим на точку, где запланирован гидрологический полигон, о котором так много говорили, начиная с выхода из Кейптауна. Полигон предполагается грандиозный, аж 60 станций, которые надо будет от-

работать за 7 дней. На Мирном, говорят, возникли проблемы с Санным походом, идущем со станции «Восток» поэтому мы туда не торопимся, пока. Вечером, после ужина, схожу, наверное, еще раз в сауну.

12 Марта 2003 г., Среда. (65°29,20' ю.ш., 53°22,31' в.д.) Судно: 84°, 15 узлов, Ветер = 113°, V= 1.9 м/сек T воздуха = -4,7°C, T воды = -1,5°C. Направляемся к станции Прогресс с попутной остановкой на неделю для выполнения запланированного гидрологического разреза. Погода ясная, солнечная, идем в виду берега, напротив мыса Баттерби. Появился новый слух, что мы, якобы, вернемся не раньше двадцатых чисел июня. Народ в панике. Денис готовится к увольнению со своей кафедры в МГУ, т.к. он отпросился всего на пару месяцев. Саша Новигатский готовится к расставанию со своей девушкой, т.к. не уверен, что она его дождется. Мне это тоже ни к чему. Если это случится, то получится, что наша командировка из запланированной трехмесячной перерастет в пятимесячную. Мы стараемся подшучивать над всем этим, но в душе каждый опасается, что это и впрямь может случиться. Вечером опять ходили в сауну – какое ни на есть, а все-таки приятное развлечение. Ночью наблюдали звезды. Небо было на редкость чистое, для Антарктики – ни одного облачка и все звезды были видны. Я провел с ребятами маленький ликбез по звездам Южного

полушария. Оказывается, Рома и Денис никогда не видели созвездия Южный крест.

13 Марта 2003 г., Четверг. (66°01 ю.ш., 66°48' в.д.)

Судно: 105°, 14,1 узлов, Ветер = 28°, V= 8.8 м/сек T воздуха = -6°C, T воды = 0,2°C. Идем на гидрологическую станцию. Пасмурно, временами идет снег. К судовому времени добавили еще час, так, что мы уже на 1 час впереди Москвы и поэтому вставать сегодня было тяжелее. Саша на завтрак не пошел, а днем и вовсе объявил, что на завтраки ходить больше не будет, создав таким образом совместно с Денисом и Ромой триумvirат отказников от завтрака.

Пока черпал ведром воду с носа, руки замерзли так, что начали жутко болеть, и я их долго не чувствовал. С утра в лаборатории провели небольшую летучку. По расчетам, сегодня вечером мы должны выйти на первую точку запланированного полигона, поэтому собралось все гидрологическое руководство, вплоть до помощника капитана по науке, включая и нас с Инной, для выяснения общих и индивидуальных планов. В соответствии с планом отработки полигона намечено сделать 78 станций. Мы решили начать со второго разреза и отобрать пробы воды с шельфовой части, над свалом глубин и в открытом океане, а дальше по возможности. У нас драматически не хватает посуды для отбора и хранения

ВОДЫ.

17:30. Координаты: $67^{\circ}03'$ ю.ш., $69^{\circ}58'$ в.д. Судно остановилось для работы на первой гидрологической станции, до намеченной точки не доехали 5 миль. Говорят, айсберги помешали – ближайший виден вдаль на расстоянии более мили. Ждем команды с мостика на начало работ. Команда получена около 18.00 и началась суэта. В спуске розетты за борт участвовали человек 7 – 8 из судовой инженерной группы, включая всю научную верхушку и зама капитана по науке. Розетка представляет собой кассету из 24 расположенных по кругу 10 л батометров вместе с STD-зондом и акустическим определителем расстояния прибора от дна. Опускается она на кабель-тросе по которому в реальном времени считывается физическая информация об окружающей среде, и дается команда на поочередное закрытие каждого батометра в выбранной точке. Обычно такую работу мы в рейсах ИОРАН на НИС «Академик Мстислав Келдыш» делали втроем, а в условиях хорошей погоды и вдвоем. Но ничего удивительного, что здесь, на первый спуск, сбегалось столько народу. На лебедке стояли ассы. Как не без ехидства заметил Николай, чтобы допустили к лебедке надо иметь не менее десяти лет стажа работы на «Федорове». После спуска розетты за борт, который в общем-то прошел довольно гладко, дошли метров до 200 после чего оказалось, что датчик температуры, похоже, врёт. Стали поднимать розетку и схлопывать батометры

по одному для проверки механизма. Когда розетку достали, оказалось, что несколько батометров не закрылось. Требуется подтянуть резинки и отрегулировать длину поводков, которые фиксируют крышки в открытом положении. На одном батометре не сработал соленоид, который отпускает поводок – это уже хуже. После этого Алексеев дал добро Ольге с Денисом бросить большую сетку с кормовой лебедки. Сетка оборвалась сразу же, как только ее опустили в воду. На этом научная часть представления закончилась. Забортных работ решили больше не проводить.

После ужина по спикеру объявили информацию, что морские работы прекращены и по распоряжению ААНИИ мы направляемся на станцию Прогресс, чтобы взять со станции больного и принять участие в работах станции. Санный же поезд с Востока благополучно вышел со станции Комсомолец. Эта первая официальная информация, которую мы получили за все время экспедиции. Обычно приходилось довольствоваться только слухами и сплетнями. Перед сном спросил Сашу будить его или все-таки не будить на завтрак? Саша с неохотой ответил: «Ладно, будите, порядок все-таки должен быть» (Это была любимая фраза моего новозеландско-немецкого друга Рудольфа Эрба «Ordnung Muss Sein!»). Вообще говоря, Инна считает моим большим педагогическим успехом, то, что Саня весь рейс ходит на завтраки. Раньше, по ее словам, такого не было. Он бессовестно дрых,

как и Дениска сейчас, чуть ли не до обеда. Между прочим, как выясняется, я у наших хожу в местных авторитетах: что-то вроде пахана в тюрьме или старослужащего в армии. Стараюсь этим особенно не пользоваться, но если что-то говорю Инне или пацанам, то ко мне прислушиваются, не зря, всё-таки столько рейсов в Институте океанологии АН СССР у меня за плечами. Инна вообще мной довольна. Она боялась, что я начну качать права или отлынивать от работы, а я веду себя скромно и с достоинством и ни от какой, даже самой тяжелой работы не отлыниваю и не перекладываю ее на плечи других.

14 Марта 2003 г., Пятница. (69°19,84' ю.ш., 76°26,66' в.д.). Стоим в заливе Прюдс у станции Прогресс. 12:00. Судно: 0°, Ветер = 76°, V = 4 м/сек, T воздуха = -2°C, T воды = -2°C. С утра пасмурно, временами идет слабый снег. Прошли блинчатый лед. Серые блины, похожие на медуз, покрывали всю поверхность моря. Сначала «блины» были небольшого размера 10-15 см, но по мере приближения к берегу их размер постепенно увеличился до 50-70 см. Потом пошли обломки старого льда. Лед мы прошли в течение 10-15 минут и вошли в открытую воду, которая тянется до берега, что-то около 1 мили. Панорама вокруг очень красивая. По всему горизонту ледяной купол, под ним местами выходы коренных пород, а вокруг огромные ледяные айсберги. Часть айсбер-

гов сидит на мели у берега, частично скрывая его от нас (и станцию тоже), часть, в самом заливе, окружая нас довольно плотным кольцом. Айсберги разнообразны по своим размерам, форме и даже цвету. Два ближайших и самых крупных – столовые айсберги с почти плоскими поверхностями и просвечивающим небесно-синим льдом. В основании одного из них образовалась целая галерея гигантских арок-пещер, результат работы морских волн. Чуть дальше, абсолютно белоснежный айсберг, сложенный как бы из отдельных глыб льда и напоминающий белоснежный фантастический город с замками и башнями. Еще дальше, тоже столовый айсберг, но потемнее, с вертикальными трещинами по всей толщине, и живописно наваленными глыбами льда наверху. Каждый из этих айсбергов настоящий гигант, по размерам превышающий наш Федоров в десятки и сотни раз. Встречаются более мелкие, старые и размытые айсберги причудливой фантастической формы. Эти, как правило, более темные.

Вчера поздно вечером Леонтьич сказал, что мы должны быть готовы после обеда с первым вертолетом лететь на Прогресс. Сегодня же утром намерения изменились и с первым вертолетом после обеда полетели только полярники, а мы, сезон, полетим туда завтра с утра. Летим опять мы с Дениской, а в помощь нам подключают соседа Дэна по каюте, морского зоолога Романа Смирнова, который очень просился, чтобы мы его взяли с собой. Вертолетчики начали свою

обычную работу по переброске людей и грузов на станцию и со станции. До ужина сделали несколько ходок. Мы же после чая отобрали с биологами пробы планктона сеткой для дальнейших биогеохимических исследований и, как всегда, пробы заборной воды ведром.

Около 5 часов вечера, после того, как наш вертолет сделал последний рейс и встал прочно на палубу, Федоров запустил главную машину и отошел в море, подальше от берега. Так всегда делается в целях безопасности, чтобы ветром и течением не снесло на мель.

Вечером после чая в каюту забежал Саня и принес мне долгожданное e-mail письмо от жены Валентины, а то я уже начал волноваться и собирался давать ей радиограмму. Свой электронный ящик она так и не завела (узнаю свою жену!), но дала мне эл. адрес ГКЗ, где она работает учёным секретарём.

Вечером в лабораторию зашел Леонтьич и сказал, что мы должны лететь на станцию завтра утром, если ничего не изменится. К сожалению, для Романа, да и для нас тоже, его забыли включить в список летящих на станцию. Но Леонтьич обещал нам в помощь Александра Коцурубю, который должен лететь с Петром Богородским.

38. Отбор проб поверхностной морской воды в мороз на обледенелой палубе.

39. Большой плоский айсберг в море

40. Айсберги на подходе к станции Прогресс

41. Блинчатый лёд

42. Скопление айсбергов в заливе Прюдс. Съёмка с вертолёта

8. Станция Прогресс, Холмы Ларсена

15 Марта 2003 г., Суббота. (69°19,84' ю.ш., 76°26,66' в.д.). Судно: 0, Ветер = , V= 15 м/сек, T воздуха = -2°C, T воды = -1°C. Залив Прюдс. Погода сегодня с самого утра гадчайшая. Полеты отменили. Надеялись погода улучшится, однако этого не случилось. В дополнение, у Саши сломался компьютер, и мы весь день с ним возились. Я, откровенно говоря, думал, что уже все, придется клянчить ноутбук у Инны и Дениса или идти на судовые старые компы, но Саша веры в свой IBM ThinkPad не терял и все-таки нашел способ обойти блокировку биоса. А после множества манипуляций удалось заставить работать и мышку. Я на всякий случай все скинул на дискеты, чтобы не потерять информацию, если что. А вообще Сашин компьютер, хоть и старенький, но оказался живучим, тьфу, тьфу, тьфу....

16.03.03. Станция Прогресс, Холмы Ларсена, залив Прюдс (69°22' ю.ш., 76°23' с.ш.) С утра, как всегда спешка и неразбериха. Тем не менее мы вылетели довольно рано. В моей команде были Денис и Саша Коцуруба, а кроме то-

го летели Леонтьич со своей командой в 4-5 человек, включая Николая, для проведения работ с акустическим зондом в заливе и туристы, как мы их называем, т.е. те, кто придумал, что у него, якобы есть работа, а на самом деле полетел, чтобы просто попасть на станцию (положа руку на сердце, я их за это осуждаю). Вертолет нас выбросил, как это часто бывает, не останавливая винтов, поэтому разгрузиться нам пришлось в срочном порядке, а потом прикрыть баки и другое имущество своими телами, чтобы не улетело, от ветра, поднятого винтами вертолета.

Наша главная задача была отобрать пробы снега, льда и подледной воды на озере Степед (Stepped – названия давали австралийцы). В прошлом году, в 46 РАЭ здесь уже были отобраны пробы и в этот раз было важно отобрать пробы для сравнения. Озеро расположено недалеко от китайской станции Зонг Шанг, которая находится всего лишь в 700-900 м от Прогресса и выглядит гораздо привлекательней в плане чистоты, ухоженности и вообще внешнего порядка. На больших баках с горючим, направленных в сторону моря, нарисованы утрированно-страшные рожи в стиле китайского фольклора, наверное, чтобы злых духов отгонять. Как и на нашей станции, развеваются три флага: китайский, российский и австралийский. Но у нас они все на одном уровне – российский по середине, а у китайцев два их флага стоят отдельно от нашего и австралийского, и один стоит выше

всех остальных. Кстати о флагах, пока не забыл. При внимательном рассмотрении флагов на Прогрессе, я обнаружил, что австралийский флаг, выглядит не совсем как австралийский. На нем отсутствует Южный крест, и только одинокая белая звезда сохранилась под британским Юнион Джеком. Интересно, его обкарнали, чтобы был по размерам как все, или это обрезанный вариант австралийского флага, который я лично ранее никогда не встречал?

На озеро мы пришли в начале одиннадцатого и в 10:10 приступили к отбору проб. Нашли на середине озера чистый прозрачный лед и приступили с Сашей Коцурубой к бурению. Одновременно, Денис начал отбор снега на краю озера. Озеро Степед заметно отличается от других, опробованных нами озер. Лед оказался однородный, плотный и прозрачный как стекло, толщиной 22 см, а глубина озера, впоследствии измеренная нами при помощи сетки Джеди, оказалась 3.5 м. Самым же замечательным отличительным свойством озера было наличие в нем жизни. Ближе к берегу под прозрачным льдом были видны бурые водоросли на дне и замороженные в самом льду. На поверхности воды в лунке и в планктонной сетке во всю бушевали мелкие темные рачки с красными глазами, по-видимому, ошалевшие от обилия кислорода. Набурившись от души и отобрав необходимые пробы, мы подтащили баки и бидон с водой поближе к дороге, проложенной ГТТ на ГСМ и обратно, и стали изучать окрестности и окру-

жающие останцы горных пород. Петрографического разнообразия здесь было меньше, чем на станции Молодежная, а интенсивность ветровой эрозии примерно такая же. Было заметно больше гранатовых гнейсов и много выходов светлых монолитных пород, похожих на кварцит. Последние, в отличие от сланцев и гнейсов, представляли собой зализанные гладкие и выпуклые структуры. Хотелось бы применить к этим образованиям известный с университетских времен термин «бараньи лбы», но это не совсем то, хотя аналогичные зализанность и сферичность наблюдаются.

На станции нас неплохо, хотя и без затей, покормили, несмотря на грозные предупреждения повара о том, что кормить нас нечем, самим-де не хватает. Оказалось, это была просто шутка. После обеда я наконец познакомился с Сергеем Борзенковым, начальником станции, и попросил выделить какую-нибудь технику для вывоза с озера наших баков с пробами. Сергей предложил мне свой «Буряк и себя в придачу, когда же я выразил сомнение в их грузоподъемности, он сказал «Возьмем сани, все будет нормально». Я сел сзади за Сергеем, как на мотоцикле, и мы поехали за санями, находившимися под другим домиком. Сани представляли из себя довольно прочную каркасную металлическую конструкцию длиной 2-2.5 м, сваренную из уголка 5х5 мм. Чтобы можно было погрузить баки взяли несколько досок, которые положили сверху на сани. Мне же пришлось уже сидеть, а затем и

стоять на санях, чтобы не дать импровизированному настилу улететь – Сергей оказался лихим водителем. Спустившись в распадок, где было озеро, повернули направо, к нашим бакам. Борзенков круто развернул буран с санями и подкатил прямо к бакам и бидону с водой. Все это мы быстро погрузили на сани и покатали обратно. Вот тут-то и началось самое интересное. Баки с санями и мной оказались слишком тяжелыми для бурана на подъеме – он буксовал и никак не хотел заползти на пригорок, а Сергей ничего не мог поделать. Я, естественно слез и толкал сани, Борзенков тоже слез с Бурана и толкал его за руль. Мы сделали три или четыре попытки взять препятствие с разгона, каждый раз увеличивая этот самый разгон и смогли преодолеть горюшку только с пятого раза, оставив самый тяжелый бидон на полпути и используя меня в качестве толкача. После этого я встал сзади на сани, но не как каюр на оленьей упряжке, который стоит на полозьях, а сверху, чтобы если сани перевернутся не поломать ноги. Затем я упал животом на баки, прижав их к саням, чтобы не дать им улететь, и мы лихо домчались до места посадки вертолета (пару раз, правда, баки чудом не свалились с саней), где баки и выгрузили в снег, а затем подъехали к кают-компани. Ушло на все это мероприятие около получаса, хотя озеро находилось в 3-5 мин. езды на Буране, и Саша с Денисом, ждавшие меня для прогулки, недоумевали, почему же мы так долго этим занимались.

После обеда Леонтьич сказал, чтобы мы были готовы к отбытию на борт «Федорова» к 5 часам вечера, и мы пошли на ознакомительную прогулку вокруг станции.

Самое потрясающее на станции Прогресс, это, конечно же так называемое кладбище айсбергов в заливе, которое видно из любой точки станции. Весь залив практически завален большими и малыми, молодыми и старыми айсбергами, которые прибывают к берегу течениями и ветрами. Время от времени айсберги ломаются и крошатся от старости или под напором ветров и более молодых и прочных айсбергов. Когда вдруг от айсберга откалывается огромный кусок и падает в воду, зрелище это фантазмагорическое. Рядом с разбросанными по заливу кусками айсбергов тут и там лежат тюлени. Они настолько отрешены от мира сего, что совершенно не реагируют на людей. Поговаривают, что кое-кто из наших коллег залезал на них и катался, однако данные эти не проверены, а врать здесь народ горазд. Мы попытались пройти к лежбищу и айсбергам по льду залива, чтобы исследовать пещеру в одном из айсбергов и похлопать по спинке какого-нибудь тюленя. На припайном льду было множество следов, оставленных, как мы предполагали, нашими коллегами, но когда я вступил на припай, следуя за цепочкой таких следов, то сначала провалился в воду, а потом лед подо мною заходил, и глыбы стали двигаться, так что мне не без труда удалось выбраться на берег. При более тщательном рассмот-

рении следов, они оказались следами тюленей и пингвинов.

В три часа вернулись на станцию, никаких сведений о вертолете не было, и мы продолжили нашу рекогносцировку. На этот раз мы разделились: Денис с Сашей пошли на берег, а я полез на гору, возвышавшуюся над станцией. Горушка была достаточно крутая, но я ее преодолел, как всегда насобирав по пути образцов всевозможных пород. Среди новинок встретился чистый магнетит, а может и титаномагнетит. Я обнаружил на горе целую магнетитовую жилу. Первый, найденный мною образец магнетита был хорошо зализан ветром и даже, как будто, оплавлен. Увидев его, я чуть было не задохнулся от счастья, решив, что это вожделенный метеорит, которые в Антарктиде время от времени находят. Но пройдя вперёд около метра увидел еще один, а дальше еще несколько и наконец целую жилу «метеоритов». Испытав чувство глубокого разочарования пришлось в итоге смириться с тем, что это никакие не метеориты, а просто выход магнетитовой жилы. Добравшись, наконец, до вершины холма, я был награждён совершенно потрясающим видом залива и окружающих станцию разноцветных гор. Налюбовавшись этой красотой, двинулся вниз. Через некоторое время мы получили команду выйти к вертолету. На борту «Фёдорова» нас встретили Новигатский с Инной и помогли дотащить баки до лаборатории. Инна нам сообщила, что завтра они с подругами к нам присоединятся.

17-18.03.03. Утром нам сообщили, что мы опять летим на Прогресс. Вместе с нами полетели все женщины из научного состава: Инна, Оля и Мила, которые выпросили разрешение у Алексеева. Вместо Саши Коцурубь, на этот раз выпустили Рому – это был его первый выход на Антарктический континент. Погода с утра была пасмурная и ветреная и показалась мне подозрительной. Тем не менее, мы погрузили наши баки, загрузились сами и полетели. Сначала мы приземлились на основной станции, и я собрался было вылезать из вертолёта, но Леонтьич сказал – летим дальше и только в этот момент я понял, что на этот раз нас высадят на озере Прогресс, куда мы и просились, но не были уверены, что разрешат. Это озеро или оз. Кристальное, как его еще называют, расположено рядом с нашей старой станцией Прогресс-1 (первая станция, которая затем была законсервирована, а вместо нее основана теперешняя станция Прогресс). Наши бедные женщины тоже не врубались, т.к. им никто ничего не объяснил, а когда я спросил, выходят они сейчас или же полетят с нами, они сказали, что полетят с нами, т.к., по-моему, побаивались остаться без нас наедине с полярниками. Это оказалось нашей общей ошибкой, о которой впоследствии они и мы сильно пожалели. Через пять минут, примерно в 9 часов, мы уже прилетели на Прогресс-1, где и высадились, с включенными вертолетными винтами, а Леонтьич с сотоварищи полетел дальше. Нам было сказано,

что вертолет за нами прилетит примерно в 13:00. Сразу же, как только вертолет улетел мы оценили обстановку, которая оказалась не очень привлекательной: сильный ветер, поземка и мороз. У меня сразу же возникли сомнения в том, что вертолет прилетит за нами по такой погоде. Попытки связаться со станцией по радиии, которую мне выдал Леонтьич, к успеху не привели, т.к. озеро со всех сторон окружено горами, которые нас надежно экранировали. Мы перетащили свое оборудование – баки, бидоны, бур, сети и т.д. на середину озера, тут же рядом сложили наши сумки с личными вещами и вынуждены были все связать, чтобы не разлетелось – ветер был действительно сильным. Мужчины приступили к бурению, а дамы, стали отбирать нам снег в баки. После этого Инна с Милой пошли обследовать окрестности, а Ольга осталась. Кроме нашего домика Прогресс 1, рядом находилась законсервированная китайская станция. Наши дамы попытались в нее проникнуть, но она оказалась закрыта таким образом, что без специального ключа в нее было не попасть. Т.к. ветер все усиливался, а на озере началась настоящая пурга, я посоветовал им попробовать проникнуть на нашу станцию, что они с успехом и сделали. Наша станция оказалась не запертой (как это обычно и водится в Антарктиде), и там можно было расположиться. На станции обнаружили печка с запасом топлива, кажется керосин, и даже что-то съестное. А у меня же с собой, как у старого полевика, оказалась зажигалка, так что, в случае чего, можно было бы

продержаться какое-то время. Пока наши дамы делали эти полезные для выживания открытия, мы, по очереди, продолжали бурить лед, а погода все продолжала портиться. Лед, оказался плотным и очень прозрачным, хорошо было видно каменистое дно без признаков жизни. Когда мы пробурили пятую или седьмую лунку, стоять под натиском ветра было уже трудно, даже повернувшись спиной, а когда идешь по льду, то ветром несет так, что трудно остановиться. Посмотрев на Ольгу я понял, что ей уже не по себе, поэтому проводил ее в домик, где уже находились Инна с Милой. Скорость ветра по моим представлениям уже превышала 25 метров в секунду, при температуре $-5 - 8^{\circ}\text{C}$. К этому времени мы отобрали лед, снег и воду, пробуравив 12 лунок, а Денис с Ольгой отработали сеть. Пробуренные лунки сразу же заметало снегом, а вокруг наших баков и вещей образовался большой сугроб. Пока бурили, вдруг увидели, как вдалеке, на противоположной стороне озера из метели и поземки появились две маленькие фигурки. Я, сначала, даже и не понял, люди это или пингвины, но когда они стали приближаться, можно было различить, что это люди: один в оранжевом, а другой в синем комбинезонах. Мы стали гадать, кто это, может за нами пришли? Когда же они приблизились к нам и поздоровались, оказалось, что это китайцы: один молодой парень, лет 25, а другой постарше, примерно 50-60 лет. Тот, который постарше, довольно прилично говорил по русски. Они пришли пешком со своей станции Зонг Шанг, расположенной

примерно в 4 км от озера. Старший спросил нас кто мы и откуда, а когда узнал, что мы с «Федорова» спросил, когда уходит «Федоров» и сообщил, что собирается плыть с нами. Китайцы поинтересовались, что за вода в озере, а когда узнали, что чистая и пресная, попросили налить воды в их бутылочки. Т.к. лунки к тому времени уже занесло снегом и своими бутылочками им было бы трудно отобрать воду, я достал наш импровизированный батометр: 2 л пластмассовую бутылку на палке, для отбора подледной воды, проткнул им снег и отобрал воду из-под льда. Китайцы переглянулись, и старший что-то сказал молодому – ему явно наш батометр понравился. Наверное, приедут домой и наладят их промышленный выпуск – китайцы люди предприимчивые. Как мне объяснил старший из китайцев, целью их похода было то ли проверить, то ли снять показания с какого-то установленного на станции прибора. Минут через 15-20 они пошли обратно. Отчаянные ребята. В такую погоду, пешком пошли за 4 км на дальнюю станцию.

Около 12:30 мы завершили все свои работы и начали подтаскивать баки с пробами к берегу озера, а вещи к нашему домику, где дамы своим дыханием согревали для нас это помещение. Я уже начал подумывать, что нам предпринимать дальше, т.к. в данной чрезвычайной ситуации принял на себя обязанности старшего в группе и все с этим согласились. Было совершенно очевидно, что вертолет за нами не прилетит

и вообще сегодня летать не будет. Леонтьич, знает, где мы находимся, а расстояние до нашей станции, как я выяснил у китайцев, около 3 км или чуть больше. Поэтому в данной ситуации самым разумным было сидеть в домике и ждать помощи.

И вот, пока мы размышляли над всем этим, перетаскивая баки и сумки, к нам подъехали на ярко окрашенном ГТТ (который до этого мы принимали за китайский, а он оказался наш) начальник станции Сергей Борзенков, и будущий начальник всей зимовки Андрей Попов. Они рассказали нам, что «Федоров» из-за штормовой погоды ушел в море и про нас там попросту забыли, а по радиации только передали, что «сезон оставляем вам». На станции же, узнав от кого-то, кто прилетел с нами, что нас выбросили на озеро Прогресс и с нами женщины, ребята тут же сели в ГТТ и поехали нас выручать. Мы загрузили все наши баки со снегом, водой и льдом, свои вещи и погрузились сами. Место оказалось мало, но мы все равно, несмотря на тесноту и жуткую тряску, были счастливы. Пару раз чуть не засели, на подъемах, но выкарабкались. На этот раз, все кончилось для нас хорошо: работу сделали и на заброшенной станции куковать не пришлось.

Примерно через полчаса прибыли на станцию, где нас накормили и распределили кому где жить. Началось всеобщее

братание. Женщин отправили в новый жилой комплекс «Лена», выстроенный толи чехами, толи по чешскому проекту, но он к нашему приезду еще был не запущен и поэтому не отапливался. Дамы на следующий день жаловались, что хотя им и дали обогреватели, они все равно отчаянно мерзли. Нас с Денисом поместили в домик по близости с кают-компанией, к полярнику Сергею Спирину, гидрологу и любителю всякой морской живности и антарктических камней. Мне досталась кровать, а Денис согласился спать на полу. Рому же распределили в этом же домике, в комнату напротив, к инженеру-метеорологу Диме. Впоследствии, туда нагло завалился еще какой-то кекс, заявивший, что он тоже метеоролог и спать будет у Димы, так что Роме спать оказалось негде, а мое предложение отправиться в другой домик к гидрологам, где были места, он отверг и сказал, что будет спать на диванчике в кают-компании.

Погода продолжала портиться, так что ни о каких прогулках по окрестностям не могло быть и речи, поэтому, время до вечера мы провели в кают-компании за трепом и книгами. Пришла Инна, познакомила нас с Виктором Вендеровичем, который работает сейчас на кухне поваром, а ранее, по его словам, бывал начальником всех зимовок. Говорит, что таким образом он отдыхает – это у него отпуск такой, с варением каши, во что я не очень-то поверил. Большинство на его месте предпочли бы провести отпуск в Турции или

в Египте. Что ж, у каждого свои представления об отдыхе. Тем не менее мужик он оказался интересный и был искренне рад Инне. Вытащил бутылку водки и поразвлекал нас рассказами о полярниках и Антарктиде. Потом мы допили до конца и мое «шильце» (разбавленный водой спирт). Вечером в кают-компании жизнь расцвела в полном объеме. Кто-то резался в нарды, кто-то в «блошку», кто-то играл в бильярд, а другие просто трепались. Рома с Денисом стали играть в шахматы, а я наблюдал за их рубкой. Вечерами, после дневной работы, кают-компания становится средоточие жизни на зимовке, и мы оказались в центре всего этого. Обладание действующей рацией давало мне преимущество находится постоянно в курсе событий. Все переговоры на станции, а также самой станции с «Федоровым» велись на одной частоте. Удалось перехватить полезную информацию:

«Ну женщины помылись, баня раскалена, может объявишь по громкой, да мужиков запустим?»

«А воду, кто будет таскать, ты?»

«Дык, ее там много!»

«Ну да, а потом?»

«Ну я не знаю, как скажешь, а то ведь пар пропадает»

«Ну ладно, на твое усмотрение».

Услышав это, мы не стали ждать объявления по радио, а просто выяснили, где баня и ринулись туда. Баня оказалась в

гараже и вполне сносная. После утренней работы на озере, это было отличным завершением дня. Там же мы встретили и Николая, который постоянно отирался возле руководства и женщин, и тоже прослышал про неожиданно открывшуюся возможность. Как потом нам под большим секретом рассказала одна из наших дам, один из присутствовавших на станции боссов, напившись до полного изумления, пытался прорваться к ним в баню, чтобы помыться с девочками нагишом, но номер не прошел и его все-таки оттуда выдворили.

После бани мы пошли к себе в домик, а Рома в кают-компанию. К нашему удивлению и огорчению в домике не было ни света, ни хозяев. К счастью, у меня в сумке оказались фонарик и зажигалка, так что нам удалось все обследовать и выяснить, что причина отсутствия света находится вне домика. Моя предусмотрительность оказалась не лишней. У меня с собой всё было, включая даже смену белья, и дополнительную теплую одежду. Ребята же ничего с собой не взяли, хотя я их стараюсь воспитывать в духе постоянной готовности к превратностям судьбы, да видно недостаточно. Когда мы уже отчаялись что-либо поправить и собирались искать кого-нибудь, кто бы мог нам подсказать что делать, свет к нашему облегчению дали. Хозяин комнаты отсутствовал, и мы с Дениской раскатали матрасы: я на кровати, а он на полу, одели все что было на себя (одеял в домике не нашлось) и стали пытаться заснуть с включенным верхним светом. Выключить

его было нельзя, т.к. хозяин, вернувшись под газом ночью домой, в темноте мог бы наступить на Дениса. Все попытки заснуть кончились для меня полным провалом. Снаружи, ветер задувал с такой силой, что домик раскачивался как пароход в бурном море и я, после очередного мощного порыва ветра, каждый раз не без содрогания ожидал, что вот сейчас домик точно поднимется в воздух и улетит в залив или в гору. Скорость ветра, по моим представлениям, была не меньше 30 м/сек. При этом все это сопровождалось жуткими завываниями, дьявольским скрипом самого домика, грохотом раскалывавшихся айсбергов в заливе, а при особенно мощных порывов ветра, громким треском и скрежетом непонятного происхождения. Всю эту какофонию можно было сравнить разве что со звуком, который издаёт взлетающий вертолет, внутри которого ты в этот момент находишься. Уже на судне мы выяснили, что отдельные порывы ветра в заливе достигали 40 м/сек; при такой силе ветра человек уже не может удержаться на ногах. Под утро, когда ветер начал стихать пришел и хозяин, Сергей Спиринов, под очень сильным наркозом, и первое, что он сделал, это накинул на меня и на Дениса по шубе, т.к. подсознательно понял, что мы замерзли, а особенно замерз Денис, спавший на полу. На утро, он стал извиняться за то, что был не вполне трезв и может быть доставил какое-то неудобство, т.к. ничего не помнит: ни как добрался, ни как очутился дома. Мы же, со своей стороны, сказали ему, что не то чтобы он какие-то неудобства

нам причинил, а наоборот спас нас от замерзания. Вероятно, у полярников это уже в крови, помогать в первую очередь тем, кто рядом. Иначе, в этих условиях, без взаимовыручки никак нельзя. Сергей нам рассказал, что они с китайцами отмечали международный день моря (17 марта), о котором мы ничего не слышали, и сетовал, что нас не было, а то бы он и нас взял с собой. Воды в домике не было, и я, вместо утреннего умывания, обтер лицо снегом (с изрядной долей песка, нанесенного ураганом с гор). Уже привык к этой процедуре на других станциях. К утру ветер утих, и погода из мерзотнейшей перешла в категорию очень хорошей. Солнечно, на небе ни облачка, ветер умеренный. Антарктида сразу же превратилась в прекрасный и притягательный край.

После обеда мы решили продолжить рекогносцировку, начав с посещения Австралийской сезонной базы Лоу, которая находится примерно в километре к юго-западу от Прогресса, через перевал, и в настоящий момент пустует, до следующей весны. Сезонный персонал базы в феврале был вывезен на большую австралийскую станцию Дэвис. По прямой, расстояние до австралийской базы примерно такое же, как и до китайской станции Зонг Шанг, расположенной, в 900 м к северо-западу от Прогресса. Однако, чтобы добраться до австралийцев надо идти в обход горы и форсировать перевал, так что получается значительно дальше. В целях экономии времени, мы решили идти все-таки по прямой,

взяв горушку в лоб. Так и сделали. Задача эта оказалась не такой уж и трудной, хотя, когда поднялись на гору, то пришлось постоять и отдышаться, да и вид уж очень красивый открылся. Справа между гор залив с айсбергами, слева внизу большое и живописное озеро Нерпа подо льдом, а над озером желтовато- и темно-коричневые горы и распадки. В одном из таких распадков виднелись маленькие круглые домики, издалека похожие на красные мячи – это и была австралийская сезонная станция Лоу. Пока стояли на вершине услышал по радиии, как Леонтьич пытается связаться со станцией. Я взглянул вниз, на залив, и увидел крошечные фигурки, человек 5, копошившихся на льду не далеко от берега. Кроме меня его явно никто не слышал, т.к. они были закрыты от станции горой. Я предложил ему свои услуги в качестве ретранслятора, он спросил, где мы, я ответил, что на горе и видим их. Мы помахали друг другу, и Леонтьич сказал, что он просто хотел узнать обстановку и не слышно ли каких-нибудь новостей о вертолете. Я сообщил ему, что по моим сведениям, вертолет будет только вечером. На том связь и завершили, помахав снова друг другу на прощанье. Чем они там в заливе вот уже второй день занимались, я так и не понял – вроде бы испытывали какой-то акустический зонд, который они там то ли установили под водой стационарно, то ли утопили. Ясной информации, мне так получить и не удалось.

Отдохнув немного, мы начали спуск к базе, которая находилась за второй, более низкой грядой. По дороге, как всегда собирали камни и изучали породы и ветровое воздействие на них. Когда подошли к базе Лоу, первое впечатление: чистота и аккуратность. Сама база очень маленькая и компактная. Состоит из одного домика, типа нашего балка и пяти более мелких сферических красных пластиковых домиков на растяжках. В домике-балке находится столовая, она же кают-компания. Здесь же рация, бортовой журнал, он же журнал посещений, книги и т.д. В двух сферических домиках они спят, а в других устроены лаборатории и что-то вроде склада. Вокруг же абсолютно никакого мусора. Все домики на базе были, не заперты и нам удалось все подробно осмотреть. Когда мы вошли в кают-компанию, впечатление было такое, что хозяева просто куда-то отлучились ненадолго. На полках какие-то крупы, припасы. На плите чайник, рядом канистра с питьевой водой, к сожалению, замерзшей. У окна висит вполне современная коротковолновая морская рация из тех, что используются на яхтах и небольших морских судах. Под рацией морские аккумуляторы. На столе «Log book» – вахтенный журнал, он же журнал посещений, который мы не без интереса полистали. Записи велись до самого последнего дня. На станции жило три человека: механик, инженер и метеоролог. Улетели на станцию Дэвис они 3 февраля, а до этого пару дней ждали вертолета, который не мог прилететь из-за погоды. Последняя запись примерно такого

содержания: «Станция законсервирована, мы уже занесли в домик наш зеленый почтовый ящик, ждем вертолета, который отвезет нас на станцию Дэвис» и три подписи внизу. Я потом посмотрел в предбаннике и действительно там стоял на длинной ножке металлический, выкрашенный в зеленый цвет почтовый ящик, из тех, которые обычно стоят в Австралии и Новой Зеландии перед каждым домом. Вероятно, с этим связана какая-то история, которую мы, наверное, никогда не узнаем. А может быть, без почтового ящика перед домом, австралийцы просто не представляют своей жизни?

Рядом с плитой стояла начатая банка кофе и бутылочка с не замерзшей пресной водой, что указывало на то, что кто-то здесь недавно был. Бутылочка была точно такая же, в которую я, за день до этого, наливал воду китайцам из озера Прогресс. Мы решили, что перед нами станцию посетили наши знакомые китайцы. Однако, при встрече на «Федорове», наш китаец отперся и сказал, что они туда не заходили. Ну что ж, возможно это были другие китайцы, кто их разберет, но бутылка была их, китайская.

Увидев все это великолепии и почитав записи в журналах (один новый, другой старый, предыдущий, который закончился за пару лет до этого). Мы тоже решили оставить свою запись, но перед этим попить на станции горячего кофе. Само кофе, вода и сахар здесь были, а вот спичек мы не нашли.

К счастью, у меня в кармане завалилась зажигалка, и наша идея стала постепенно претворяться в реальность. Я вышел на улицу, разыскал газовые баллоны, отвернул вентиль и, о чудо, оказалось, что баллоны под давлением. После нескольких попыток, нам все-таки удалось включить плиту и вскипятить воду для кофе. Налив всем кофе, я принялся писать австралийцем наше послание на английском языке. До нас тут тоже было много народу: австралийцы, американцы, китайцы, шведы и много других. Насколько я знаю, наши сюда тоже частенько заходят, но ничего, обычно, не пишут. Среди множества посланий я нашел только одно, оставленное российским ученым на вполне приемлемом английском языке. Наше послание получилось примерно на половину страницы, где я вкратце описал наши приключения, сообщил, что мы попили у них кофе, и поблагодарил за гостеприимство. Внизу послания все расписались. После этого мы все убрали, перекрыли везде газ, закрутили вентили у газовых баллонов и ушли со станции, предварительно все задокументировав на фото и видео камеры.

Обратно возвращались другой дорогой, проложенной ГТТ. Дойдя до берега, решили пройти вдоль него, чтобы полюбоваться нагромождением айсбергов, а также тюленями, отдыхавшими на льду близко от берега. К одному такому лежбищу, на котором отдыхало с десятков зверей, мы подошли почти вплотную. Пока мы их снимали, звери на нас не

реагировали, лишь самый ближний тюлень (а может тюлениха) повернулся на спину и с интересом разглядывал нас, не поднимая своей потешной усатой головы. Взгляд у тюленя, при этом, был вполне осмысленный.

Завершив братание с тюленями, мы начали двигаться дальше, однако наше продвижение становилось все более и более затруднительным. С одной стороны, нас поджимал залив, а с другой – отвесные скалы. В конце концов, дорогу нам перекрыл огромный айсберг, который выбросило на берег, и он уперся в скалу, так, что ни со стороны залива, ни со стороны горы обойти нам его не представлялось возможности. Прямо вверх от айсберга, по скале отходила вертикальная расщелина высотой, примерно, метров восемьдесят. Рома предложил подняться по ней. Мне эта затея не очень понравилась, т.к. выглядела, с моей точки зрения, довольно трудным предприятием, учитывая еще и то, что мои руки были заняты тяжелыми образцами. Мое альтернативное предложение сводилось к тому, чтобы вернуться по берегу назад, а потом пройти через перевал к станции. Однако Рому поддержал Денис, и мы начали штурм расщелины. Далось мне это не легко. Подъем был очень крутым, а мне мешался здоровый каменюга в руке, с которым не хотелось расставаться. Породы в карманах комбинезона тянули вниз, под ногами скользил песок и пару раз из-под ног выскакивали камни. Вдобавок ко всему, нужно было успевать уво-

рачиваться от камней, выскользавших из-под ног Дениса и Романа. Кое-как, и проклиная себя, что поддался на эту аферу, я все-таки добрался до верха, где меня уже ждали ребята. Отдышавшись двинулись дальше. Наверху очередного холма натолкнулись на могилу полярника, в честь которого названа единственная улица на станции Прогресс. Подробности его гибели мне пока не известны – надо будет спросить у Виктора Вендеровича, при случае. Несмотря на все перипетии, к обеду мы оказались на станции. (В отличие от судового расписания, на станциях обед начинается в 13 часов, чая нет, ужин в 19, а завтрак в 8:00.) Во время обеда мы окончательно выяснили, что вертолет будет работать до конца на перевозках грузов, а за нами придет в самую последнюю очередь, примерно в 7 часов вечера. Таким образом у нас снова образовалось свободное время.

После обеда мы решили сходить к китайской станции и сообщили об этом Инне, которая проинформировала Леонтьича, нашего прямого начальника. Леонтьич решил, что мы собрались в гости к китайцам, вызвал меня по рации и сказал, чтобы мы на саму станцию не ходили. Я его уверил, что без приглашения не имею привычки ходить в гости. Со стороны гор мы уже к станции подходили, поэтому на этот раз решили обойти ее вдоль залива, заодно и посмотреть, как работает вертолет на ГСМ (база горюче-смазочных материалов). Оказалось, что китайская станция располагается прак-

тически на берегу, так что, не привлекая внимания, обойти нам ее с этой стороны вряд ли удастся. Поэтому, мы удовольствовались лишь лицезрением ее со стороны моря и пошли в гору, посмотреть сверху на ГСМ. Засняв работу вертолета и полярников внизу, мы разбрелись по горе. Я продолжал собирать интересные образцы горных пород. Рома тем же самым занимался в стороне, а Денис просто прогуливался и обозревал окрестности, приседая время от времени на камни. На самом верху мы обнаружили небольшую, около десятка голов, колонию пингвинов Адели. Ребята их слегка погоняли, пытаясь подойти как можно ближе, чтобы сфотографироваться с ними. Адельки были облезлыми и жалкими (сейчас у них идет линька, перед зимовкой), и я попросил ребят перестать их пугать.

Тут и время подошло возвращаться на станцию. Перед отлетом мы успели сделать еще одно важное дело – отштемпелевать конверты фирменными штемпелями станции Прогресс, базы «Союз» и санным походом «Мирный» и личными печатями начальника станции Сергея Борзенкова –и Андрея Попова, который идет начальником на «Мирный». В настоящее время Мирный самая крупная из наших станций (можно сказать флагман) и, следовательно, Андрей является начальником всех российских зимовок.

После объявления, мы прождали вертолет еще около по-

лучаса, и когда уже реально начало темнеть, он все-таки, прилетел за нами. Прощание было трогательным. Кое кто из полярников тайком смахивал слезу. На прощание мы обнялись с тезкой Сергеем Борзенковым. Я сказал: «Надеюсь, когда-нибудь еще свидимся в этой жизни», на что он мне ответил: «Я бы этого хотел». Хочется верить, что это не просто слова, Сергей мне понравился.

На борту нас встречали как героев-папанинцев. Чуть ли не половина сезона нам, а особенно женщинам, очень сочувствовали. А чего сочувствовать? Для нас это было просто большим приключением. К сожалению, не обошлось без потерь. При выгрузке из вертолета, раскололи днище нашего полиэтиленового 40 л бидона с озерной водой, с таким трудом отобранной на озере Прогресс. Денис быстро отреагировал и поставил его кверху дном, но несколько доброхотов из самых лучших побуждений тут же переворачивали его обратно. В результате до лаборатории мы донесли примерно четверть от того, что было отобрано. На этом наши приключения на станции «Прогресс» закончились.

43. Отбор проб льда и воды на озере Степпед

44. На фоне китайской станции Зонг Шанг

45. Флаги на станции Прогресс

46. Выход скальной породы, отпрепарированной ветром

47. Скала причудливой формы – результат ветровой эрозии

48. Холмы Ларсена на фоне залива Прюдс.

49. Поморник – местный хулиган и гроза пингвинов Адели

50. Снегоход Буран на котором возили баки с озера

51. Кадбище айсбергов в заливе Прюдс

52. Тюлени Уэдделла на припае

53. Работа вертолѣта – разгрузка ГСМ

54. Отбор проб на озере Прогресс в пургу

55. Сферический домик на сезонной австралийской станции

56. Группа пингвинов Адели прячется в скалах недалеко от китайской станции

57. Выход древних горных пород

58. Антарктический аквамарин

9. Приём на борт сезонников со станции Дружная

19 Марта 2003 г., Среда. (69°28,64'S, 74°33,18'E). С

утра погода была облачная, но вскоре стала солнечной и просто великолепной. С ночи шли на станцию «Дружная». Это наша сезонная станция, на которой работают питерские геологи из ПМГРЭ (Полярная морская геологоразведочная экспедиция). Нам нужно будет их забрать вместе с их маленьким самолетом. Сначала мы шли мелко колотым льдом, а иногда даже тертым льдом (это такой термин для льда растертого в результате штормов до состояния мелких кусочков). Вокруг, как всегда, нас окружали айсберги. По льду и мелким айсбергам от нас удирали врассыпную стайки пингвинов. В основном, это были аделики, но попадались и семьи императоров. Часто встречали тюленей. Те тоже улепетывали во всю силу лап к своим лункам, куда с облегчением ныряли. Постепенно кусочки льда стали увеличиваться в размерах, превращаясь в кусищи и наконец перешли в сплошной припайный лед толщиной 1-1.5 м и даже больше. Сейчас «Федоров» бьется в этих льдах как рыба об лед беря их с наскока, т.е. отъезжая и вновь наезжая. Наша задача найти надежную и удобную площадку льда, на которую самолёт

мог бы спокойно сесть, а мы забрать его на борт с помощью крана. На борту его разберут и засунут в трюм.

15.00. Похоже, встали. Вероятно, нашли подходящее ледяное поле. Команда начала крепить судно. Это делается так. Вокруг судна во льду выбуриваются лунки в которые вставляются мощные штыри, а на штыри накидываются швартовые канаты. Когда люди начали работать на льду к ним почти сразу присоединилось любопытствующее местное население – пингвины. Со стороны это выглядело очень смешно. Находящиеся на некотором удалении от судна два пингвина Адели со всех ног бросились смотреть, чем занимаются люди, при этом страшно торопились. Один бежал на ногах, а второй время от времени падал на пузо и быстро скользил, помогая себе крыльями. Подойдя или подъехав буквально на два-три метра к матросам пингвины остановились и начали с видимым любопытством наблюдать за работой команды. Минут через пять-десять, одному из них это занятие явно надоело, и он пошел в сторону, приглашая с собой второго, однако второй продолжал наблюдать за работой. Первый пингвин, пройдя метров 10-15 обернулся, увидел, что второй даже и не думает следовать за ним, тоже остановился и стал наблюдать за работой издалека. Стояли так еще минут десять, пока моряки не закончили свою деятельность и не пошли обустривать следующую точку. Только после этого пингвины развернулись и заспешили по каким-то своим де-

лам.

Вечером, где-то около 6 часов вечера нас задействовали на бросание планктонной сети Джели за борт. В это время императорские пингвины (более 20-30 индивидуумов) затеяли настоящий спектакль. Они плавали и ныряли в полынье за кормой, гонялись за черпаком и сеткой, которые мы спускали. Под водой пингвины сплошное совершенство и похожи на темные торпеды с желтыми полосами по бокам. Когда же они плывут над водой, держа голову на поверхности, то напоминают ихтиозавров или плезиозавров. Другие пингвины, в это время, ходили по льду и переговаривались друг с другом, время от времени тоже ныряя в воду. Пока все стадо плавало, два императорских пингвина стояли на льду в сторонке. А еще дальше в стороне стоял одинокий аделька, которому, как мне показалось, хотелось пообщаться с большими братьями императорскими пингвинами. Он стал потихоньку приближаться, потом подобрался поближе, о чем-то с ними поговорил, и они все вместе пошли плавать. Видимо большие императоры к маленьким аделькам не испытывают каких-либо нехороших чувств. Отдельно стоит упомянуть о том, как пингвины возвращаются на льдину из воды, это тоже целое представление. Задумав выбраться обратно на льдину, которая может возвышаться над водой на 1-1,5 метра, пингвин разгоняется под водой и на огромной скорости вылетает перед льдиной вертикально из воды, как проб-

ка из бутылки шампанского и приземляется, как ни в чём не бывало, на лапы или на пузо. Зрелище потрясающее, сродни эквилибристике.

Во время отбора планктонных проб сетью и наблюдения за резвящимися пингвинами все замёрзли как черти, -11°C сказываются, поэтому после этого мероприятия, как раз перед ужином, Инна пригласила нас всех к себе в каюту для согревания изнутри. Беспокоится начальство о нашем здоровье!

Ближе к вечеру, часов эдак, в 6, колония пингинов потянулась вдоль нашего борта и расположилась метрах в 40-50 прямо по курсу, немного левее, вытянувшись как бы цепью вправо. Примерно в 21:30 я зашел в лабораторию записать наши координаты и метеоданные, а затем вышел на палубу посмотреть, что твориться за бортом. Вижу, пингвинчики наши так и стоят родимые столбиками под ветром слева от носа судна, белыми, точнее светло-желтыми животами в нашу сторону. Наши на них прожектор направили с «Федорова», а пингвинам хоть бы что – стоят как часовые и охраняют пароход. Почему их так к нам тянет?

20 Марта 2003 г., Четверг. ($69^{\circ}37,24'S$, $74^{\circ}13,16'E$).
Погода пасмурная, холодно -8°C , ветер 112° , 9 м/сек. Небо,

окружающие нас льды и ледяной купол вдали – все одинакового серого цвета. Прodelанный нами вчера проход в припае начал затягиваться молодым льдом и только у самой кормы осталась маленькая полынья с черной водой. Вдали за кормой, айсберги, похоже, перекрыли нам обратную дорогу, так что возможно, выбираться нам придется не по проторенной дорожке, а пробивать новую. Пингвины, всю ночь охранявшие наш покой, куда-то подевались, а без них скучно. Все-таки удивительно, как быстро в Антарктике меняется погода! Еще вчера ясно и ни одного облачка на небе весь день, а сегодня с утра уже ни одного просвета.

Утром объявили санитарный день для команды, значит, завтра будет наш: смена постельного белья и сауна. А сейчас мы пока сидим и гадаем, выпустят нас работать на припайный лед или нет? Если да, то когда, а если нет, то почему? Хотя на последний вопрос мы никогда ответа не получаем. По имеющейся информации стоять мы здесь будем несколько дней, до 24 марта.

Только что пришел Новигатский из нашей гидрологической лаборатории и сказал, что в 12:30 мы должны быть готовы к работе на припайном льду и стоять у крана, который нас в сетке переправит за борт, на лед. После обеда, в назначенное время, мы были на баке у крана со всем нашим оборудованием. Наша группа была представлена Сашей Нови-

гатским, Сашей Плишкиным, Денисом и мной. Кроме того, Петя Богородский решил тоже выйти на лед со своими напарниками: Андреем и Александром Куцурубой. Предводителем у нас был Кузнецов Василий Леонтьич, который отвечал за нашу безопасность, а именно, чтобы никто не провалился в какую-нибудь трещину или лунку, оставленную тюленем во льду. Высадили нас, как это всегда делается на припае, краном в сетке с левого борта. С правого борта готовились к приему самолета. Леонтьич сказал, чтобы мы шли за ним след в след, т.к. он самый тяжелый. В руках у него был специальный длинный щуп, а через плечо перекинута веревка – выглядел он очень впечатляюще. Петя со своими бойцами стал бурить недалеко от борта, а мы отошли против ветра, подальше от судна, для обеспечения чистоты отбираемых проб. В целях экономии времени разделились на две группы. Мы с Новигатским сразу же приступили к бурению льда, а Денис с Плишкиным стали отбирать снег. Как только начали бурить, к нам со всех ног кинулись три императорских пингвина посмотреть, а что это люди опять здесь затеяли. Подошли к нам буквально на метр или полтора и встали, переговариваясь друг с другом, почесываясь и, иногда, громко что-то выкрикивая. Все сразу побросали свою работу и начали фотографировать пингвинов и сами фотографироваться с пингвинами. Это продолжалось несколько раз и в конце концов Леонтьич, который сам активно фотографировал, сказал: «Ну не дают пингвины работать!». Пингвины же по-

наблюдав за нашей работой и дав нам возможность вволю их пофотографировать, отошли в сторону, а мы занялись своими делами. Объем работы был довольно большим, а времени нам выделили не так много, всего два часа. Пока мы работали, к правому борту прилетел самолет с Дружной, и команда приступила к процессу принятия его на борт с помощью крана.

На наше счастье, Петя со своей командой закончили свою работу довольно быстро, и ребята стали помогать нам. Бурить морской лед оказалось гораздо легче, чем пресный озерный. Морской лед гораздо мягче, пропитан рассолом и пористый. Однако он гораздо толще. Общая глубина лунки составила 2 м и из них верхние 50 см – снег и фирн. Отобрать этот лед нужно не сплошняком, а отдельно кровлю, середину, и нижнюю, желтоватую часть, с фитопланктоном, который и придает льду эту желтизну. Пока Новигатский делил керны, а я отбирал пробу воды, остальные бурили по очереди. Даже Леонтьич принял активное участие в этом процессе, решил, наверное, погреться. К трем часам, мы выполнили нашу программу и тем же краном в сетке были доставлены обратно на «Фёдоров». Как всегда, Инна нас встретила, и пригласила в свою каюту, где нас уже ждал наш полдник и разведенный по особому рецепту с лимонными корочками спирт. В этот же вечер после ужина нас ожидало еще одно событие – Оля праздновала день рождения своего сына.

Нам с ребятами не очень хотелось участвовать в мероприятии, всё-таки чувствовалась усталость после работы на льду, но это была бы очередная обида и мы пошли, хотя я тихо в десять часов смылся оттуда и лег спать – день выдался хоть и интересный, но тяжелый.

21 Марта 2003 г., Пятница. (69°37,24'S, 74°13,17'E).

10:00. Погода ясная, солнечная, сильно похолодало – 22°C, ветер западный 260°, 5 м/сек, P = 978 НРА. Продолжаем стоять в припае. Вода за кормой полностью замерзла, вечерашняя полынья тоже затянулась молодым льдом. Выскочил на палубу и с левого борта недалеко от кормы увидел два комочка на снегу. Подошел поближе – два императора лежат на пузе. Через некоторое время лежать им видимо надоело, (а может просто замерзли?), и они задрав головы стали прогуливаться с важным видом рядом с кормой. Как в своё время выразился английский мореплаватель сэр Джон Нарборо: «Можно подумать, что маршируют ребята в белых передниках». Что же их к нам так тянет? Наши кухонные объедки они не едят, в отличие от поморников, которые тоже крутятся вокруг и с которыми все более-менее ясно. Кстати, насчет мусора. Как не предупреждают по радио, что мы находимся в особой охраняемой международным правом антарктической зоне, где выброс любого мусора за борт запрещен, вокруг судна постепенно образуется помойка: масса окурков, пакеты, банки из-под пива и соков, картонные коробки и т.д.,

и т.п. – форменное свинство. После написания этой фразы, вспомнил, что сегодня моя очередь убираться в каюте. Поэтому, чтобы самому не попасть в категорию поросят, после обеда произвел уборку нашего дома на высшем уровне.

Сегодня санитарный день – смена белья и сауна для РАЭ. Заходила Инна, сказала, что договорилась с капитаном, и нас, может быть, опять выпустят на лед. Надо использовать вероятно последнюю возможность отобрать пробы морского льда и снега у берегов Антарктиды. Говорят, что на Мирном припай давно оторвался и ушел. Однако, с выходом на лед есть проблема. Во-первых, пока нет свободной посуды для отбора проб. Отобранные вчера пробы еще не растаяли. Во-вторых, за бортом очень низкая температура, с утра доходила до -23°C .

Только что сообщили о начале войны в Ираке, что нас, конечно же, не порадовало. За чаем, по спикеру объявили очередную ошеломляющую новость: в связи с ухудшением состояния здоровья, взятого нами со станции Прогресс врача, мы свертываем все работы и идем в Кейптаун для сдачи его в госпиталь. По некоторым сведениям парень уже совсем плохой, печень практически разрушена, боли он уже не ощущает, и даже непонятно, довезем мы его живым до Кейптауна или нет.

После чая мы все собрались в лаборатории для отбития атаки геологов ПМГРЭ со станции Дружная, претендующих на одно из наших помещений, где мы растапливаем лёд и снег, а также храним наши большие баки и бидоны. В свете же последних новостей, еще более важным было обсудить, вопрос что делать и как дальше жить? Единогласно приняли решение, если будет такая возможность, вылететь из Кейптауна домой. Программу мы свою, в основном, выполнили, озер и припайного льда на ст. Мирный нет. Хотелось бы, конечно, отобрать снег с купола, сделать давно обещанный гидрологический разрез, а мне с ребятами Мирный посетить, но это грозит дополнительной задержкой в два-три месяца, что никому из нас не надо. Саша Новигатский вообще истрадался без своей девочки, Денис боится, что его выгонят с работы – отпрашивался-то он на 2 месяца, у меня ремонт новой квартиры и другие дела, а кроме того, хочется скорее начать в Институте разрабатывать новую тему прикладных геохимических исследований, ну а Инне просто все осточертело и хочется скорее в отпуск, в Египет. Единственный человек, который не хочет до срока возвращаться, это Саша Плишкин, у которого Инна спросила об этом при встрече.

Геологи так и не появились, и я вышел из лаборатории на палубу и подошел к левому борту. Картина, которую я увидел, была впечатляющей и трогательной. Со стороны моря, почти из-за горизонта тянулась длинная цепочка император-

ских пингвинов. Один за другим они скользили в кильватерном строю в направлении «Федорова». Эта живая цепочка извивалась, следуя, вероятно, изгибам рельефа припайного льда, но совершенно явно была нацелена на наше судно. Я тут же сгонял вниз за видеокамерой и продолжил наблюдения уже с камерой в руках. Пингвины доехали, если можно так сказать, до нашей кормы, встали в вертикальное положение и принялись нас изучать, что-то обсуждая и выкрикивая нам на своем языке. После того, как подошел арьергард, это оказалась колония примерно в 30-40 голов. Кто-то из рашников сказал: «Пришли с нами попрощаться» и это действительно выглядело именно так. Пообсуждав что-то минут 10-15 у нашей кормы, один из них, вероятно вожак, лег на брюхо и направился к носу судна. Остальные пингвины, по одному, попадали на животы и заскользили опять цепочкой вслед за вожаком. Только двое, по виду, любовная парочка, остались еще минут на пять, продолжая ворковать, и разговаривать друг с другом. Затем и они легли на животы и заскользили к носу «Федорова». Здесь императоры пробыли не очень долго и вскоре взяли курс в сторону берега, все в том же кильватерном строю.

20:00. Только что по спикеру объявили: «В связи с переходом через океан, всё в каютах и лабораториях должно быть закреплено по штормовому». 20:30. Еще одна объява: «Команде РАЭ выйти на вертолетную палубу для снятия лопа-

стей с вертолета». Это значит всё, действительно уходим, вот только куда?

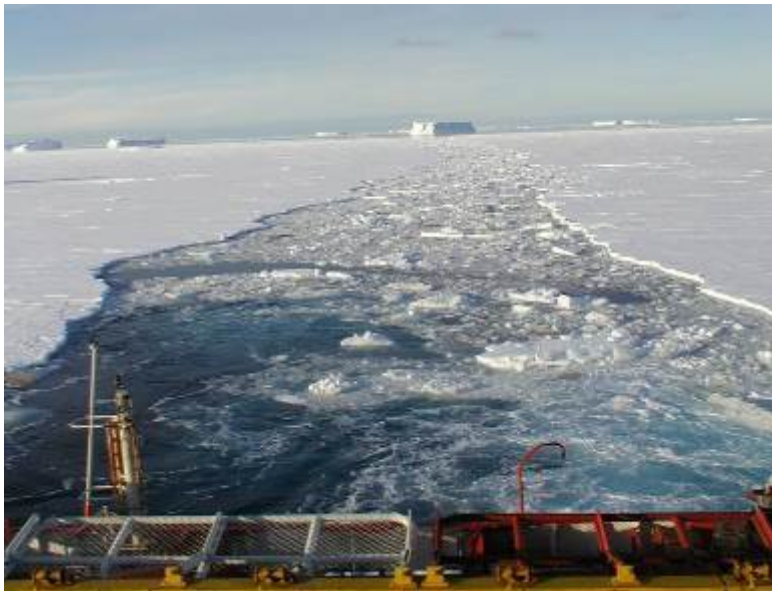
59. Мелко колотый и тёртый лёд на подходе к Дружной

60. Лёд консолидируется

61. НЭС «Академик Фёдоров» пробивает проход в сплошном ледяном поле

62. Кильватерный след в ледяном поле

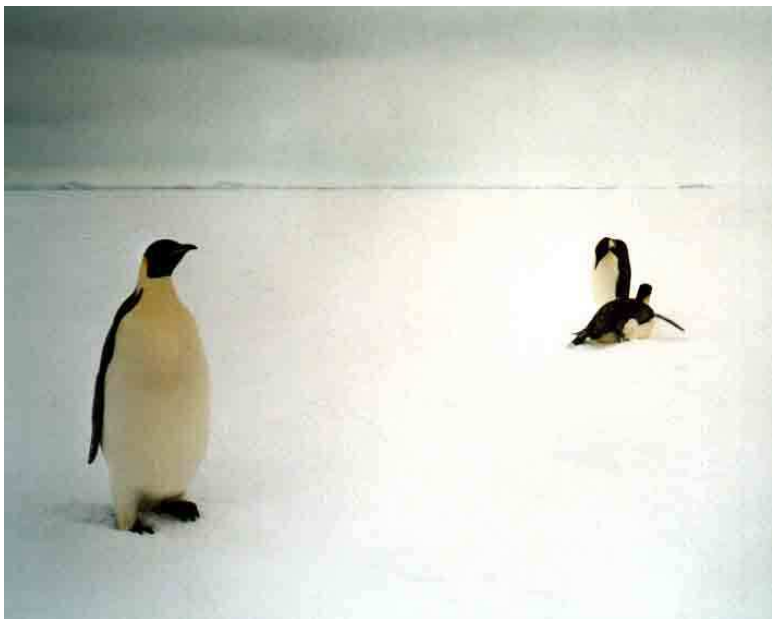
63. Пингвины на льдине. Слева два императорских пингвина, справа стайка пингвинов Адели

64. Высадка судовым краном на лёд

65. Императорские пингвины пришли к нам на экскурсию

66. А чем это, интересно, люди занимаются?

67. Грех не сфотографироваться рядом с удивительными аборигенами Антарктиды

68. Погрузка самолёта, прилетевшего со станции Дружная

10.Идём на Мирный?

22 Марта 2003 г., Суббота. (69°37,24'S, 74°13,17'E).

8:15. Начали движение из припая в море вперед кормой. Температура воздуха -27°C , ветер 245°C , 4 м/сек. Во время стоянки в припае в течение почти 3х суток, проделанный нами канал замерз и образовался новый лед толщиной около 20 см. Все время, пока шли к морю сквозь свой канал, который оказался не таким уж и длинным, всего 500-800 м, нас сопровождало по правому борту, чуть впереди кормы, около десятка императорских пингвинов. Пока двигались вперед чуть не задавили двух аделей, которые решили, зачем-то пересечь наш путь, но в самый последний момент все-таки спохватились и успели выскочить из-под кормы, после чего все мы, кто эту картину наблюдал, вздохнули с облегчением. Маленькие аделики такие симпатяги, не хотелось бы иметь на душе грех их убийства, да еще в самый последний день нашего присутствия вблизи Антарктиды. Адели и императорские пингвины проводили нас до самого конца припая и помахали вслед крылышками. Там же на краю припая, но на удалении от нас, находилась еще пара колоний этих удивительных во всех отношениях созданий, близко познакомившись с которыми, начинаешь по-другому смотреть на окру-

жающий нас животный мир.

Около 9 часов утра вышли в открытую воду, развернулись и взяли курс на СЗ. Идем по «склянке», так называется прозрачный, гладкий и тонкий новообразовавшийся лед, который даже еще и не ломается, а лишь гнется на волне, исходящей от форштевня. Температура воздуха постепенно повышается. В 10:15 было уже около -17°C .

20:30. $67^{\circ}22,30'$ ю.ш., $72^{\circ}48,90'$ в.д. Судно 330° , 14,9 узлов, $T_{\text{воздуха}} = -4.3^{\circ}\text{C}$, Ветер, 106° , 8 м/сек., облачно, слабый снег, небольшая зыбь. Отошли от Антарктиды чуть более чем на 100 миль, а как потеплело! «Вышли из холодильника», как метко сказал кто-то на палубе.

23 Марта 2003 г., Воскресенье, 10:50 ($65^{\circ}44,49'\text{S}$, $65^{\circ}35,46'\text{E}$). Судно 280° , скорость 14 узлов. Ветер 200° , скорость 15 м/сек, $T_{\text{воздуха}} = -4,2^{\circ}\text{C}$, $T_{\text{воды}} = -0,8^{\circ}\text{C}$. Р = 985 НРА. Снаружи пасмурно, но осадков нет и не холодно. Утром был довольно сильный ветер, штормило и качало, после обеда море несколько успокоилось, качает меньше. До сих пор нас преследуют айсберги. С палубы по обоим бортам всегда можно увидеть на расстоянии 1-2 миль или на горизонте парочку айсбергов. Здесь они уже подверглись волновой и ветровой эрозии, и некоторые из айсбергов имеют

весьма причудливые формы. Сегодня, например, по правому борту проплыл «старинный корабль с парусом».

После чая, по просьбе Инны, устроили съемки в ее химической лаборатории с показом судового аналитического оборудования и рассказом что на нем можно делать и что она с его помощью делает в рейсе. Сегодня ночью, Саша Куцуруба впервые в этом рейсе видел южное полярное сияние. Говорит было белого цвета и двигалось по небу. Всплыло в памяти, как мы наблюдали с коллегой по лаборатории Славой Лукашиным южное полярное сияние в Тихом океане, в далёком 1983 г., в 30 рейсе НИС «Дмитрий Менделеев», когда проплывали в антарктических широтах. Тогда оно было зеленого цвета в виде двух или трёх полос на половину неба. Зрелище это мне запомнилось, ведь я увидел тогда полярное сияние впервые в жизни, да ещё и в Южном океане, и с Южным крестом в зените.

24 Марта 2003 г., Понедельник, 10:00 (65°04,54'S, 58°50'E). Судно 98°, скорость 14.3 узлов. Ветер 187°, 7,5 м/сек, T воздуха = -6,32°C, T воды = -0,5°C. P=987 НРА. Ясно.

82

Проснувшись утром, первым делом подошел к иллюминатору. Погода за бортом была классная, ясно, почти не качает,

но что-то насторожило – ага, положение солнца не то! Солнце располагалось почти прямо по курсу и чуть влево. Так не должно быть, если бы мы шли в Кейптаун. Проверил по компасу и действительно курс ВЮВ! Все ясно, врач с Прогресса умер, и мы повернули на Мирный, для продолжения выполнения задач экспедиции. За завтраком наши подозрения подтвердились. Инна сообщила, что наш пациент умер в 3 часа утра и судно сразу же поменяло курс с Кейптауна на Мирный. До этого он находился несколько дней в коме. Таким образом, досрочное возвращение домой отменяется.

14:20. Только что, сработала пожарная тревога в помещении носового подруливающего устройства. Судя по сообщениям судовой трансляции, тревога была не учебная, а настоящая. По судовому расписанию, в таких случаях, мы все должны находиться на своих местах одетыми по погоде и ждать дальнейших распоряжений, а палубная команда должна произвести разведку и погасить пожар. Через пять-семь минут дали отбой. Оказалось, что там пробило паропровод, и сработала автоматическая сигнализация.

25 Марта 2003 г., Вторник, 9:20 (64°48,30'S, 70°51,0'E). Судно 84°, скорость 14.5 узлов. Ветер 179°, 8,5 м/сек, T воздуха = - 5,2°C, T воды = -0,3°C. P= 983 НРА. Пасмурно, слегка качает, не более 3 баллов. С утра зани-

мался разбором и упаковкой собранных на станциях камней. Предварительно взял у Андрея Попова его радиометр, чтобы замерить радиоактивный фон. Я, конечно, не верю, что мне удалось найти камни с повышенной активностью, но поддался общему ажиотажу и на всякий случай замерил свои камни – лишняя предосторожность никогда не повредит. Результат, как я и предполагал, фоновый. Интересно, кто запустил эту пулю о наличии повышенного радиоактивного фона в антарктических породах? Думаю, когда-то был единственный случай, а затем, как это водится, слухи расползлись среди полярников. Вообще, повышенный радиоактивный фон, в принципе не редкость в породах гранитного ряда, которыми, в основном и сложена Антарктида. Ведь урановые месторождения, как правило, именно в кислых породах и встречаются. Вспомнил свою работу в молодости, связанную с поисками урановых месторождений в Казахстане и в Забайкалье; там тоже были кислые породы гранитного ряда.

Пока паковал камни, рядом крутился Володя Матюшенко – оптик из Архангельска; задавал всякие вопросы. Затем подошел Николай, посмотреть мои камни и сказал, что камни красивые, но недолговечные. Такой же выветрелый гранит, привезенный из прошлых экспедиций, стоял у него дома, а через 1.5-2 года рассыпался без видимых причин. Я вспомнил, что о короткой жизни на столе антарктических камней меня ранее предупреждал и Леонтыч. Может быть, чтобы

предохранить камни от разрушения и придания им долговечности, их стоит покрыть каким-то бесцветным лаком или эпоксидной смолой?

Вечером заходила Инна, а затем пришла приболевшая, и скучающая её подруга Ольга Воскобойникова, обидевшаяся на нас за то, что никто ее не навестил, пока она себя плохо чувствовала (вероятно, простудилась). Мы обязали Дениса, который, по словам Ольги, напоминает ей ее сыны, отправится навестить бедную женщину. Инна рассказала, что по ее сведениям мы уже завтра к вечеру должны будем подойти к Мирному. Также, она попросила меня поговорить с Андреем Поповым и выяснить подробности о некоей международной программе Айс (?), о которой он ей вчера рассказал и в которой, якобы, можно поучаствовать. Через полчаса, после того как дамы ушли Денис, наигравшись на компьютере, и взяв с собой конфет, в качестве нашего представителя, отправился в женскую каюту. Примерно через час он вернулся, накормленный и напоенный шилом, и с недоеденной половинкой шоколадки в руке. Шоколадку мы с Сашкой доели и решили, что принес он собой в каюту больше, чем унес. Засим, стали смотреть на компьютере, какой-то феминистический фильм с Дженифер Лопез в главной роли – «Хватит» (Enough). Фильм о том, как доведенная до отчаяния мать прошла месячный курс молодого террориста или спецназовца и сознательно замочила в рукопашном бою своего

негодяя мужа. Моим ребятам фильм очень не понравился. Саша даже предложил Денису скорее уничтожить этот мерзкий диск, дабы не дать широкой женской общественности в России ознакомиться с его содержимым.

26 Марта 2003 г., Среда, 10:20 (64°15,24'S, 84°13,09'E).

Судно 93°, скорость 14.5 узлов. Ветер 188°, 5,1 м/сек, Т воздуха = -3,4°C, Т воды = -0,7°C. Р= 978 НРА. Пасмурно, легкая зыбь. С вечера погода утихла, и ночью шли как по озеру – качка полностью отсутствовала. Сейчас волн тоже нет, лишь легкая океанская зыбь. Ребята обленились и на завтрак опять перестали ходить. Саша, тот хотя бы к девяти часам сам встает, а Денис, если его не разбудить, готов спать и до обеда, почти как Рома, который, по моим наблюдениям, вообще может впасть в спячку и спать по 20 часов в день.

После завтрака, поймал в столовой Юру Мизина, он дежурит сегодня, и спросил: сколько живут пингвины? (Вчера у нас в каюте возник спор по этому поводу). Оказывается, в природе, пингвины Адели живут около 10 лет, а императорские пингвина примерно в два раза дольше, т.е. около 20 лет. В неволе, по словам Юры, Адели могут прожить дольше, чем в природе, а вот императоров в неволе, к моему удивлению, содержать до сих пор, никому не удавалось. Бывало, их ловили и помещали в зоопарки, но они тут же умирали. Это

значит, что императорских пингвинов можно увидеть только у них дома, в Антарктиде, и мы относимся к числу тех немногих счастливцев, которым повезло их увидеть живыми и счастливыми, с достоинством расхаживающими по своей снежной империи.

На двери гидрологической лаборатории с утра вывешено расписание нашей высадки. В первый день планируется выход на саму станцию для сбора снега и фирна на куполе к ЮВ от станции, а на третий день мы должны высадиться на о. Хасуэлл, где имеются два или три небольших озера, причем в одном из них, возможно, вода соленая – но это не проверенная информация. Островок этот маленький, по моим измерениям, снятым с карт, 1200 x 900 м, высота у стоящего на вершине триангопункта – 93.1 м. Кроме озер, остров интересен наличием на нем нескольких больших колоний пингвинов Адели и лежбищ тюленей Уэделла. Расположен в 2.5 км на север от ст. Мирный. Сама станция располагается на двух сопках – выходах коренных пород: на сопке Комсомольская, которая ближе к морю и сопке Радио, расположенной к ЮЗ от Комсомольской. По сведениям, полученным мною от Леонтыча, сейчас на станции сильная метель, видимость 50 м. Хотелось бы верить, что мы привезем туда хорошую погоду.

Перед обедом сходил на мостик, чтобы узнать точные ко-

ординаты южного магнитного полюса, который, как известно, мигрирует по одному ему понятному маршруту. В этот момент там находился и капитан, которого я впервые за весь рейс увидел. Координат у них нет, но они подтвердили полученную мною у океанолога Кирюши информацию о том, что ЮМП находится в районе французской станции Дюмон д'Ювиль с координатами $66^{\circ}40'S$ и $140^{\circ}01'E$. Получается, что магнитное склонение на ст. Мирный около 80° , т.е. «магнитный» юг находится почти строго на востоке от нас.

27 Марта 2003 г., Четверг, 10:10 ($66^{\circ}32,50'S$; $92^{\circ}55,14'E$). Судно 100° , скорость – 0. Ветер 100° , 6,7 м/сек, Т воздуха = $-6,3^{\circ}C$, Р= 978 НРА. Пасмурно. С самого раннего утра в иллюминатор светило солнышко. По звуку двигателя и ударам о борт, стало ясно, что «Фёдоров» опять продирается сквозь льды. На завтраке Инна сказала, что мы должны быть готовы, т.к. нас, возможно, отправят на Мирный вторым или третьим бортом. А с первым бортом полетит покойник, которого мы не довели до Кейптауна, врач и еще кто-то из руководства. Хотят провести вскрытие несчастного парня на Мирном, там же его и похоронят. Жена попросила, что бы его не везли в Питер, а похоронили в Антарктиде. Говорят, что парень подсел на «колеса» более пяти лет назад, так что, вероятно, достал своих. А чтобы его пустили в последнюю для него фатальную зимовку, рассказывают,

что жена приходила к руководству ААНИИ и умоляла, чтобы его туда отправили.

Около 10 часов мы встали в дрейфе в молодом блинчатом льду, напротив станции Мирный. На палубе я встретил Леонтьича, который сказал, что сегодня мы вряд ли куда либо полетим. До обеда команда возилась с гробом, а вертолет собрали довольно быстро. Спросил у Леонтьича, читал ли он Каверина «Два капитана» и если да, то где находится крест с выбитой на нем надписью: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Леонтьич, будучи настоящим полярником, и человеком, который интересуется также и историей вопроса, конечно же, читал Каверина. Он поведал мне, что это слова Шеклтона (по другой версии слова английского полярника Роберта Скотта, найденные в его дневнике или одного из британских поэтов, которые процитировал Р. Скотт), и такой крест действительно существует и установлен на американской станции Мак-Мердо, в память обо всех погибших на этом континенте полярниках. Уже будучи в Москве, я наконец-то разобрался с этим вопросом. Как выяснилось, это финальные строки из стихотворения «Улисс» английского романтического поэта викторианской эпохи Альфреда Теннисона, посвящённой Одиссею. В оригинале они звучат так: *“One equal temper of heroic hearts, made weak by time and fate, but strong in will to strive, to seek, to find, and not to yield.”*

("Улисс" Альфред, Лорд Теннисон (1833))¹

Справка. «Российская антарктическая станция Мирный (открыта 15 февраля 1956 г.) расположена на берегу м. Дейвиса на небольшом выступе полуострова Мирный в точке с координатами 66° 33' ю.ш. и 93° 01' в.д. Высота станции над уровнем моря составляет 35 м. Берег в районе станции носит название Берега Правды. Сооружения станции размещены на четырех выходах скальных пород. Берег материка представляет собой снежно-ледяной барьер высотой 15-20 м над уровнем моря. К югу от станции поверхность ледникового покрова повышается и на расстоянии 100 км превышает значения 1,5 км. Десятиметровая изобата проходит на расстоянии 15-20 м от береговой линии. В море вблизи полуострова расположена группа скалистых островов Хассуэл. В районе станции большую часть года имеется припай, ширина которого к концу зимы достигает 30-40 км. Обсерватория Мирный является основной базой российских исследований в Антарктике. Одной из важных функций обсерватории является обеспечение жизнедеятельности станции Восток, осуществляемое в последние годы из Мирного наземным транспортом.»

---

¹ Закал сердец бесстрашных, Ослабленных и временем и роком, Но сильных неослабленною волей. Искать, найти, дерзать, не уступать. «Улисс» Перевод К. Бальмонта (1908)

В строительстве станции Мирный принимал участие заведующий нашей лаборатории академик А.П. Лисицын, участвовавший в 1955-57 гг. в 1-й Комплексной антарктической экспедиции в качестве начальника геологического отряда на борту дизель-электрохода «Обь».

12:30. Только что объявили, что улетающим на ст. Мирный вторым бортом собраться на вертолетной палубе с вещами. Нас, пока еще, не приглашали. В это время наш камбуз в очередной раз «оплодотворил» окружающую среду грудой помоев, на которую слетелась целая стая поморников, затеяв драку. Снял это на видео и фото.

19:10. Наконец-то закончил заносить в таблицу все наши данные по фильтрации с координатами. Теперь можно приступить к освоению GIS программы ARCVIEW и нанести весь наш путь с попутным отбором проб воды на карту.

11.Высадки на станцию Мирный и остров Хасуэлл

29 Марта 2003 г., Суббота, 13:30 (66°32,50'S; 92°55,14'E). Ветер 135°; 7,5 м/сек, T воздуха = - 8,5°C, P = 978 НРА. Пасмурно, высокая облачность. Два часа назад вернулись с острова Хасуэлл, где отобрали пробы из маленького озера, расположенного вблизи вершины острова. Однако все по порядку.

28.03.03. Станция Мирный. С утра установилась располагающая к полетам погода. И хотя нам за завтраком никто ничего не сказал, мы поняли, что полет на станцию состоится по расписанию, и начали готовиться. В 8:30 пришли в лабораторию с вещами, но оказалось, что мы летим не первым бортом, а вторым, так что ждали еще минут 15-20. И вот, наконец, унылые минуты ожидания позади. Мы загрузили все наше оборудование на вертолет и вместе с огромным количеством коровьих (или антилопьих) ног из Южной Африки для обеспечения пропитанием полярников на следующую зимовку полетели в направлении станции. Лететь было не далеко, так что через 10 минут мы были уже на месте. Всего нас вылетело 12 человек – наша группа из 3-х человек

(Саша Новигатский, Денис и я), Петя Богородский со своими, Леонтьич с мрачным гидрологом Валерой и несколько зимовщиков.

Находимся на станции Мирный, примерно с 10 часов. Погода разгулялась, светит солнце, ветер не очень сильный. Отошли метров на 150 от станции и расположились примерно в 20-30 метрах к югу от метеорологической площадки и высоких мачт. Здесь и начали бурить слежавшийся снег. Следов человека и гусениц ГТТ не наблюдается. Ветер тоже дует в правильном направлении – от нас к станции, т.е. это то, что нам надо в плане чистоты отбора проб. Во время инструктажа нас предупредили, чтобы мы не отходили от проторенных дорожек. Дело в том, что станция Мирный фактически располагается на ледниковом куполе, который постоянно движется в сторону океана, обламывается и образует айсберги. В результате этого процесса, на самом ледяном куполе, ближе к барьеру, образуются глубокие трещины, которые как правило занесены снегом и не видны. Станция же Мирный, как раз и располагается в зоне таких трещин, в которые даже тяжелая техника иногда проваливается. Основные строения возведены на двух сопках (выходах скальных пород): на сопке Комсомольская, где располагается геофизический домик и какие-то подсобные помещения, включая, по-видимому, энергетический комплекс, и на сопке Радио, где располагаются столовая с кают-компанией, с офисом на-

чальника станции и другими помещениями, назначение которых я не успел выяснить. Здесь же располагается домик с радиостанцией и общежитие полярников. Если бы станцию построили на самом льду, то она, со временем, вместе со льдом сползла бы в океан или бы ушла под лёд, что уже не раз случилось, как с нашими, так и с зарубежными станциями (как например, с американской станцией Бэрд). Между сопками Комсомольская и Радио на подпорках на уровне груди протянут толстый швартовочный канат, длиной несколько десятков метров. Я сначала не сразу догадался о его предназначении и лишь потом мне объяснили, что канат помогает полярникам в пургу относительно безопасно передвигаться между сопками. Без него легко потеряться во тьме в пургу или ветром снесет в море.

Для нашей безопасности нам дали в проводники Юру Мизина, который и привёл нас к месту бурения, и за которым мы шли, как и положено по инструкции, след в след. Петя Богородский тихо отвалил со своими бойцами в сторону сопки Комсомольская, т.к. пришли они сюда явно не для бурения, поэтому решили не мелькать у нас перед глазами.

Как и ожидалось, верхний слой крупнокристаллического снега бур прошел легко, а когда начался более прочный фирн с прослойками льда, бурить стало труднее. Примерно с 60-70 см пошел уже сплошной пресный лед, плотность которого

не уступала плотности озёрного льда. Пока бурили, с купола в сторону океана дул постоянный, но не очень сильный ветер. Бурили все по очереди, включая Юру Мизина, всегда готового помочь. За пару часов или больше отобрали 5 баков снега, фирна и льда, после чего пошли на обед. Обед был так себе, даже с трудом вспомнил: средней паршивости борщ и макароны по-флотски.

Кают-компания, столовая, офис начальника станции – все это больше и посolidнее, чем на любой другой нашей станции, по крайней мере, из тех, что я видел. Да и не мудрено, все-таки флагманская российская станция на Антарктическом континенте.

После обеда пошли на прогулку, на сопку Комсомольская, расположенную над морем на мысе Мабус. Залезли на топливную ёмкость, господствующую над местностью. Красота вокруг необыкновенная, не устаю ею восхищаться! Кругом нагромождение айсбергов самых разнообразных форм, размеров и всех оттенков от белого к аквамарину через голубой и тёмно-синий. В бинокль в двух пещерах мы углядели лёд тёмно-фиолетово-чернильного цвета – ну точно, как южноафриканский танзанит, просто фантастика! Прямо перед нами, на середине залива, располагался красавец «Фёдоров», ярко-оранжевого цвета с белыми надстройками. От него и к нему с подвешенными под брюхом контейнерами

сновал наш бело-голубой вертолет, похожий на неутомимую пчелу с налипшим на свесившихся задних лапках тяжелым грузом пыльцы. Внизу под нами, метрах в 40 лежал большой и упитанный тюлень. Тюлень не шевелился, и я было подумал, что он мертвый, но вскоре он завозился, задёргал ластами и стал менять позу, вероятно, чтобы не належать пролежней. Повозившись так минуты 2-3, он свернулся калачиком, как большой котёнок и опять надолго затих. Спустившись вниз, за скалой натолкнулся на небольшое семейство линяющих пингвинов, которые в панике бросились от меня наутёк. Однако смогли убежать не все. Один, по-видимому еще совсем молодой и не до конца отлинявший пингвин, сделал несколько безуспешных попыток удрать вверх по скале, но так и остался на месте, поглядывая на меня одним глазом и как бы говоря: «Ну что же, снимай раз пришел. Все равно от тебя не отделаешься». Походив по сопке и насладившись картинами брошенного железа в виде ржавой техники, мятых бочек и другого металлического мусора не всегда даже и понятного происхождения, мы подались назад, в направлении сопки «Радио». Чуть было не забыл рассказать о двух достопримечательностях. Первая, это установленный на вечный прикол вездеход «Пингвин» – первый, который прибыл на станцию и такой же, как установленный на станции Новолазаревская. Вторая достопримечательность – это «тотем», как их называют, т.е. шест с набитыми на нем указателями расстояния до крупных и мелких городов и других, досто-

примечательных с точки зрения полярников, мест. Так вот, в отличие от других станций, тотем на Мирном был не сильно перегружен информацией. Здесь присутствовали как стандартные указатели на Москву, Питер, Кейптаун с километражем, так и не стандартные типа: «Библиотека – 70 м», «Водка – 90 м», «Бабы – 5070 км». Ради интереса, уже в каюте пытался разобраться, каких же именно баб полярники имели в виду? С учётом направления и километража по карте получилось, что бабы те обретаются вроде бы в городе Перте (Западная Австралия). Далековато, однако!

Отдышавшись немного в кают-компании решили пойти осмотреть местность за сопкой Комсомольская. Здесь растянулось уже белое безмолвие на куполе. Там и сям, вплоть до горизонта разбросаны отслужившие свое старое оборудование и техника. Напротив, располагается бухта Мак-Дональд. Навстречу шел Петя Богородский со своими бойцами. Саша Куцклуба подошел к нам и сообщил, что виднеющаяся впереди груда металла, на самом деле разбитый самолет, а слева от него спасательный бот с судна «Профессор Визе». Подошли поближе, всё верно. Самолет лежал с оторванной, вероятно от удара, кабиной – по-видимому это был ЛИ-2. Рядом лежали останки вертолета, неопознанной конструкции, чуть дальше останки гусеничных тягачей, какие-то трубы, гора использованных лысых шин много еще чего. Дошли мы и до бота, действительно, лодка с легендар-

ного научно исследовательского судна «Профессора Визе» – как она сюда попала? Впоследствии я выяснил, что первым рейсом НИС «Профессор Визе» был как раз рейс в Антарктику в 1967 г. Руководил рейсом полярник-папанинец Евгений Константинович Федоров, в честь которого названо наше судно. С тех давних времён бот и находится здесь. На обратном пути я посмотрел на небо и обнаружил огромное галло вокруг солнца. Явление это не такое редкое в Антарктиде, Арктике или в горах, но в нашей средней полосе его не часто увидишь, только при очень низкой температуре. Проявляется это явление в виде светлых концентрических кругов вокруг солнца. Я постарался заснять это на фотоплёнку, но в успехе не уверен. После этого, по своим следам и следам гусениц, мы вернулись в кают-компанию, а оттуда, без особых приключений, вертолет нас доставил на борт судна. С нами возвращались отзимовавшие свое и находившиеся под крепким газом полярники с «Мирного».

Вечером в каюту заглянул Леонтьич и спросил, готовы ли мы лететь завтра на Хасуэлл (первоначально эта высадка была запланирована на 30 марта). Мы прикинули свой ресурс баков и бидонов и сказали, что да, готовы.

29.03.03. Высадка на остров Хасуэлл (2,5 км к северу от мыса, на котором расположена ст. «Мирный»). В 8:30 мы все были на вертолетной палубе и уже через 10 минут лете-

ли в сторону загадочного острова Хасуэлл. Сели мы на самой вершине острова около 9 часов, рядом с триангопунктом. Высадка происходила быстро и при работающих винтах, в режиме «выпрыгивания» из вертолѐта. Вертолетчики сказали, что заберут нас перед обедом, так что в нашем распоряжении было всего около двух с половиной часов. На этот раз в моей группе вместо Новигатского был опять Саша Куцуруба. Инна Новигатского на берег не пустила, т.к. у него на Мирном опять разболелся тройничный нерв.

Подхватив свои баки, бур и другое оборудование начали спуск в сторону предполагаемых озер, которые я заметил ещё с вертолета. Почти сразу же внизу метрах может в 100-150, мы обнаружили крохотное озерко, лед которого походил на застывшую у пивного ларька лужу пива. Длина озерца составляла около 30 м, а ширина около 10 м. Строго говоря, эту лужу и озером-то грех называть. Располагалось озерцо примерно на высоте 35-50 м от уровня моря и было отмечено на крупномасштабной карте в Атласе Антарктики, что указывало на то, что, по крайней мере, в 60 м году это озеро уже существовало и было нанесено на карту топографами. Т.к. они не дали никакого названия этому озерцу (вероятно, слишком маленькое для названия по их представлениям), то я его назвал в своей пикетажке: озеро Привершинное. По цвету льда и уровню обкаканости окружающих скал, я понял, что в формировании водной толщи этого

водоема самое непосредственное участие приняли опасливо выглядывающие кое-где из-за скал пингвины Адели. Однако, выбора у меня не было. Рекогносцировка на местности показала, что более крупное озеро, в нижней части острова, находится далеко, и путь до него достаточно сложен. Т.е. добраться до крупного озера, конечно, можно было, но это потребовало бы уйму времени, которым мы, к сожалению, не располагали. Даже, если бы, нам всё же удалось набрать пробы воды, льда и снега в свои баки, мы не смогли бы дотащить всё это хозяйство вверх по скалам к месту посадки вертолета. Бурить начали в 9:05. Лед поддавался тяжело, как и всякий озерный лед. Верхний 13 см слой льда был белый, сменившийся 10 см слоем зеленого цвета – явные водоросли, – а затем почти до конца цвет льда не менялся, оставаясь светло желтым с чуть зеленоватым оттенком. Нижние 7 см керна были сложены темно-серым льдом с черными хлопьевидными включениями размером до 2-3 см. Общая толщина льда составила 72 см. Когда мы пробурили всю толщу льда и провалились в подледную воду, то сразу поняли, что лучше бы мы этого не делали. Из-под льда хлынула вонючая серовато-бурая жидкость с плавающими хлопьями черного цвета (такие же, как и замороженные в лед). Насчет пингвинов я, по всей видимости, был прав. Первую лунку мы пробурили примерно к десяти часам и к одиннадцати с трудом успели управиться лишь еще с одной, а также отобрать снег и вонючую подледную воду. Глубина озерца от поверхности

до дна в его центральной части оказалась равной 110 см, т.е. под льдом находилось примерно 40 см слой воды. Дно опять было покрыто слоем льда, что мы выяснили при помощи нашего бура, однако определить толщину этого слоя льда без риска сломать бур о подстилающие камни было невозможно. Пока мы работали, Наиль с сотоварищи ходил вокруг по скалам и несколько раз сфотографировал нас за работой. После того, как мы закончили работу они помогли нам оттащить наши тяжелые баки вверх по скалам, куда за нами должен был прилететь вертолет, за что мы были им искренне признательны. Наверху Наиль рассказал нам, что наснимал потрясающую коллекцию дульников (так полярники называют источенные ветром камни причудливой формы). Сад камней – так можно было бы назвать остров Хасуэлл. До прилета вертолета у нас оказалось в запасе минут 20, которые мы использовали для съемок, величественной панорамы, открывающейся с вершины острова и сбора камней, разбросанных тут и там по поверхности горы. Надо сказать, что в разнообразии пород Хасуэлл уступает и Молодежке, и Прогрессу, но по сравнению с самим Мирным петрографический состав пород здесь гораздо интересней. В соответствии с Атласом Антарктики остров Хасуэлл в основном сложен чарнокитами, но встречаются также сланцы и гнейсы.

Примерно в 11:20 за нами прилетел вертолет, и мы благополучно были доставлены на обед. Судя по всему, высадок

в Антарктиде для нас больше не предвидится, а там, кто его знает.

30 Марта 2003 г., Воскресенье, 11:40 (66°31,93'S; 92°55,42'E). Ветер 112°; 2,2 м/сек, Т воздуха = - 6,7°С. Облачно, сквозь облака просвечивает солнце. Весь день спал и читал Артура Кларка, взятого из библиотеки. Ничего не произошло. Как всегда, напряженно работали вертолетчики, перенося груз на станцию. Вечером пришло известие, что санный поход пришел-таки в Мирный. Концовку пути они провели значительно быстрее. Говорят, вечером в Мирном пускали ракеты. Погода весь день была весьма хорошей для Антарктиды этого времени года – не холодно, всего -6-7°С, да и ветра почти нет. Вечер же нас одарил сегодня исключительно красивым закатом.

31 Марта 2003 г., понедельник, в дрейфе у ст. Мирный. 10:05 (66°31,46'S; 92°54,33'E, гл. 511 м). Ветер 100°; 8 м/сек, Т воздуха = - 5,5°С. Пасмурно, туман, небольшой снег. Молодежь совсем распустилась. Ни один, ни другой на завтрак вставать не желают. Жаль. Я думал Саша повлияет на Дениса и поможет избавиться от избытка инфантильности, а оказалось наоборот. Александр Куцуруба конфиденциально сообщил мне, что в лабораторию пришёл Володя Раздольский, который участвует во всех погрузочно-разгру-

зочных работах, и сообщил радостную весть о том, что все работы по обеспечению станции Мирный завершены, осталось только похоронить врача, которого мы переправили в первый же день на станцию для произведения вскрытия. Хоронить его предполагают сегодня, если, конечно, погода позволит вылететь вертолету. Пока стоит туман, хотя солнце и пробивается сквозь облака.

До середины дня было очень пасмурно, со снегом и ветром, хотя и не таким сильным (до 7 м/сек). Вокруг белым-бело, как в сказке; идёт снег. Все пингвины куда-то исчезли, и только несколько поморников продолжало хранить нам верность. В этом их поддерживали наши работники камбуза – постоянно обеспечивая помоями, к которым наши пернатые друзья очень даже не равнодушны.

К 15 часам погода разъяснилась, вышло солнце. На борту появилось много новых людей – полярников с нашей самой суровой станции «Восток», расположенной на куполе почти в центре Антарктиды и являющейся официальным полюсом холода на планете. К стати, именно на станции «Восток» была зафиксирована самая низкая температура на Земле -89,2°С. Прибывшие на борт востоковчане были в разной степени веселья и громко братались на всех палубах, встречая старых друзей, с которыми зимовали на разных антарктических и арктических станциях. Начальник нашей 48РАЭ

Алексеев сказа, что потерпит это безобразия ещё один день (третий по счёту), и начёт принимать административные меры воздействия.

Сегодня ушли в море значительно раньше обычного – сразу после чая. Сколько ещё здесь будем стоять, никто толком не знает. Гидрологического полигона по дороге, говорят, не будет.

Наши ребята пошли разминаться на палубу, на импровизированном турнике, и за этим занятием их отловила Абрамовна, которая, вероятно ничего не слышала о здоровом образе жизни и о пользе физических упражнений для молодого организма. Увидев, что ее молодые бойцы без пользы для общего дела расходуют свою энергию, она тут же велела им отобрать ведром забортной воды, потом добыть несколько проб планктонной сеткой и взять пробу шуги специальной металлической сеткой в форме воздушного змея. На их счастье, черпак ей на глаза не попался. После выполнения всего цикла работ, парни даже на ужин опоздали, чего раньше за ними не наблюдалось.

1 Апреля 2003 г., вторник, лежим в дрейфе у ст. Мирный. Ветер 95°; 19 м/сек, Твоз. = – 8°С. Р= 978 НРА. Пасмурно и ветрено. С утра помогали Петру с его командой чистить овощи, в прошлый раз они помогали нам. После

окончания работы забыл взять свою куртку – пришел через 10 минут куртки уже не было, кто-то ее прихватил.

Неожиданно в каюту заглянул Леонтыч и сославшись на Инну спросил, не хочу ли я полететь на о. Буромского для подготовки места захоронения трех умерших полярников. Я отказался, совсем меня не радует вид могил. С одной стороны, остров Буромского (назван так в честь гидролога, первого погибшего в Антарктике советского учоного-полярника) место, конечно, интересное – это маленький красивый скалистый остров, населённый большой колонией пингвинов Адели, которую я наблюдал с борта в бинокль. Но с другой стороны, остров этот – кладбище полярников, погибших в Антарктиде или привезенных сюда и захороненных здесь в соответствии с их последней волей. Так случилось, например, с известным советским полярником И.А. Маном, который в 1955 году был капитаном дизель-электроход «Обь», флагманом Первой советской Комплексной антарктической экспедиции, завещавшим похоронить себя в Антарктиде.

К счастью меня выручил Дениска, который тут же продрал глаза и со своей верхней койки прохрипел сонным голосом: «Я хочу». Леонтычу же я объяснил, что Инна, наверное, ошиблась, и перепутала меня с Денисом. Леонтыч без видимой охоты согласился на замену, мне он, всё же, доверяет больше. После этого, однако, погода стала на глазах

ухудшаться и, к середине дня, порывы ветра достигали скорости 35 м/сек, а при таком ветре не то что летать, а даже ходить почти невозможно! По спикеру было объявлено, что в связи с сильным ветром выход на открытые палубы запрещается. Судно ушло в открытый океан и до вечера оставалось там. Я же опять, с превеликим удовольствием, сходил в баню, где разговорился с геологом со станции Дружная. Ничего интересного, чего бы я уже не знал, он мне не поведал, но подтвердил мою догадку с покрытием дульников бесцветным лаком в целях их сохранения в условиях московской квартиры и посоветовал после этого их меньше касаться.

21:30. Решил посмотреть, что творится снаружи. Ничего хорошего. Жуткий ветер с пургой: скорость ветра – 33 м/сек, видимость не более 50-60 м. Дрейфуем в открытом море к СВ от Мирного. На палубе, по дороге к лаборатории, намело сугробы. Обычно, когда мы входим во льды, то качка прекращается – льды не дают морю волноваться. Сейчас, однако, качка ощущалась, и на верхних палубах качает довольно сильно. Когда же я вышел на палубу первого уровня (где наша лаборатория), то даже и не сразу понял в чем дело – ледяное поле за бортом как бы дышало, поднимаясь и опускаясь с амплитудой в несколько метров. Ветер раскачал море так сильно, что оно не могло успокоиться и подо льдами. Тут-то я и вспомнил «визжащие шестидесятые» английских моряков.

2 Апреля 2003 г., среда. 9:20, штормуем в 47 милях (85 км) к СВ от ст. Мирный. (66°07,82'S; 94°41,54'E, гл. ~ 300 м). Судно: 67°, 1,6 узлов (0,7 м/сек). Ветер 102°; скорость до 33 м/сек (ураганной силы), Т воздуха = - 4,4°C, Т воды -2,4°C P= 960 НРА. Пасмурно, шторм и снег. Высота волн 4-5 метров.

С утра поговорил с Будрецьким Арнольдом Богдановичем о пропаже своей синей куртки; он обещал разобраться на камбузе. В обед подошел Леонтьич. «У тебя, что ли, куртку сперли? У меня – говорю. Ну теперь в твоей куртке камбуз ходить будет!».

20:30. Погода не меняется, днем давление еще немного упало. После чая по судну пополз устойчивый слух, что нам предстоит вернуться на Новолазаревскую – у кого-то там случился инфаркт или что-то в этом духе. Никакой официальной информации конечно же нет, так что придется ждать, что же будет дальше. В 21:30 по спикеру передали: «Горбунову (это наш главный доктор в экспедиции) срочно подняться в радиорубку». Наверное, опять по поводу Новолазаревской. Ох, не к добру все это!

3 апреля 2003 г., четверг, 9:20, возвращаемся к ст.

Мирный. (66°08,49'S; 94°08,40'E). Судно: 260°, 13 узлов. Ветер 56°; скорость 12 м/сек, T воздуха = - 1,3°C, T воды -2,3°C. Пасмурно, идет снег. Море почти успокоилось. Заметно потеплело. Давление поднялось практически до нормы. Идем сквозь снежуру. Это новый для меня термин, который я услышал только сегодня. Он обозначает снежные разводы, полосы и поля снега на темной морской воде. Это одно из самых начальных состояний ледового покрытия, которое в открытом море мы наблюдаем уже третий или четвертый день. С утра нам сказали, что находиться в районе Мирного будем скорее всего до 10 апреля – не уйдем, пока не скачаем остатки горючего и не похороним трех полярников, которые дожидаются нас на станции. Что касается возвращения за больным на станцию Новолазаревская, пока ничего конкретного не известно.

12:15. Находимся где-то на подходе к Мирному. Пасмурно и туман, видимость не более 100 м. Идем как в молоке. Проходим сквозь сплошной блинчатый лед, который растилается вокруг нас насколько хватает видимости. Вся эта масса серо-белых блинов колыхается как в фантастическом фильме по роману Станислава Лема про Океан Солярис, в какой-то степени, напоминая своим строением поверхность гигантского внесемного мозга. По мере нашего продвижения во льдах картина меняется. «Блины» становятся то меньше,

то больше, меняется и их толщина, в зависимости от которой меняется и цвет блинов. Чем они тоньше, тем их цвет ближе к серо-стальному цвету морской воды. Толстые блины светлее, а иногда и совсем белые.

19:40. Стоим в дрейфе у Мирного. Температура за бортом около 0°C, ветер не более 10 м/сек, но идет снег с туманом, так что работы по переборке грузов не ведутся из-за плохой видимости. Между делом, а точнее, от нечего делать, судовые гидрологи отработали с помощью розетты гидрологическую станцию, а на трос намотали, к радости биологов, какой-то мягкий коралл. Из этого я заключил, что розетку посадили на дно, что очень опасно, т.к. можно прибор и оборвать, а оборудование это не дешёвое и у нас в России не производится.

Утром я закончил читать книгу совершенно нового для меня японского автора Харуки Мураками «Dance, dance, dance...». Книгу эту мне дал Денис и читать я её начал, после того как разобрался с книгой Артура Кларка, с его ранними произведениями, которые в советские времена не публиковались, и которые сейчас читаются все еще с интересом, но уже со снисходительной улыбкой. Книга Мураками мне очень понравилась. Автор, мой ровесником, а это значит я, по крайней мере на 80% понимаю, о чем он говорит, когда вспоминает какие-то события 60-70х гг., или рок звезд того

периода. Это первая часть, а вторая, по словам Дениса, тоже вышла. Кроме того, у нас переведена предыдущая книга этого автора: «Охота на овец». В Москве надо будет все это разыскать. Автор очень неординарный и пишет легко, без выпендрежа.

После Мураками взялся за дневники известного полярного исследователя Г.А. Ушакова, переизданные Гидрометом к его 100-летию (не без помощи Маолы Ушаковой, его дочери, которая работает у нас в ИОРАН). Книга написана ярко, и я реально ею увлекся. Ушаков в ней, в дневниковой форме, описывает освоение о-ва Врангеля и Северной Земли. Такие книги, когда они написаны талантливо, особенно хорошо воспринимаются, если и сам находишься, в этот момент, в сходных условиях, в экспедиции или на зимовке.

4 апреля 2003 г., пятница, 9:35, стоим у ст. Мирный. (66°29,67'S; 92°49,39'E). Ветер 115°; скорость 11 м/сек, T воздуха = -4,3°C, T воды -2,1°C. Пасмурно, но облачность высокая, кое-где проглядывает чистое голубое небо и иногда, сквозь тучи даже пробивалось солнышко. Предыдущий шторм, из-за которого мы ушли в океан, разломал весь новообразованный припай и вынес его из залива. Так что стоим почти в чистой воде среди осколков раздробленного льда. Идет легкий снег. С утра, после завтрака, чистили на кухне овощи, наступила наша очередь, а завтра весь день втроем

работаем в столовой в качестве официантов и посудомойщиков. Вставать придется почти в 6 утра.

В девять часов утра Дениска с Александром Куцурубой улетели в составе «похоронной команды» на Мирный, а затем на о. Буромского, чтобы похоронить там наших трех полярников. Подготовленные стальные гробы-саркофаги с телами должны быть подвешены под брюхо вертолета на станции, а затем перенесены на о. Буромского, и установлены там навечно, на специально подготовленных для этого площадках.

Раньше полярников хоронили на той станции, где они погибли. Теперь же всех везут на главную станцию. Сначала это была Молодежная, где ребят хоронили на Граните, а после закрытия Молодежной и передачи статуса главной российской станции Мирному стали везти сюда, на о. Буромского, где уже несколько десятков могил. Этот же остров облюбовали и пингвины Адели, огромная колония которых спокойно уживается по соседству с покойниками. Расположенные рядом другие острова они, почему-то, не так жалуют.

После похорон, для нас останется здесь последнее недоделанное дело: перекачать оставшиеся 500 тонн топлива на станцию. Как они это будут делать в отсутствии припая, ума не приложу! Вертолеты, говорят, свой положенный налет часов тоже израсходовали.

11:45. Ветер усилился и отогнал остатки разбитого припайного льда в океан. Стоим практически в чистой воде, по которой плывет полупрозрачная снежура в виде изгибающихся длинных вытянутых полос серого цвета, мало отличающихся по цвету от морской воды, хотя и более матовых. Там и здесь, внутри этих полос, видны небольшие белые обломки льда. Издалека легко отличить чистые участки воды от покрытых молодым льдом. В ветреную погоду, которая здесь всегда, на чистой воде, кроме волн видна, еще и мелкая рябь, а на воде, покрытой молодой ледяной массой, рябь отсутствует и видны только волны. Впечатление такое, как будто вода покрыта нефтяной пленкой.

После чая прилетели наши бойцы с о. Буромского. Им там крепко досталось. Стальные саркофаги были очень тяжелые, а тащить их пришлось вверх по скалам. Каждый саркофаг тащило 8 человек. После похорон, выпили по русскому обычаю, стрельнули ракетами, и на этом все закончилось. Еще три человека Антарктида навечно оставила у себя. Таким образом счет российских/советских граждан, а также иностранных граждан, работавших на наших станциях, умерших, а чаще погибших, за все время наших антарктических исследований, начиная с середины 50х годов доведен до 85-87 человек. 45 человек захоронено на ст. Мирный, 18 человек похоронено на ст. Молодежная, несколько

человек, меньше десятка, захоронено на других станциях, а прах остальных, по просьбе родственников был возвращен на родину.

По словам Дениса, после похорон еле успели вылететь, так как сильно задуло с купола. Говорят, горючего осталось на две вертолетные ходки, после чего можно будет уходить. А вот куда пойдём, на ст. Новолазаревская или в Кейптаун, до сих пор не ясно.

5 апреля 2003 г., суббота, 9:30, стоим у ст. Мирный. (66°31,47'S; 92°53,85'E). Ветер 135°; скорость 9,5 м/сек, Т воздуха = - 11°С, Т воды -2°С, Р= 987 НРА. Ясно, солнечно. Стоим в полях новообразованного блинчатого льда. Блины явно «свежие» с загнутыми вверх краями, светло-серые. Сегодня подошла опять наша очередь дежурить, на этот раз, к нам добавился еще и Денис. Встали в 6:15 утра. Пока ребята собирались я решил понаблюдать за рассветом из иллюминатора. Зрелище было красивое. Вся восточная часть горизонта была выкрашена поднимающимся солнцем в пастельные цвета от желтого, до яркого оранжево-красного цвета. На фоне этого неба полосами вытягивались темные облака голубовато-серого цвета. Но самым интересным и необычным явлением оказались миражи.

Глядя из иллюминатора, я обратил внимание на неболь-

шие черные линзы и точки, висящие чуть выше линии горизонта. Сначала я подумал, что это облака, затем, после внимательного рассмотрения этих объектов в бинокль понял, что это не облака, а что-то другое. Объекты двигались вместе с нами, т.е. угловая скорость их перемещения вдоль линии горизонта была равна скорости движения «Федорова». Так и не найдя удовлетворительного объяснения этому явлению (в глубине души я, грешным делом даже подумал уж не пресловутые ли это летающие тарелки), мы ушли на дежурство в столовую, где думать о точках и линзах на горизонте было уже некогда. Объяснение столь необычному явлению пришло только днем. Удивительно черные точки и линзы на горизонте оказались миражами айсбергов, находящихся за горизонтом. Явление это, можно наблюдать в хорошую погоду, вследствие сильной рефракции, т.е. преломлении лучей света при переходе из слоя воздуха одной плотности в другой. Раньше, я полагал, что такое возможно только в местах с жарким климатом, где и сам не раз эти миражи наблюдал, а теперь вот столкнулся с ними в Антарктике, где, как оказалось, миражи тоже не редкость. Изучение в бинокль линии горизонта выявило не только миражи крупных айсбергов, но и торосов и более мелких льдин. Наблюдать все это было ужасно интересно, картина была какая-то нереальная – висящие в небе над горизонтом айсберги, какие-то отдельные куски льда, похожие на грибы или фантастические космические аппараты, ледяные торосистые поля. Всё это захваты-

вало воображение.

После обеда к нам подошла Инна и попросила отобрать напоследок пробы блинчатого льда и подледной воды, что я и сделал, чуть не отморозив себе руки, т.к. взял тонкие тряпочные перчатки, а вода, все-таки, -2°C и чтобы заполнить бак, отбирать лед пришлось минут 20 при помощи плоской металлической сетки, обычно используемой морскими химиками для сбора верхней тонкой пленки морской воды. Блинчатый лед мы до сих пор не отбирали, не было удобного случая.

Сразу после чая по радио торжественно объявили, что работы на станции Мирный закончены и судно направляется в море Лазарева для выполнения гидрологических работ. Начали продираться сквозь строй айсбергов безмолвно застывших во всей своей ледяной красе по левому и правому борту. Часть айсбергов вдали, на горизонте были реальными, а другая часть, при ближайшем рассмотрении, оказалась миражами. Наверное, для усиления эффекта расставания, Антарктида решила преподнести нам свой последний подарок. Айсберги и кромка барьера вдоль Мирного были окрашены лучами заходящего солнца в нежнейший розовато-оранжевый цвет, в затененных местах переходящий в голубой. Прощаться с Антарктидой и полюбоваться на такую красоту на палубу вышли почти все члены экспедиции. Все оживлённо

переговаривались друг с другом, фотографировались. И мы решили, пофотографироваться на корме, на фоне этой красоты на цифровую камеру, которую Денис выпросил у гидрооптиков. Впоследствии выяснилось, что материализовать эту красоту не удалось – фотографии получились какими-то темными и невыразительными. Антарктида не захотела расставаться со своими сокровищами. Зато в памяти нашей она осталась во всей своей красе.

69. Главное здание станции Мирный

70. Окрестности станции

71. НЭС «Академик Фёдоров» во льдах на подходе к станции Мирный

96

72. Айсберги и острова в море напротив станции Мирный

73. На фоне залива

74. Вертолёт приземлился на станции

75. Пингвины Адели удирают от нас вниз по склону к при-
паю

76. Тотем и вездеход Пингвин на вечном приколе

77. Вид на территорию станции Мирный и залив Мак-Дональда с вертолета

78. На вершине острова Хасуэлл

79. «Дульник» в «саду камней»

80. Южный океан. Вид с вершины острова

81. Опробование внутреннего «пингвиного» озера на острове Хасуэлл

82. О. Хасуэлл, Нижнее озеро на котором работают экологи

83. Закат у станции Мирный.

84. У поморников сегодня день задался – раздают еду

85. Отбор проб снега на куполе, на ст. Мирный

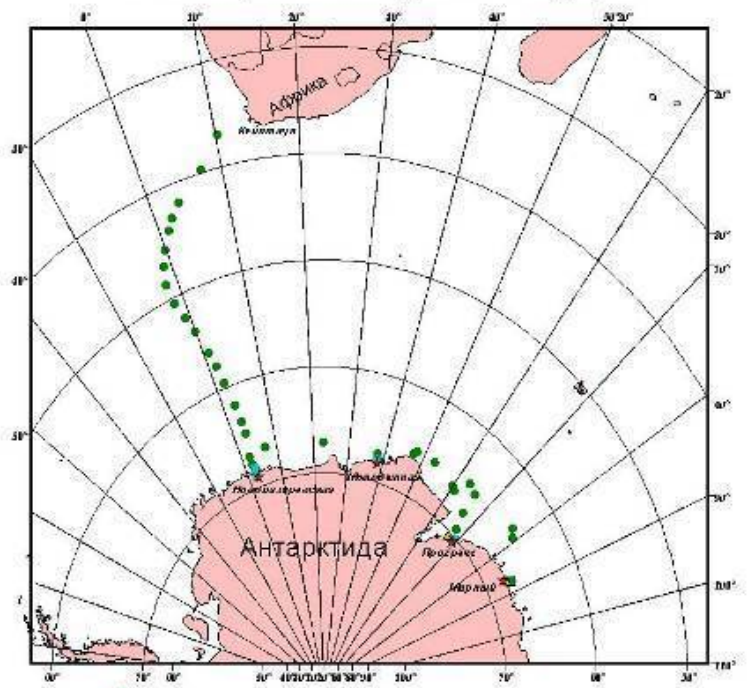
86. Снежные заступы на куполе

87. Снежура на поверхности моря

Карта фактического материала, 48 РАЭ, нэс "Академик Федоров"

500 0 500 1000 1500 километры

- ★ Станции
- Проны озер и барьера
- Морской лед
- Морская вода

12.Прощай Мирный! Идём на запад.

6 Апреля 2003 г., воскресенье – День Геолога. (66°04,03'S; 93°33,40'E, гл. 625 м.). Судно: 281°, 14,9 узлов. Ветер 101°; скорость 19 м/сек, Т воздуха = -13,5°C, Т воды -2,4°C Р= 975 НРА. Пасмурно. Идем сквозь сплошные поля молодого льда. Иногда это блинчатый лед, а иногда это просто ровный тонкий лед серого цвета, без заметной текстуры, кое-где рассеченный трещинами. Лед еще настолько тонкий, что колыхается под воздействием волн. С утра опять наблюдали миражи айсбергов в большом количестве. Иногда даже и разобрать трудно, где реальные айсберги, а где миражи. В этом случае помогает бинокль.

Где-то после 11 часов мы неожиданно развернулись и пошли в обратную сторону, т.е. опять к Мирному. Все в недоумении. Говорят, что на нас надвигается циклон, и мы опять будем штормовать под защитой ледника Шеклтона. Скорость ветра увеличилась до 25 м/сек. Перед обедом зашла Инна, поздравить нас с Днем геолога. Выпили, и разработали план праздничных мероприятий. Затем зашел Наиль и принес CD со своими фотографиями о. Хасуэлл.

Праздновали День геолога как всегда у Инны в каюте. Кроме нас присутствовали еще Володя Раздольский и Мила. Все прошло тихо, без эксцессов. Раздольский сказал, что на западе нас ждет огромное ледяное поле, поэтому мы будем пытаться его обойти с востока. В Антарктике кратчайший путь не всегда самый быстрый и безопасный.

В 20:30 зашел в лабораторию, посмотреть, что происходит. За бортом темно, жуткий ветер и пурга; стоим на месте. На палубе намело сугробы и из-за ветра довольно трудно передвигаться. Только повернул за надстройку как на меня ветром вынесло какого-то мужика, наверное, геолога с «Дружной». Я поймал его за рукав, мы вместе посмеялись над этим маленьким происшествием, и разошлись в разные стороны. Как мы и предполагали, опять прячемся за Ледником Шеклтона. Наши координаты: $66^{\circ}06,63'S$; $94^{\circ}42,86'E$, гл.450 м. Ветер 90° ; скорость 22,5 м/сек, Т воздуха = $-12^{\circ}C$, Т воды $-2,5^{\circ}C$, Р= 975 НРА. Вероятно, решили отстайваться здесь и ждать указаний из Питера. Торопиться некуда, Кейптаун заказан на 22 апреля.

7 Апреля 2003 г., понедельник. 7:45. Как хорошо, что вчера мы вовремя остановились. До чего же приятно просыпаться утром не с похмелья, и когда голова не болит! Идем

сквозь сплошные поля молодого льда. Вокруг все белым-бело вплоть до горизонта. Вчерашняя метель накрыла весь молодой лед снегом. Кое-где попадаются черные полыньи. Читаю вторую книгу Г.А. Ушакова, «По нехоженной земле» где он описывает свою экспедицию на Северную Землю. Случайно подметил интересную деталь. Оказывается, место высадки экспедиции Ушакова с ледокола «Седов» на один из островов Северной Земли, впоследствии названный им о. Домашний, и где он разбил базовый лагерь своей экспедиции, совпадает по долготе с местом расположения первой советской станции на Антарктическом континенте «Мирный». Интересное совпадение; да и совпадение ли? И вообще, есть ли в этом мире место для случайностей? Или может быть все заранее расписано на каком-то другом уровне, а мы лишь следуем начертанному для нас пути? Извечный вопрос.

9:00, пока идем в западном направлении, находимся примерно в 110 км к СЗ от ст. Мирный. Пасмурно, пурга, видимость не более 100-150 м. Кругом битый более старый лед в виде больших блинов вперемешку с молодым льдом и ледяной крошкой. Иногда входим в участки чистой воды. На льдинах кое-где попадаются небольшие пингвины семейства. На палубе за ночь намело солидные сугробы. Кое-где, среди сравнительно тонкого льда, попадаются большие толстые льдины (толщиной до 1,5-2 м) – остатки прошлогоднего припая. Иногда мы на них «наезжаем», тогда у нас в каю-

те ощущается толчок и раздается глухое «буммм...» Около 10 часов во льду стали встречаться и небольшие айсберги. По всей видимости, мы находимся в районе старого припая, оторванного от берега и перемолотого штормами.

103

8 Апреля 2003 г., вторник, 9:00, (63°40,71'S; 82°32,30'E, гл. 3367 м.). Судно: 260⁰, 15,7 узлов. Ветер 56⁰; скорость 10,5 м/сек, Т воздуха = - 2,5⁰С, Т воды 0⁰С Р= 972 НРА. Погода улучшилась, скорость ветра уменьшилась, а температура воздуха и воды заметно повысились. Переменная облачность, иногда проглядывает солнце. Идем по чистой воде, волнение около 2-х баллов. Как всегда, судно облетают поморники и буревестники в поисках поживы. Сегодня опять приступили к регулярному отбору поверхностных проб воды на ходу судна полиэтиленовым ведром. На горизонте с обоих бортов видны одиночные айсберги. Здесь они уже подверглись длительной ветровой и волновой обработке и приобрели вычурные формы. Вот только несколько из них: два паруса вместе, как на двухмачтовом судне; ледяной замок с тремя башнями; спина огромного белого кита или атомная подводная лодка со спиленной надстройкой; отдыхающая на солнце огромная ящерица игуана с растопыренными щитками за головой; речная баржа с надстройкой на корме и т.д. Одним словом, что ни айсберг, то творение

скульптора. Размеры айсбергов зачастую поражают всякое воображение. Самые большие из встреченных нами в этой экспедиции айсбергов достигали по моим оценкам несколько сотен метров и даже километры в длину. И это далеко не предел. Гигантский айсберг, занесенный в книгу рекордов Гиннеса был зафиксирован в 80-х годах прошлого столетия судном США в 150 милях от о-ва Скотта и имел размеры: 396 x 111 км! Айсберг размером 160 x 172 км, отколовшийся в 1964 г. от шельфового ледника Эймери просуществовал более 15 лет, дрейфовал в 50-е широты, где разрушился в 1979 г. Обнаруженный в 1924 г. айсберг длиной 120 км и высотой 90 м (можно представить себе его общую высоту, если учесть, что две трети айсберга располагается под водой) дрейфовал 10,5 лет за пределами Антарктики. По подсчетам, средняя скорость дрейфа айсбергов составляет 0,36-0,38 км в сутки.

12:45. Только что в каюту влетела разгоряченная Немировская и сообщила: «На настоящий момент информация такая: идем в Хельсинки, а нас всех из Кейптауна отправляют самолетом. Везти всех на борту и держать в Хельсинки очень дорого». Ответом ей была секундная тишина, а затем наш дружный громовой хохот. Все эти метания и новые идеи руководства уже кроме смеха у нас ничего не вызывают. Я Абрамовне сказал, что готов и в Хельсинки сходить, т.к. никогда в Финляндии не был. Денис авторитетно заметил, что

он там бывал, и ничего хорошего там нет: ни тебе травы спокойно покурить, ни в кабаке по-человечески оттянуться, т.к. пиво и алкоголь очень дорого стоят, не подступиться. Одним словом, дрянь страна. Сашка его тоже поддержал: «Лучше уж заходить в Стокгольм, там веселее», я ему: «А я и не против». «Ну, вот поезжайте в Москву, а оттуда и в Стокгольм махните», мрачно ответил Саша. На том дискуссия и закончилась. Саша с Инной пошли в лабораторию разбираться с пробами, а мы с Дениской, посудачив еще немного о тупости руководства, которое от нечего делать придумывает эти слухи-забавы и распространяет их среди судового населения, занялись каждый своим делом: он спать, а я сел за компьютер.

9 Апреля 2003 г., среда, 10:00, (64°23,42'S; 68°30'E, гл. 3200 м.). Судно: 276°, 14,3 узлов. Ветер 259°; скорость 12 м/сек, Т воздуха = - 6°C, Т воды - 1,4°C P= 987 НРА. Облачно с прояснениями. На горизонте, кое-где видны редкие айсберги. С утра ветрового волнения практически не наблюдалось. Однако была сильная зыбь (2-3 м). Судно шло лагом к волне и всю ночь переваливалось как утка. Примерно к 9 часам посвежело и на зыбь стала накладываться ветровая волна в 2-3 балла. Механики разворотили всю нашу фильтрационную лабораторию. Вчера засорился расположенный по соседству туалет и починка его каким-то образом связана

с разгромом нашей лаборатории. По последним сведениям о нашей дальнейшей судьбе мы все идем в Европу, а из Кейптауна, кроме летчиков улетят всего человека четыре, которым действительно нужно и за которых заплатят их компании.

14:20. Погода ухудшилась, повалил снег, видимость около 200-250 м. Однако ветер стих, (3 м/сек), воздух потеплел до -4°C и волнение тоже уменьшилось, осталась лишь зыбь, той же высоты, как и была. Даже буревестники куда-то исчезли. Когда нос «Федорова» проваливается между двумя валами зыби, на бак забрызгивает морскую воду из-за этого всё на баке покрыто тонким слоем светло-серого морского льда.

10 Апреля 2003 г., четверг, 10:20, ($65^{\circ}08,41'S$; $54^{\circ}09,64'E$, гл. 2026 м.). Судно: 254° , 15,5 узлов. Ветер: 83° ; скорость: 7 м/сек, T воздуха = -8°C , T воды $-1,9^{\circ}\text{C}$ $P=990$ НРА. Облачно с прояснениями. Зыбь, волнение ~ 2 балла. Идем в окружении темных и белых буревестников, включая появившихся капских голубей (это небольшие морские птицы тёмной расцветки со «звёздами» на крыльях). Изредка к ним присоединяются поморники.

16:30. Проходим Землю Эндерби. Идем сравнительно близко от материка, несколько километров. На горизонте

видны горы Нейпир. Сегодня и завтра банные дни. Два раза сходил в баню. Один раз вместо обеда, когда в сауне никого не было, и второй раз с ребятами в 22:30. Баня на судне одна из немногих радостей жизни. Завтра у Оли день рождения. В качестве подарка мы сделали ей ликер Бейлис, по рецепту Дениса.

12 Апреля 2003 г., суббота, 9:25, (67°43,76'S; 26°45,00'E, гл. 3800 м.). Судно: 260°, 12,8 узлов. Ветер: 258°; скорость: 19 м/сек, Т воздуха = - 2,4°C, Т воды = - 1,3°C P= 952 НРА. Находимся в море Рисер-Ларсена. Переменная облачность, продолжает штормить. Идем носом на волну, поэтому не так сильно качает. Судя по метеосводкам и давлению, мы сейчас где-то глубоко в чреве циклона. Поэтому не исключено дальнейшее ухудшение погоды. С утра очень долго не расцветало. Обычно в 6:30 за окном уже начинало расцветать, а сегодня и в 7:30 было еще совсем темно ни намек на расцвет. Удивившись, я пошел на завтрак и только там понял, что это объясняется тем, что мы уже сравнительно далеко продвинулись на запад, а часы не переводили. Т.е. судно продолжало жить по московскому времени, на которое мы перешли пару-тройку дней тому назад, а природа за бортом уже живет по среднеевропейскому. Через некоторое время, мою нехитрую догадку подтвердил старпом, объявив по спикеру: «Сегодня ночью на вахте второго помощ-

ника в 4 часа часы будут переведены на один час назад». Ну что же, это не плохо. На целый час будем больше спать.

Вчера в сауне от наших вертолетчиков «малыша» Игоря и его брата, почти такого же «малыша», Жени я узнал, что наша судьба в очередной раз не определена. В первоначальный план нашего похода в море Лазарева на ст. Новолазаревская входила лишь доставка со станции на борт «Федорова» очередного больного, представителя фирмы «Интари», у которого случилось предынфарктное состояние. В данном случае наши медики, напуганные большим количеством несчастных случаев и болезней, решили перестраховаться и, наверное, это правильно. Нельзя оставлять на зимовку человека, если имеется даже малейшее подозрение, что он эту зимовку может не пережить. Теперь же оказывается, что для нас там нашли еще работенку. Во-первых, нашим летчикам предстоит откопать на новолазаревском аэродроме из-под снега, расконсервировать, завести и перегнать в другое место два самолета АН-2. А во-вторых, от барьера, на который мы в прошлый раз перегрузили горючее, контейнеры и технику, откололся и ушел в море в виде айсберга кусок, на котором вся эта техника и горючее преспокойненько оставались после нашего ухода, вместо того, чтобы быть переправленными на станцию. Дурдом в чистом виде! Теперь, по одному из сценариев, нам предстоит разыскать «беглеца», что несомненно потребует значительных затрат времени. По-другому, более

счастливному для нас сценарию, высказанному представителем компании, которой все это принадлежит, все уже утонуло или расплылось по океану и искать там нечего, как-нибудь спишут. Завтра приходим в море Лазарева, где всё должно проясниться.

13 Апреля 2003 г., воскресенье, 8:20, (69°03,55'S; 13°12,12'E, гл. 2073 м.). Судно: 224°, 7 узлов. Ветер: 245°; скорость: 2,1 м/сек, Т воздуха = - 6,7°C, Т воды = - 2,4°C Р = 975 НРА. Идем сквозь битый лед. За бортом опять похолодало и несмотря на то, что сегодня ночью часы были передвинуты на 1 час назад, все еще темно. Лишь на востоке появилась тонкая желтоватая полоска, предвещающая скорый рассвет. Небо чистое, ветра почти нет. Хорошо видны звезды, но ярче других на небосклоне в этот час не мигая сияет Венера – самый заметный объект над нами. Постепенно светает, и звезды одна за другой исчезают. Вот уже и ближайшая к нам звезда Альфа из созвездия Центавра потухла и на небе в одиночестве воцаряется Венера. Царство это, однако, длится не долго и с первыми лучами солнца утренняя красавица Венера скромно исчезает с небосвода, оставляя сцену действия своему могущественному патрону.

До барьера, где «Федоров» обычно останавливается, когда приходит на Новолазаревскую, остается по словам Леонтьи-

ча и Кирюши около 60 миль. По мере нашего продвижения к континенту льды становятся все толще и плотнее и вот уже в каюте опять ощущаются толчки. Время от времени слышен скрежет льдин о борт и раздаются характерные удары, после которых все судно содрогается в течение нескольких секунд. С одной из льдин нас с интересом рассматривает парочка императорских пингвинов. Насмотревшись вдоволь они заторопились прочь, лихо заскользив на пузе к ближайшей полынье. Жизнь на судне становится веселее.

17:50. Встали в дрейф в молодом припайном льду напротив барьера. До этого с утра ходили галсами по заливу: вероятно искали уплывший айсберг с бочками и контейнерами. Вокруг нас, на некотором удалении громоздятся огромные столовые айсберги размеры некоторых из них, в поперечнике, достигают нескольких километров. Вдалеке, по левому борту, примерно в 300-400 м расположилась у полыньи маленькая колония из 4-х императорских пингвинов. Все лежат, чтобы легче было противостоять сильному леденящему ветру. Никакого желания подходить к «Федорову» в такую погоду у них не возникает. Время от времени кто-то из них встает и машет крыльями – то ли разминается таким образом, то ли подмышки проветривает. Вообще, время от времени энергично помахать крыльями – любимое пингвинье занятие, как у пингвинов Адели, так и у императоров.

13. Возвращение.

14 Апреля 2003 г., понедельник ($70^{\circ}01,44'S$; $12^{\circ}17,18'E$). Ветер: 105° , 25 м/сек, T воздуха = $-12^{\circ}C$, $P=970$ НРА. Слабая облачность, высокие перистые облака. Заря высветила их в розовом, телесно-желтом и нежно-голубом пастельных тонах. Продолжаем стоять во льдах, на удалении от барьера. Молодой лед сковало морозом вокруг «Федорова». Лед стал белым – это говорит о том, что толщина его заметно увеличилась. Пока свистит такой ветер, вертолеты летать не будут. Из-за ветра и холода на палубе стало очень неуютно. Ветром тебя так и несет по палубе, как только выйдешь из-за надстройки. Днем стало еще холоднее $-17^{\circ}C$, а ветер усилился до 27 м/сек. По своей силе ветер приблизился к ураганному, который начинается с 29 м/сек, по шкале Бофорта, принятой на море. Ветер со скоростью 27 м/сек (примерно 100 км/час) классифицируется как жестокий шторм, по той же шкале. Никуда не двигаемся, стоим там же, вмерзшие в лед. Судя по направлению ветра (дует с востока), ветер не стоковый, т.е. не с купола Антарктиды, а циклональный, что, как говорят, хуже, т.к. может продлиться дольше. Перед обедом в каюту заходила Немировская и сказала, что вряд ли нас отправят из Кейптауна, слишком много заявок. Отпра-

вят, скорее всего, только летчиков и больных.

21:50. Зашел в нашу лабораторию поставить сушиться сахара в сушильный шкаф. Ветер несколько ослаб, до 21 м/сек, хотя, как только выходишь из-за надстройки, так и норовит бросить к правому борту. Дует с левого борта, поэтому он закрыт для хождения. Давление тоже упало, что не радует, т.к. падение давления обычно ничего хорошего не предвещает. Звезд не видно. На небе дымка, сквозь которую проглядывает размытая призрачная луна. Делать нечего, поэтому весь день читали и смотрели кино в столовой. Сегодня работала библиотека, и я поменял книги. Не сказать, чтобы в судовой библиотеке было много литературы, но кое что интересное иногда удается выловить. Заканчиваю с книгой Г. Ушакова, Немировская на очереди. Я эту книгу сильно разрекламировал, и теперь все хотят её прочесть.

15 Апреля 2003 г., вторник ($70^{\circ}01,39'S$; $12^{\circ}15,96'E$, гл. 450). Дрейфуем со льдами. Ветер: 103° ; скорость: 26 м/сек, Т воздуха = $-8^{\circ}C$, Р= 966 НРА. Снег, метель. Видимость не более 100 м. Под утро я проснулся от жуткого скрежета и грохота. Оказалось, что ветер и волны стали надвигать на нас лед и эти звуки издавали льдины, которые со скрежетом терлись о борт «Федорова» и ломались с громким грохотом и хрустом. В данном случае это не опасно, т.к. это молодой лед

толщиной всего 15-20 см, а вот когда судно затирают льды толщиной 2-3 м, это уже на много хуже. После завтрака судно сделало циркуляцию вокруг ледяного поля и опять легло в дрейф. Вокруг все бело. Небо ото льда невозможно отличить по цвету, горизонта не видно. Ветер так раскачал море, что зыбь ощущается даже во льдах, где мы стоим, чувствуется как судно качает. Ураганом покололо лед, и льдины наехали друг на друга, образовав что-то похожее на мелкие торосы.

После обеда к нам в каюту пришла Инна и принесла для меня радостную весть: ААНИИ дал добро, и я вылетаю из Кейптауна прямо в Москву, минуя Питер. Потом она пригласила в нашу каюту Арнольда Богдановича Будрецкого, у которого вчера был день рождения – 75 лет. Мужик оказался интересный, из старых полярников. Зимовал на СП в Арктике и неоднократно в Антарктиде, включая станцию Восток. Во время одной из зимовок, в которой он принимал участие, 21 июля 1983 был зарегистрирован абсолютный рекорд холода на Земле $-89,2^{\circ}\text{C}$. Позже, я читал, что японские и американские спутники регистрировали в Антарктиде и более низкую температуру, -94°C или -95°C , но на земле это никем не было подтверждено, так-что наш рекорд официально до сих пор не побит.

16 Апреля 2003 г., среда ($70^{\circ}01,39'S$; $12^{\circ}15,96'E$, гл. 232

м). Судно в дрейфе. Ветер: 110° ; скорость: 21,7 м/сек, Т воздуха = -8°C , Т воды = $-2,5^{\circ}\text{C}$ Р= 965 НРА. Стоим в чистой воде по которой проходят полосы снежуры. Летчики, несмотря на сильный ветер, все-таки собрали вертолет и после обеда слетали на Новолазаревскую за больным. Сейчас он уже на борту. Под сильным нажимом Инны и Ольги мы сделали попытку забросить с кормы сеть Джели и отобрать планктон. Ничего не получилось. Из-за ветра сеть сильно сносило, и она не хотела заглубляться, а попытки половить планктон с поверхности привели только к отлову битого молодого льда, который тут же плотно забил стакан, закреплённый в нижней части сети и предназначенный для сбора пробы планктона.

17 Апреля 2003 г., четверг ($69^{\circ}59,72'S$; $12^{\circ}33,61'E$, гл. 241 м). Ветер: 115° ; скорость: 25 м/сек, Т воздуха = $-9,5^{\circ}\text{C}$, Т воды = $-2,2^{\circ}\text{C}$. Р= 960 НРА. Продолжаем дрейфовать в чистой воде, по которой проходят полосы снежуры. Метель, видимость 100-150 м, море 3-4 балла. Уже которые сутки находимся в центре циклона, который завис над нами и никуда не желает уходить. Хорошо, что вчера вертолетчиков буквально заставили слетать на станцию за больным. Сегодня, скорее всего, они бы уже не смогли этого сделать. По скорости ветра у них предел 17 м/сек, а сегодня ветер ниже 18 м/сек не. На 10 часов руководством экспедиции запланирована гидрологическая станция с розеттой. Не думаю, что это

получится, погода слишком свежая для забортных работ.

9:20. Идем на север, ветер практически не спадает: 23 м/сек; видимость 75-100 м, метель и морские брызги. Судя по метеосводке и спутниковым фотографиям, с запада наш циклон уже подпирает антициклон, который распространил прекрасную погоду над Антарктическим полуостровом и морем Уэдделла. По расчетам, в море Лазарева он подойдет через 1-2 дня, что сделало бы возможным выполнение гидрологического разреза, о котором так давно и безуспешно мечтают наши гидрологи. Но, к сожалению, мы не можем больше ждать, так-как продукты подходят к концу. Со следующей недели у входа в столовую перестанут вывешивать меню: кормить нас будут тем, что останется на продуктовом складе. Пока идем вдоль намеченного гидрологического разреза. Если вдруг в какой-то его точке погода улучшится, то выполним станцию, при условии, что капитан даст добро. Последняя из намечавшихся станций располагается к северу от 68° южной широты, и мы должны там быть во второй половине дня, ближе к вечеру.

Несмотря на сильный ветер встретили одинокую белую чайку, которая пару раз взлетала над крупной полыньей и тут же садилась. Как ей только удастся летать при таком ветре?

Все. Больше никаких станций не будет. Идем прямым

ходом в Кейптаун. По последним сведениям, должны быть в Кейптауне 25-26 апреля. Продолжает штормить, высокая зыбь.

После ужина в каюте прочел в книге Пьера Маньяна, «Под парусом через северные пустыни»: «Я верю, что родиться можно неоднократно, точно также, как и умирать... Каждый свершитель, каждый, кто вступил на избранный им путь, возрождается. И наоборот, каждый живущий лишь по инерции мало-помалу умирает. В нашем пресыщенном мире много таких людей, которые начинают умирать, едва распрощившись с юностью... Выбор образа жизни должен быть нацелен на то, чтобы возрождаться как можно чаще, а скончаться только один раз. Это будет последний отъезд после многих отъездов, когда все пути уже пройдены».

19 Апреля 2003 г., суббота ($60^{\circ}44,20'S$; $13^{\circ}20,40'E$). Судно 350° , скорость 9 узлов. Ветер: 280° ; скорость: 17 м/сек, T воздуха = $-1,2^{\circ}C$, T воды = $-1^{\circ}C$. $P=975$ НРА. Переменная облачность, полнеба голубое. Качка усилилась и перешла в килевую, однако, и бортовая имеет место. Море более 6 баллов. Ночью повернули на СЗ – обходим циклон. Весь день очень сильная качка, иногда кладет так, что на кухне и в каютах все летит с полок. Вечером во время просмотра фильма в столовой, пара человек упало со своих стульев,

когда особенно сильно качнуло. Сидеть приходится широко раздвинув ноги и вцепившись руками в стол.

20 Апреля 2003 г., воскресенье ($55^{\circ}05'S$; $13^{\circ}27,30'E$, гл. 4500-5000 м). Судно 0° , скорость 15,2 узлов. Ветер- 272° ; скорость- 8 м/сек, T воздуха = $-0^{\circ}C$, T воды = $0^{\circ}C$. $P=988$ НРА. Облачность высокая, переменная. Солнце то появляется, то исчезает. Ветровое волнение слабое, но все еще сильная зыбь. С бака можно отбирать воду ведром.

К обеду ветер и волнение усилились. За обедом узнал, что в Москве убили очередного депутата, на этот раз из либеральной партии Березовского. После обеда стал собираться, распределяя свое скудное имущество между двумя выючниками, которые остаются на борту, и чемоданом с сумкой, которые я беру с собой в самолет. Выючники ребята отправят в Москву с прочим экспедиционным оборудованием после возвращения в Питер. Самое сложное, как оказалось, было упаковать засушенных южноафриканского жука и антарктические мхи, для чего мне пришлось специально переделывать и благоустраивать коробочку из-под чая. После этого устроил постирушку, и теперь я практически готов к отлету, если таковой состоится. А если нет, то тоже не беда, навел порядок в своих ящиках и на полке, что всегда полезно сделать. Вечером отмечали День Науки у Абрамовны в каюте.

Мой план прекратить пить до Кейптауна никак не удастся претворить в жизнь – все время какие-то праздники. Ничего нет из дома, начинаю волноваться. Думаю, что писать уже не стоит. Позвоню из Кейптауна.

21 Апреля 2003 г., понедельник (49°44'S; 13°24,20'E). Судно 350°, скорость 12,4 узлов. Ветер- 301°; скорость- 16 м/сек, Т воздуха = 4°C, Т воды = 3,1°C. Р= 998 НРА. Облачность высокая, светит солнце. Ночью началась сильная качка. Закладывало так, что трудно было уснуть. Сегодня прошли 50 параллель, которую я назвал «Широтой скорби РАЭ». Дело в том, что на пути из Антарктиды на север, при пересечении этой широты прекращаются выплаты антарктических надбавок. Продолжается сильная качка килевая и бортовая. Потеплело. Давно уже не было плюсовых температур. К Кейптауну планируем подойти в четверг 24 апреля.

*****

В этом месте, записи, которые я вёл в рейсе, обрываются, т.к. из-за трагической новости о смерти дочери в далёкой Новой Зеландии, у меня не было никаких сил их продолжать. Дальнейшие события восстанавливал уже по памяти, в Москве, по прошествии многих лет.

Два или три дня я не выходил из каюты: не хотелось ни есть, ни пить, ни общаться. Хочу отдать должное моим коллегам Инне, Саше Новигатскому и Саше Плишкину, Денису, Ольге и другим – все они искренне пытались мне помочь и успокаивали, как могли. Лишь по приходу в Кейптаун, где нам предстояло провести около недели, ребята вытащили меня в город, надо было продолжать как-то жить дальше, да и обещанный А.П. Лисицыну фильм закончить тоже было необходимо.

В первый день захода в город вышли вчетвером: Саша Новигатский, Денис Айбулатов, Роман Смирнов и я. Ещё на судне я узнал, что в городе есть православная церковь, которую я задумал посетить в первую очередь, уж очень на душе было скверно. В принципе, я человек не церковный, и никогда им не был, хотя и к убеждённым атеистам себя не причисляю. Однако, в жизни каждого человека иногда случаются такие моменты, что хочется и к богу обратиться и в церковь сходить. У англичан есть пословица на эту тему «There are no atheists in the fox hole!»². Ребята вызвались составить мне компанию и после непродолжительных поисков мы эту церковь нашли. Ею оказалась Греческая православная церковь Св. Георгия, сравнительно недалеко от Вотерфронта. В этой церкви проводили попеременно службу как для сто-

---

² «В лисьей норе нет атеистов» – это отсыл к любимой забаве английских аристократов, охоте с собаками на лис.

ронников греческой православной, так и русской православной церковью. Необычным для нас было наличие скамеек в церкви, у нас ведь этого нет, а здесь скамейки, как в католическом храме. Мы попросили у местного служителя найти русского священника и нам тут же его привели. Им оказался молодой парень, которого прислали из России для оказания церковных услуг русским верующим, которых было не так уж и мало в Кейптауне. Парень оказался очень интеллигентным и доброжелательным, как и положено священнику, и мы с ним довольно долго проговорили о моём горе, о религии и вообще о жизни. Удивительно, но после общения в церкви с этим молодым человеком мне стало легче на сердце, и я даже как-то немного успокоился. К сожалению, по прошествии стольких лет я забыл, как звали молодого священника, помню только, что он окончил семинарию в Сергиевом Посаде (бывшем Загорске), откуда его направили служить в Кейптаун, а после Кейптауна обещали направить в Мельбурн.

На следующий день мы поехали в знаменитый Ботанический сад Кейптауна. Я хотел отказаться, но ребята уговорили. Сад располагался на пологом юго-восточном склоне Столовой горы, с обратной от океана стороны и назывался Kirstenbosch National Botanical Garden. Ботанический сад мне понравился множеством экзотических растений, своим расположением на склоне и вообще ландшафтом. Считается, что это лучший во всей Африке ботанический сад. За-

помнилась небольшая пальма, на указателе к которой было написано, что она растёт на земле со времён мезозойского периода, т.е. является ровесницей динозавров, которые её с удовольствием объедали. Походив некоторое время все вместе по саду, мы разделились. Мои молодые коллеги: Денис, Саша и Роман нацелились покорить Столовую гору, к этому мероприятию они готовились ещё с вечера. Я же решил продолжить прогулку по саду, договорившись с ребятами встретиться у выхода, после того, как они завершат свой квест. На судне, кто-то из команды меня предупредил, что штурм Столовой горы со стороны ботанического сада дело простое и требует определённых навыков, я же в своей физической подготовке не был уверен, поэтому не присоединился к молодёжи. Побродив по ботаническому саду и так и не дождавшись своих коллег, я взял такси и уехал на судно. Ребята же появились на борту где-то ещё через час.

Третий день стоянки в порту Кейптаун. Руководство экспедиции организовало для нас экскурсионную поездку на южную оконечность Африканского континента, мыс Доброй Надежды, напротив которого встречаются два океана: Атлантический и Индийский. Мы погуляли по Национальному парку, поднялись к действующему маяку, любовались невероятной красоты скалами, круто обрывающимися в океан и обрамляющими узкую полосу песка внизу – неприступный пляж Диаса. Открывающийся вид завораживал.

Справа простирался Атлантический океан, а слева Индийский и, что самое удивительное, справа от воображаемой линии схождения океанов воды были более бурными, чем слева.

Эта картина навела меня на мысль, что воды Атлантического океана, который символизирует в большей степени европейскую цивилизацию, куда более холодны и беспокойны, чем тёплые спокойные воды Индийского океана, что в значительной степени совпадало с моим представлением о нациях, населяющих берега обоих океанов.

Пока ехали в автобусе встречали отдельные группы бабуинов, которые с интересом нас разглядывали, а мы их. Мыс Доброй надежды – их царство, и они неустанно напоминают об этом людям, ведут себя нагло и напористо, зачастую отнимая у туристов еду. А как откажешь, если у бабуина острые клыки длиной 5-7 сантиметров, ростом они человеку по пояс, а вес крупных самцов может превышать 20 килограммов. В местном турагентстве, расположенном на верху среди скал, нам выдали сертификаты о посещении Мыса Доброй Надежды, а девушка, служащая агентства, мне этот документ даже и подписала. Этот сертификат до сих пор висит у меня над письменным столом, напоминая о Южной Африке и Антарктиде. На обратном пути заехали на страусовую ферму и пообщались с молодыми жизнерадостными страусами через сетчатый забор. К вечеру вернулись домой, на борт судна.

На этом, 48 Российская антарктическая экспедиция для меня закончилась, и на следующий день я уже летел в Москву. Мои коллеги продолжили путешествие на борту «Фёдорова». Они прошли вдоль Африканского континента более половины Атлантического океана, сильно обгорели в тропиках и прибыли в питерский порт, в самом конце мая, в день празднования 300-летия Санкт-Петербурга.

Южный океан

НЭС «Академик Фёдоров»

Апрель 2003 г.

Снятый в экспедиции видеофильм можно посмотреть здесь: <https://rutube.ru/video/c0d0f2e17c578f6153ac8c6b4875c6f5/>

Эпилог

А что же произошло за эти двадцать лет с участниками описываемых событий, как сложилась их судьба?

Инна Немировская и Александр Новигатский продолжают трудиться в ИО РАН. Инна Абрамовна – участник шести Антарктических экспедиций, в настоящее время главный научный сотрудник ИОРАН, продолжает заниматься вопросами углеводородного загрязнения Мирового океана. Новигатский защитил кандидатскую диссертацию и теперь возглавляет Аналитическую лабораторию, бразды правления которой ему передала И. Немировская. Денис Айбулатов, кандидат наук, преподаёт на кафедре гидрологии МГУ. Организовал компанию, которая занимается гидрологическим сопровождением инженерно-изыскательских работ крупных строительных проектов в России и за рубежом. Автор же этих записок, помотавшись по свету, переключился на работу в Арктике. Возглавлял несколько российских и международных экологических проектов, морских и сухопутных экспедиций под эгидой ЮНЕП, РГО, ГОИН и Полярного фонда. В настоящий момент трудится ведущим научным сотрудником в ГОИН им. Н.Н.Зубова Росгидромета.

Саша Плишкин перешёл работать в Институт геохимии РАН, где следы его затерялись. Ольга Воскобойникова и Роман Смирнов работают в ЗИН РАН. Ольга защитила докторскую диссертацию, а Роман кандидатскую. Николай Масолов, участвовал, по крайней мере, ещё в одном рейсе. Они поженились с Таней. К сожалению, Таня вскоре умерла от онкологического заболевания. Петр Богородский продолжает свою научную карьеру в ААНИИ. Александр Куцуруба участвовал ещё в нескольких антарктических экспедициях. В 50РАЭ был начальником сезонного отряда на станции Прогресс. Виктор Вендерович не участвует в экспедициях где-то с 2015 г.

Самый главный фигурант повествования, НЭС «Академик Фёдоров», несмотря на солидный для судна возраст (37 лет), продолжает не только успешно обслуживать Российскую антарктическую экспедицию, но и помогает в проведении исследований в Арктике. В 2005 г. судно без ледокольного сопровождения прошло через Северный полюс Земли. В 2007 г. с борта НЭС «Академик Фёдоров» в географической точке Северного полюса осуществлён спуск двух российских глубоководных обитаемых аппаратов, достигших дна на глубине 4300 м. А в 2019-2020 гг. судно приняло участие в международной комплексной научной экспедиции MOSAiC.

В судьбе антарктических станций, которые мы посетили, тоже произошли изменения. Станция Молодёжная была расконсервирована в 2006 г. и теперь имеет статус сезонной антарктической полевой базы. Станция Мирный передала первенство станции Прогресс, откуда теперь ходят санные поезда на станцию Восток. В настоящее время станция Прогресс является нашей флагманской станцией в Антарктиде.

К этой экспедиции я подошёл уже будучи вполне сложившимся полевым исследователем, со степенью кандидата наук. За плечами остались многочисленные сухопутные геологические экспедиции в пределах бывшего СССР и длительные рейсы по всему Мировому океану с заходами в порты многих стран на всех континентах. Как-то на досуге я подсчитал, что прожил в море более трёх лет чистого времени! Как всегда, в памяти лучше всего сохранились экстремальные события: дикие шторма, работа на палубе, часто при сильной качке, какие-то нестандартные рабочие и бытовые события и обстоятельства, интересные заходы, в места, куда даже экстремальному туристу бывает трудно попасть. Тем не менее, экспедиция в Антарктиду для меня явилась чем-то совершенно особенным и не похожим ни на что, с чем я сталкивался до этого. Прежде всего это была сама Антарктида, населяющий её животный мир, суровая красота её природы, непредсказуемая погода, и конечно невероятные люди, которые работают там и изучают эту особую планету. В

связи с этим я вспомнил историю, рассказанную мне коллегой геологом во время нашей совместной экспедиции в Арктике. После преддипломной практики, которую он проходил на Севере, он стоял в очереди за билетом на самолёт в Москву. К нему подошёл парень, постарше него и в состоянии лёгкого подпития, стали беседовать. Новый знакомый спросил моего приятеля, чем он занимается, на что тот ответил, что он студент-геолог и возвращается домой после практики. Тогда парень спрашивает: «А сколько раз ты сюда приезжал?», приятель отвечает, что уже второй раз, на что незнакомец выдал ему гениальную, на мой взгляд, фразу: «Больше не приезжай. Север затягивает!» Абсолютно тоже самое можно сказать и об Антарктиде – она завораживает и остаётся с тобой навсегда. Не зря ведь говорят о некоем особом «вирусе Антарктиды», которому некоторые люди не подвержены, тогда как других он заражает на всю жизнь. Больше 20 лет прошло с моего посещения Антарктиды, а кажется всё это случилось совсем недавно. Хочется оказаться там снова и снова и испытать те же эмоции от её суровой красоты, а иногда и от жестокости, полюбоваться на жизнерадостных и бесшабашных пингвинов и, конечно, опять пообщаться с работающими там людьми.

Москва

Январь-март 2024 г.